ПИОНЕР 1

ЯНВАРЬ • 1972 г. • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Ключ, как видишь, на своем постоянном месте — в самом начале номера. Он ждет тебя. Он готов открыть тебе страницы «ПИОНЕРА» нового, 1972 года.

Ключу не терпится. Год-то какой! Для тебя особенный и для всех важный и торжественный. **В мае исполнится пятьдесят лет твоей пионерской организации**, а в декабре снова праздник и снова **пятидесятилетний юбилей: день рождения Союза Советских Социалистических Республик.** Вот какой год предстоит нам прожить!

Привычным движением ты поворачиваешь ключ от журнала и... слышишь знакомую и прекрасную мелодию пионерских горнов и барабанов и шелест пионерских знамен. И четкий шаг пионерских отрядов сливается в Марше «Всегда готов!».

ГОТОВ ЛИ ТЫ помогать своей стране? Участвовать в пятилетке? Приносить пользу людям? На первых страницах собираются пионерские отряды на БОЛЬШОЙ ОБЩИЙ СОВЕТ.

В ОТРЯДЕ — ЧП. Как правильно поступить? РЕШАЙ! Вместе с ребятами из рассказа Владислава Крапивина «ШТУРМАН КОНОПЛЕВ».

КТО ЭТА ДЕВОЧКА на фотографии в музее? Мамина подруга тетя Вера? Скорее на страницу двадцать вторую! Ты познакомишься со следопытами из города Подольска. А как ТЫ создаешь музей пионерской истории? Напиши нам!

ПИОНЕРСКИЙ КОСТЕР ДРУЖБЫ горит на страницах журнала. Ребята рассказывают о своих друзьях из других республик. Мы приглашаем ТЕБЯ к нашему костру!

Рисунки
А. ВОВИКОВОЙ.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ЯНВАРЬ 1

Издательство «Правда»

Москва 1972 г.

В НОВОМ ГОДУ, мы знаем это совершенно точно, **исполняются заветные желания хороших людей.** Ты сомневаешься? Напрасно. Вот смотри. Люба (она не назвала свою фамилию) из Кандалакши просила напечатать рассказ **Владислава Крапивина.** Ее желание уже исполнилось. ПОБОЛЬШЕ ХОРОШИХ РАССКАЗОВ! — просят Саша Лаврухин из Свердловска и Саша Севастьянов из села Ямы.

Читайте в номере рассказы **Сергея Львова** «ПАПИН ПАРОХОД» и **Юрия Коваля** «У КРИВОЙ СОСНЫ».

«ПЕЧАТАЙТЕ СКАЗКИ! Любые: грустные, веселые — разные. Очень люблю сказки», — написал нам москвич Витя Панферов. И мы печатаем знаменитую сказку **Льюиса Кэрролла** «АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС», ее пересказал писатель **Борис Заходер.**

Мальчик двенадцати лет (так он назвал себя в письме) из города Амурска, Хабаровского края, «ждет в каждом номере рассказов **о достижениях науки и техники».**

В этом номере **О БУДУЩЕМ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ** рассказывает заместитель министра путей сообщения СССР **Анатолий Федорович Подпалый.**

О науке, помогающей земледельцам, ты прочтешь в очерке **Юрия Черниченко** «ЗЕМЛЯ В КОЛОСЬЯХ».

Рассказывайте о самых важных событиях в нашей стране и за рубежом! — просят читатели.

Побольше приключенческих повестей и рассказов!

Вожатым октябрятских звездочек и другим пионерским активистам нужны советы опытных вожатых...

Просим почаще печатать отдел «Надо посоветоваться!».

Хотим по-прежнему встречаться с Тремя Неизвестными, очень их любим...

Передайте привет Калинке!

Надеемся, дежурный «Палаты Ума» Никита Разговоров не покинет свой пост и в этом году...

Конкурсов хотим!

Игры разных народов хотим!

Отдел для коллекционеров хотим!

Внимательно читай журнал, многие желания наших читателей исполняются уже в этом номере.

С НОВЫМ ГОДОМ ТЕБЯ,
наш читатель,
наш друг,
наш помощник,
наш советчик!

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

Слушайте нас,
девчонки и мальчишки
в красных пионерских галстуках!
Всех, кто не может сидеть сложа руки,
когда вокруг кипит работа,
всех, кто хочет научиться
(или уже умеет!)
быть человеком,
полезным своей школе
и своему дому,
родному колхозу
и соседнему заводу,
городу и селу,
в котором живет,
людям, что оказались рядом,
всех, у кого острый ум,
зоркий глаз,
умелые руки и доброе сердце,

«ПИОНЕР» созывает на БОЛЬШОЙ ОБЩИЙ СОВЕТ

Мы предлагаем...
Впрочем, об этом немного позже.
Потерпи, пожалуйста.
И вспомни... Торжественная тишина линейки.
Замер в пионерском салюте строй твоих товарищей. И ты перед отрядным флагом или дружинным знаменем произносишь: «Всегда готов!».

Сколько бы раз ты ни повторял эти слова, они звучат как клятва. Клятва верности делу Коммунистической партии Советского Союза, а значит, делу и интересам твоего народа, твоей страны.

У партии коммунистов и у всех нас сейчас главная забота — хорошо и быстро выполнить девятый пятилетний план, а задача этой пятилетки, ты знаешь, велика и сложна: повысить благосостояние народа — устроить жизнь советских людей лучше и прекраснее, чем раньше.

Для этого нужно постараться так вести хозяйство, чтобы при меньших затратах на строительство и на производство доходы постоянно росли.

Заботиться о том, чтобы появлялись все новые и новые научные и технические открытия, и поскорее использовать их в деле.

Завод еще не построен, а деревья в будущем заводском дворе уже посажены.

Добиваться, чтобы один и тот же человек за одинаковое время смог сделать больше, чем выполнял вчера.

А ты?

Ты, человек сознательный, всегда готовый помогать делу коммунистов, можешь ли ты помочь сейчас старшим товарищам?

ЕЩЕ КАК МОЖЕШЬ!

Вот смотри. Вывели ребята новый сорт пшеницы. Придумали, как облегчить труд свинарки или доярки. Вырастили кроликов, взялись дружно и помогли колхозу убрать хлеб, хлопок, чай, картошку, яблоки. Участвуют

Рисунки А. БОРИСОВА

Новый сорт пшеницы вывели ребята.

они в выполнении общей задачи? Конечно, участвуют!

Пришли пионеры на завод, расспросили, сколько металлолома нужно на автобус, или на станок, или на самолет, и вот уже возит пассажиров по городу пионерский автобус, работает в заводском цехе еще один станок и летает новый пассажирский самолет.

Подружились ребята с рабочими и конструкторами, услышали от них, как дорого стоит опытный образец сложной машины, и предложили сделать в своем техническом кружке маленькую действующую модель. Сделали и сэкономили государству тысячи рублей. Внесли они свой вклад в пятилетку? Внесли, и немалый!

Возит по городу пассажиров автобус «Пионерский».

Пригляделись по-хозяйски к своему дому: разбили во дворе клумбы, посадили вдоль улицы тополя и клены, починили дорогу к детскому саду. Всякий понимает: растут хозяева!

Мы не сомневаемся: тот, кто носит красный пионерский галстук, хочет помогать старшим товарищам и быть полезным своей стране. Но, может быть, не все пока еще знают, **КАК ПРИНЯТЬСЯ ЗА ДЕЛО, КАК ДОВЕСТИ ЕГО ДО КОНЦА, У КОГО ПОУЧИТЬСЯ ИЛИ, НАОБОРОТ, КОМУ ПЕРЕДАТЬ СВОЙ ОПЫТ.**

Мы предлагаем открыть на страницах журнала

школу умелых хозяев.

Что это за школа такая? Чему в ней учат?

Быть умелыми хозяевами своей страны.

Кого в школу принимают?

Всех, кто на деле готов помогать своей стране.

Кто в школе учителя?

Ребята, которые второй год идут маршрутом «Пионерстрой», которые многому уже научились. Они расскажут нам о своем опыте, подробно, с фактами, с цифрами.

Взрослые — рабочие, колхозники, ученые, техники, инженеры, экономисты — бывалые люди.

Внимание! Внимание! Внимание!

— Слышите ли вы нас, пионеры прошлых лет?

Всех, кто давно или недавно носил красный пионерский галстук и остался верен ему на всю жизнь,

«ПИОНЕР» просит прийти на наш БОЛЬШОЙ ОБЩИЙ СОВЕТ.

Итак, мы предлагаем открыть на страницах журнала

ШКОЛУ УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ.

Кто за? Какие есть предложения, соображения, идеи? Кто хочет выступить? Кто поможет? ЖДЕМ! С НЕТЕРПЕНИЕМ ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ, РАССКАЗОВ, ПРЕДЛОЖЕНИЙ!

ЭМБЛЕМУ «ШКОЛЫ УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ» мы пока не придумали. Мы просим тебя придумать такую ЭМБЛЕМУ, нарисовать ее и поскорее прислать в редакцию.

★

В. КРАПИВИН РАССКАЗ Рисунки **Е. МЕДВЕДЕВА.**

Штурман Коноплев

За окном был двор и горячие от солнца гаражи. За гаражами — улица. За улицей — тополя. Среди тополей виднелась озерная вода: местами серая, местами блестящая от полуденных лучей. Озеро страдало от жары и безветрия.

Над тополями белела треугольная верхушка паруса. Сережа знал, что это яхта класса «финн», гоночный швертбот-одиночка заводского яхт-клуба. Рулевого с «финна» звали Саша Мартынчук. Сережа и еще двое ребят из морского пионерского отряда «Варяг» позавчера гонялись с этим Сашей на своем швертботе «Четыре ветра» от острова Петушок до водного стадиона. Сперва «финн» ушел далеко вперед, но ребята сбросили стаксель и подняли прямой парус брифок и летучий кливер. У самого финиша они обошли Мартынчука, и Сережа показал ему с кормы кончик пенькового троса...

Сейчас «финн» еле движется. Никакого удовольствия ходить под парусом в такую погоду.

Впрочем, торчать на вахте в кают-компании отряда — тоже не очень большая радость. Ребята купаются или жарятся на песке — животы кверху. Своего помощника Владика Стрельцова Сережа отпустил: все равно на вахте делать нечего, пусть малёк гуляет.

Скучно.

Сережа расстелил на штурманском столе карту Балтийского побережья, взял параллельную линейку. Но заниматься не хотелось. Карта с четкими квадратами меркаторской сетки, с разноцветными колечками маяков и цифрами глубин была знакома, и задачи по прокладке курса уже не вызывали интереса. Все это Сережа изучил еще прошлой зимой. Недаром же у него на форменной рубашке две золотые полоски под якорем: штурман-

ский шеврон. Штурман пионерской парусной флотилии Сергей Коноплев...

Штурманское звание заслужить непросто. Мало тут в картах разбираться и задачи решать, мало уметь управляться с компасом и парусами. Надо, чтобы вообще... Ну, как это сказать? Надо, чтобы ребята знали: такой человек не подведет.

Что ж, Сережа и не подводил. Он второклассником был, октябренком еще, когда его взяли в отряд. Совет дружины в школе ворчал слегка: непорядок, мол, отряд-то пионерский. Ну, только это все же не обычный отряд, как в каком-нибудь пятом «А» или четвертом «Б», а морской, сводный. И вожатый у него не какой-нибудь восьмиклассник, который без классной руководительницы боится лишний шаг ступить, а Валерий Васильевич Стронский. Аспирант университета, почти кандидат педагогических наук. Чемпион области по стрельбе из пистолета и спортсмен-парусник. Командир флотилии.

Он сказал совету дружины:

— Люди, не будьте бюрократами. Мы должны воспитывать октябрят? Должны. Кроме того, отряду нужен хороший барабанщик.

А барабанщиком Сережа уже тогда был настоящим.

Сейчас у Сережи на околышке черного морского берета четыре золотистые звездочки: четыре года он в морском отряде. И не расстается с барабаном. На красном, облупленном кое-где барабанном ободе выцарапано «СК». Это чтобы другой барабанщик — Вовка Голосов — не перепутал инструменты. Сам-то Сергей никогда не перепутает.

Каждую неделю, в среду, в семь вечера, на отрядной линейке Сережа и Вовка выбивают торжественный марш, двигаясь навстречу знаменосной группе. Потом они разворачиваются и выводят знаменосцев и ассистентов на правый фланг. Отточены движения, отмерены шаги, палочки будто сами собой скачут в дробном ритме. Другое дело, когда идешь впереди отряда по городу. Шагай, да не сбивайся! За тобой сорок человек, и вся улица смотрит на тебя.

Сережа вспомнил Ригу. Странный, так и не узнанный до конца город. Высокие башни с флюгерами и мачты парусных баркентин. По старинным улицам шагали к памятнику Ленину отряды, которые съехались на слет юных моряков. И Сережа шагал впереди. Летел вдоль улиц пасмурный ветер, полоскал знамя, взмахивал флажками на трубах горнистов. И далеко разносил стук Сережиного барабана. Барабан стучал лихо и задорно. Отряд тогда впервые оказался у настоящего моря...

Сережа подошел к стеллажу и снял с полки альбом с фотографиями Рижской операции. Вот плавбаза морклуба, на которой жили ребята. Вот немецкая бригантина «Вильгельм Пик» — были на ней в гостях. Вот катерный тральщик «Румб», на котором выходили в море... А вот сам Сережа — в шеренге, вместе с другими ребятами. Это утренняя линейка на палубе плавбазы.

Сережа грыз колпачок шариковой ручки и разглядывал снимок. За спинами ребят видна была покрытая рябью Даугава, старинные башни на том берегу, небо в серых облаках. Крейсерская яхта с приземистой каюткой, накренившись, бежит мимо большого сухогруза «Витя Хоменко»...

Сережа хорошо помнил эти ранние линейки. Погода стояла свежая, и ребята поеживались в строю. Вот и на снимке видно: Валерка Садовский втянул голову в плечи, а у Юрки Сараева лицо такое жалостливое, будто сейчас слезы побегут. Он вообще такой — часто обижается.

Сережа усмехнулся и на Юркиных щеках нарисовал слезинки.

❄

Он тут же испугался. Тут же подумал: «Что это я, с ума сошел? Испортил зачем-то...» Он сразу же вспомнил, что снимок этот единственный, негатив не сохранился. Альбом ребята листают часто, особенно новички. Сегодня же увидят, как Сережка изукрасил фотографию.

А кто узнает, что Сережка?

Это была не очень-то хорошая мысль, противная какая-то, но он представил, какую нахлобучку получит от кэпа, и поежился

Кэпом звали десятиклассника Сергея Семенова, капитана флагманской яхты, заместителя командира флотилии. Кэп суров был и требователен. Его побаивались. Впрочем, если случалось что-нибудь серьезное, Семенов никогда не ругал виноватого, ничего не решал сгоряча. Всегда разбирался, что и почему. Но всякое мелкое разгильдяйство и глупые поступки он не переносил. Он считал, что как раз из-за глупых мелочей случаются большие беды, и часто рассказывал, как его яхта вылетела на камни, потому что на стаксель-шкоте был неправильно завязан узел.

Когда кэп увидит чернильные слезы на снимке, он начнет рвать и метать, потому что поступок Сережки совершенно глуп и непонятен. Сережка даже не сможет объяснить, зачем это сделал.

Лучше не рисковать.

Сережа медленно, почти против воли снова взял ручку и добавил еще два штриха: на своем собственном лице нарисовал усики. Кто теперь его заподозрит? Ведь умный человек не станет портить свой портрет.

Сережа зажмурился и захлопнул альбом. Было чертовски неприятно...

❄

А потом все случилось быстро. Будто во сне. Новый вахтенный стал искать список дежурств, начал перетряхивать альбом, уви-

дел испорченную фотографию, разозлился и отказался принимать вахту. Позвонил Семенову.

Кэп сказал:

— Докатились!

И велел собрать отряд.

Собрали. Пришел «командор» — Валерий. Узнал, в чем дело, и сказал привычную фразу:

— С такой жизнью не соскучишься.

Потом спросил:

— Кто свалял дурака? Делать было нечего, что ли? У кого это руки чесались?

Отряд молчал.

— Люди,— сказал Валерий уже встревоженно. — Вы что? Ну, сделал кто-то глупость, так пусть уж скажет. Ну, нельзя же так, это уже и трусость, и обман, и шут его знает, что еще получается. Ведь мы же никогда не врали друг другу.

Самое простое дело было встать сейчас и сказать: «Я». Ну, отругали бы — и все. Но Сережку будто веревками привязали к стулу.

— Может, кто из посторонних начеркал? — сказал Мишка Данько.

— Посторонних целую неделю в кают-компании не было,— сердито сказал Сергей Семенов. — А фотография еще позавчера была чистая, я помню.

— Ребята, давайте кончим этот разговор,— попросил Валерий. — Есть ведь простой выход. Поднимите руки, кто дает честное пионерское, что фотографию не портил.

С облегчением (действительно, как все просто!) вскинули ребята руки.

Поднял руку и Сережа.

Что он думал в этот момент? Пожалуй, так: «Все равно никто не знает. А раз не знает, этого будто и не было. Ну, что хорошего случится, если признаюсь? Ведь снимок лучше не станет, значит, все равно пользы никакой никому. А я с этих пор никогда-никогда не буду больше нарушать слово, врать не буду и дурацких вещей таких делать не буду тоже...»

Потом он увидел очень удивленные, обиженные какие-то глаза Владьки Стрельцова и услышал, как он спрашивает:

— Ну зачем ты? Я же у окна стоял, я же видел. Зачем ты так врешь?

Ух, как тихо и тошно стало кругом!

И в этой тишине Сергей Семенов хмуро сказал:

— Встань... штурман Коноплев. Рассказывай.

*

Он рассказал. Сбивчиво, но подробно.

— Зачем сделал? — спросил Семенов.

Сережка молчал. Если бы он знал, зачем!

— Бестолочь,— сказала семиклассница Ольга Сватова. — И трус. Из-за такой глупости из пионеров вылетишь.

— Ну уж! — вскинулся спорщик Валерка Садовский. — Из-за какой-то фотографии сразу из пионеров!

— Ну и глупый же ты, Садовский,— сказал Мишка Данько. — При чем здесь фотография?

— Жалко же человека,— проворчал Садовский.— Вот если бы тебе так пришлось...

— И меня бы выгнали. А что еще можно сделать? Хоть десять раз жалко...

— Когда из пионеров исключают, должен совет дружины утверждать,— напомнила Ольга.

— Не утвердит совет,— капризно сказал маленький кругловатый Павлик Локтев по прозвищу Бритый Ежик.

— Почему это не утвердит?

— Не утвердит. Скажут: подумаешь, из-за одного слова.

— Вот балда! Не из-за одного, а из-за честного пионерского.

Вовка Голосов метко плюнул себе на колено и начал оттирать с него смолистое пятно. Так, не поднимая головы, он и объяснил:

— В этом совете честными пионерскими, как фантиками, играют. С каждого двоечника требуют: дай честное пионерское, что будешь хорошо учиться. Ну, он и дает, чтоб поскорей отпустили. А через неделю опять «гусей» нахватает, а ему опять: дай слово... Вон, спросите у Валерки Садовского. Его Мария Яковлевна весной два раза на совет вытаскивала.

— А чё я сделал?.. — на всякий случай мрачно сказал Садовский.

В дальнем углу засмеялись.

— Я, что ли, давал слово? — разозлился Валерка. — Я просто сказал, что обещаю исправиться. А что там исправлять, я не знаю. Что ни сделаешь, все равно не так. Раз у меня характер такой...

— От такого характера, знаешь, что помогает?

— Ну, вы! Тут о серьезном деле говорят...

— А я серьезно.

Солнце сквозь окно жарило спину, и Сережа устал стоять. Переступил с ноги на ногу.

— Сядь,— как-то жалостливо сказал Семенов. — Чего тебе зря торчать.

Сережа сел на краешек скамьи между Локтевым и Вовкой Голосовым. Бритый Ежик чуть отодвинулся. Сереже показалось, будто тихо и пусто вокруг.

А может быть, не случилось ничего? Может быть, не о нем и говорят? Ведь все кругом, как раньше. Вон и фотография на стенде, где он вместе с Вовкой Голосовым барабанит у палаток сигнал подъема. И черный якорь с балтийского тральщика, привезенный из Риги. Он прочно лежит у стены, опираясь веретеном на серый гранитный валун с вершины Солнечной горы. А на треугольной лапе якоря шевелит крыльями залетевшая в окно оранжевая бабочка.

Никто не старается накрыть бабочку беретом. Никто даже не смотрит на нее. Все слушают Валерия.

— ...Когда мы шли на операцию «Черные ветры» и тральщик мотала волна,— глуховато говорит он,— помните, меня позвали в рубку. И вы дали мне слово, что ни один без меня не сунется на палубу. Потому что могло смыть. Запросто могло, вы же помните. И я был спокоен там, в рубке, потому что знал, что ни один не высунется из люка. И ни один не высунулся даже тогда, когда навстречу летела под зарифленным марселем немецкая бригантина — зрелище, которое видишь не часто.

А когда в прошлом году кто-то изрисовал, исцарапал новый гараж у Висловых и они подняли крик, что это Садовский и Данько, мы даже не стали ничего доказывать, а только смеялись в ответ. Потому что Мишка и Валерий сказали ребятам: «Честное пионерское, не мы».

А когда группа «Ветер» дала слово, что через три дня соберет библиотеку для октябрят Северки, разве кто-нибудь сомневался?

До сих пор наше слово было как закон. Давшему слово верили, как себе. Не надо было ничего доказывать, подтверждать, бояться обмана... А теперь?

Тридцать девять человек смотрели на Сережку и молча спрашивали: «А теперь?» Может быть, не только его спрашивали, но и себя.

Если бы речь шла о другом каком-то деле, Сережка огрызнулся бы уже десять раз. Он вспомнил бы, что часто попадало Садовскому за то, что тот грубил учителям, что Бритый Ежик однажды в походе отказался вставать на ночную вахту и заревел, когда его стали будить покрепче, что у Мишки Данько вечно мятая форма и, кроме того, он чуть не заработал годовую двойку по русскому. Он мог бы сказать, что тихий и дисциплинированный Саша Сыретин взорвал недавно в лесу бомбу из карбида, а сам Сергей Семенов чуть не был пойман в сквере детского сада, когда лазил за сиренью (знаем, для кого!).

Но все эти грехи, большие и маленькие, все-таки можно было простить. Они не нарушали главного. А главное нарушил он — Сережка Коноплев,— человек, никогда не просыпавший ночных вахт, не боявшийся трудных походов, смело встречавший на паруснике семибалльные шквалы, гордо носивший отрядную форму и дробными веселыми сигналами встречавший пионерское знамя.

И снова стало тихо и пусто вокруг.

— Что же теперь делать? — спросил Валерий. Негромко и грустно спросил, совсем не для того, чтобы лишний раз упрекнуть Сережку.

И все молчали. Было ясно, что в словах Валерия не один, а два вопроса. Во-первых, что делать вообще. Во-вторых, что делать с Коноплевым.

Вообще делать было нечего. Просто с горечью запомнить этот случай. Потому что никуда не денешься: что было, то было.

А с Сережкой?

— Как же нам быть? — громко и с легкой усмешкой спросил Сергей Семенов. — Что с тобой делать, бывший штурман Коноплев?

И многие поняли, что за этой усмешкой и громкостью он прятал нерешительность: начиналось самое неприятное.

Сережа встал. Можно было уже и не вставать, все равно. И все же он встал, подчиняясь давней привычке, опустил по швам руки. Только голову не поднял.

Он знал, что никто не станет считать его врагом. И разговаривать с ним будут и футбол будут гонять вместе. И в кино бегать вместе. И лишний раз не напомнят о том, что было.

Но когда заполощут у пирса паруса, когда выйдут горнисты на склон горы и заиграют старый сигнал «Ветер с утра», когда мимо окон побегут с рюкзаками и веслами Вовка Голосов, Павлик Локтев, Мишка Данько, как же он, Сережка, будет жить?

Вот если бы заплакать сейчас, сказать, что больше не будет никогда-никогда... Но заплакать почему-то нельзя.

И, отвечая на прямой безжалостный вопрос, он одними губами сказал:

— Выгнать из пионеров и с флотилии.

*

Видимо, этим он спас себя.

Все-таки, сами понимаете, у каждого сердце не камень. Четыре года он был вместе со всеми. Шагал по горам, спал у костров, строил яхты и пел отрядные песни.

— Все-таки жалко,— сказал Вовка Голосов и стал смотреть в угол. — С ума, что ли, вы посходили?

Как будто ему одному было жалко! Но что делать?

— Пусть просто так уйдет из отряда,— сказал Мишка Данько. — Не надо его ниоткуда исключать. Просто пусть уйдет. Мы никому ничего не скажем. И в школе никто не узнает. Будет он в отряде шестого «А», запишется в какой-нибудь кружок... И будет вроде как все люди.

— Значит, в нашем отряде он не может быть пионером, а в другом может? Это правильно? — жестко спросил Сергей Семенов.

— Ну, я не знаю,— тихо сказал Мишка. — Наверно, неправильно. Только, по-моему, так можно. Ну, ради него...

— Лучше уж наоборот,— неожиданно предложил Павлик Локтев. — Пусть во флотилии остается, а галстук забрать.

— Ну, Ежик! Сам же говорил: совет не утвердит.

— А какой совет? Нету никакого совета дружины, потому что каникулы. Да вы что, думаете, Сережка жаловаться пойдет? Пойдешь?

Сережка мотнул головой: не пойду.

«Наверно, все надо не так,— торопливо и растерянно думал Валерий. — Наверно, с точки зрения педагогики здесь делается что-то не то. И не так. А как надо? Вот тебе и педагогика».

Он не знал. И, наверно, никто не мог дать совета. Когда происходит такой случай, все старые правила никуда не годятся.

— Пусть решает сам,— твердо сказала Ольга Сватова. — Если хочет, пусть уходит из отряда. Ну, а если нет... Ну, тогда пусть все начинает заново... Уйдешь?

Сережа покачал опущенной головой: не уйду.

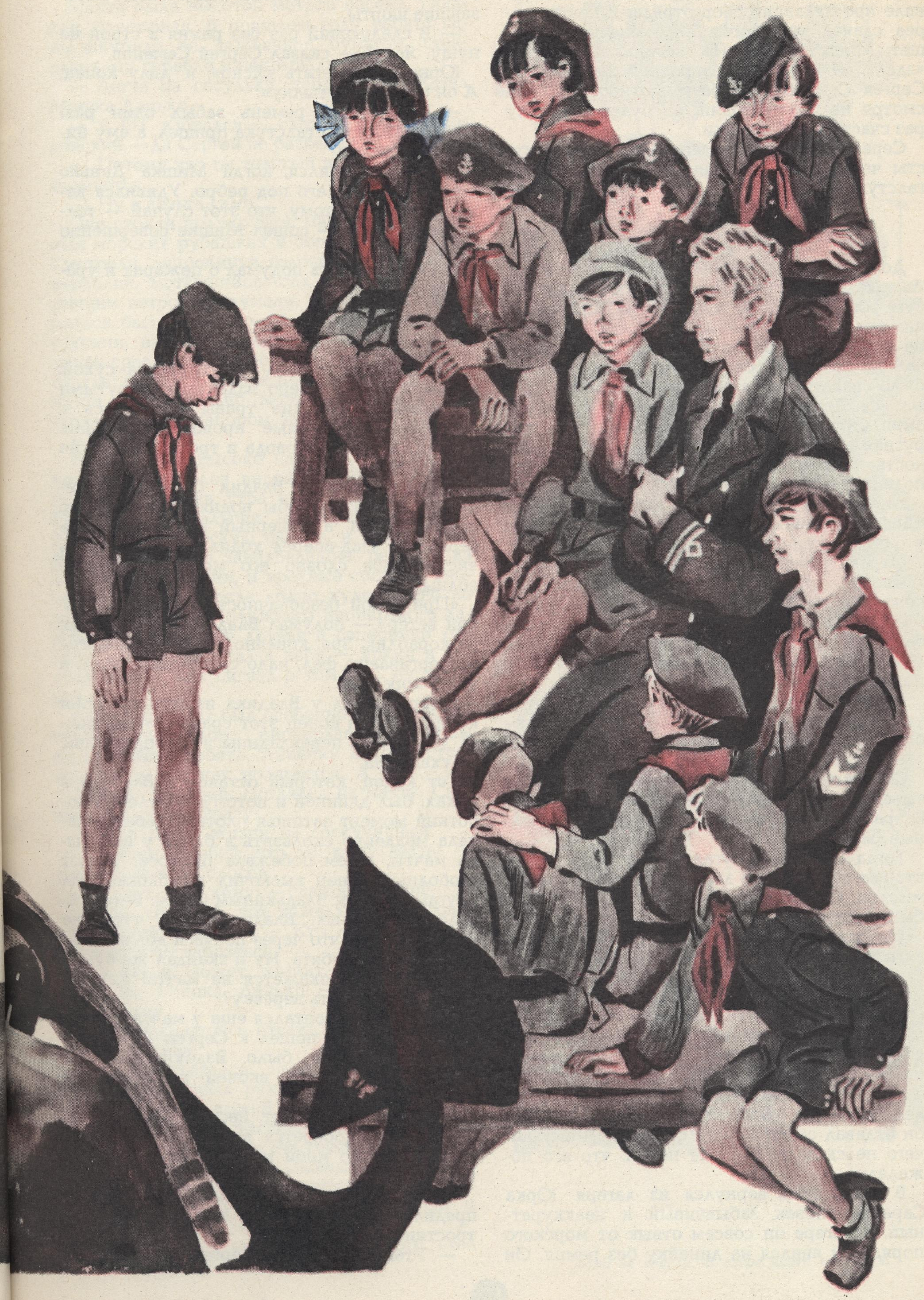
— А галстук? — спросил дотошный Павлик Локтев.

— Тоже... Пусть сам решает.

*

Разбежались кто куда. Будто сразу про него забыли. На улице стояла солнечная знойная тишина. Даже малыши не возились в песочнице. И снова подумалось Сереже, что, может быть, ничего не случилось. Ведь все, как прежде, спокойно и светло. Но это был секундный обман. Ведь еще не стерты с фотографии проклятые чернильные следы. А вахтенный Андрюшка Копытов сейчас де-

И, отвечая на прямой безжалостный вопрос, он одними губами сказал:
— Выгнать из пионеров и с флотилии.



лает короткую беспощадную запись в журнале про недавний сбор отряда. В конце, перед сдачей дежурства, он, конечно, напишет: «Вахту здал». Не «сдал», а именно «здал». И получит очередной нагоняй от Сергея Семенова за безграмотность. И, несмотря на этот нагоняй, он будет в тысячу раз счастливее Сережки.

Сережа ушел с солнцепека за угол, за кусты черемухи и, моргая, стал развязывать галстук.

*

Дома не горели. В озере никто не тонул. Лесные пожары щадили ближайшую сосновую рощу, яростные циклоны обходили наши края стороной, высоковольтные линии не обрывались, бандиты не нападали по ночам на уставший от похода отряд. Некого было спасать, негде рисковать, не с кем сражаться. Даже работать, как бобер, было нельзя: строительство яхт кончилось, шла парусная практика. И требовалась лишь точность, уверенность, умение. Но ведь это не подвиг.

Лишь один раз, во время ночной операции «Десант», Сереже показалось, что он может, что он должен рискнуть.

Охрана острова прозевала подошедшие из темноты парусники и не включила вовремя контакты взрывпакетов. Группа отчаянных малышей с тендера «Стивенсон» уже готова была высыпать на отмель и заголосить «ура». А если пакеты начнут рваться у них прямо под ногами?

Сережа ринулся на нос парусника и хотел уже прыгнуть на берег, чтобы опередить ребят. Но Валерий крепко взял его за плечо.

— Куда? Не лезь без команды.

Он прыгнул сам, скомандовал малышам и вывел их по отмели правее опасного места. В траве запоздало начали хлопать безвредные «мины».

Тогда Сережа испугался. Ему показалось, что все обязательно догадаются о его тайных мыслях. О том, что он геройством хочет добыть прощение.

И с тех пор он больше не надеялся на подвиги и риск. Стал жить, как все. И даже часто забывал о том, что с ним случилось. Лишь на линейках становилось неловко и грустно, когда, шагая навстречу знамени, малёк Валерка Свешников неумело колотил в его, Сережкин, барабан. И непривычно было стоять с опущенной рукой, когда отдавали салют. Рука сама рвалась вверх, когда звенела команда: «Флаг пошел!» Несколько раз он отдавал салют вместе со всеми, и ему ничего не сказали. Сережа понял, что его пожалели.

В конце июля вернулся из лагеря Юрка Сараев, человек забывчивый и неаккуратный. В лагере он совсем отвык от морского порядка и явился на линейку без ремня. Он стоял в строю и украдкой поддергивал сползавшие шорты.

— В следующий раз без ремня в строй не пущу. Ясно? — сказал Сергей Семенов.

Юрке бы ответить «Ясно», и делу конец. А он «полез в бутылку»:

— Подумаешь, ремень забыл один раз! Вон Сережка без галстука пришел, а ему ничего не говорят.

И очень удивился, когда Мишка Данько локтем саданул его под ребро. Удивился даже не удару, а тому, что этот случай — толкание в строю — сошел Мишке совершенно безнаказанно.

А Сережа опять подумал о пожарах и ураганах.

*

На рассвете с зюйд-оста сорвался сухой, колючий ветер. Озеро вздыбилось крутыми гребешками, высокие травы прижались к берегам, телеграфные провода застонали. А если так поют провода и тросы, значит, не меньше семи баллов.

Когда вахтенный Владик Стрельцов прибежал к мачте, чтобы поднять флаг, мачта поскрипывала, а фанерный кораблик на ее верхушке взад-вперед ходил в синем, очень чистом небе, словно его мотали тяжелые волны.

«При такой безоблачности — и вдруг такой ветер»,— подумал Владик. И загляделся на кораблик. Зря, конечно, загляделся. Когда раздергиваешь фал, надо смотреть на узел, а не на кораблик.

Ветер вырвал у Владика из пальцев один конец фала, и конец этот сразу взлетел почти до нижней перекладины. Не допрыгнешь, не ухватишь.

Тот конец, который остался у Владика в руках, был длинней и потому тяжелее. В короткий момент затишья плотная веревка начала медленно скользить в блоке у верхушки мачты, затем побежала быстрее. И вот свободный конец выскочил из блока. Фал кругами упал к Владькиным ногам. Ветер обрадованно взвыл. Владик тоже чуть не взвыл, потому что через полчаса должны были собраться ребята. Ну и скандал же будет, если флага не окажется на мачте! Как теперь продергивать веревку?

Стрельцов потоптался еще у мачты и с несчастным видом пошел к Сергею Семенову.

Нахлобучки не было. Вздохнул Сергей, глянул на щуплого, вконец расстроенного Владьку и сказал:

— Иди собери ребят, несчастный человек. Может, кто доберется до блока. Я бы сам полез, да подо мной мачта сломается, это точно.

— Она и так может сломаться,— предупредил Владька. — Такой ветрище, гнет, как тростиночку.

— Утешил! — сказал Сергей.

Мачта была высотой метров восемь. Гладкая, блестящая. В прошлом году ребята сами шкурили ее наждачной бумагой, стеклышками скребли и покрывали лаком.

— Легче на сосульку забраться,— сказал Мишка Данько.

— Я бы забрался,— сказал Валерка Садовский,— да Сергей не разрешает.

— Потому что ты толстый и тяжелый. Она сломается.

— Ну и лезьте сами...

Они стояли полукругом, мальчишки в черных морских рубашках и беретах с якорями. Смотрели, запрокинув головы, на фанерный кораблик, мотавшийся взад-вперед под свистящим ветром. И думали, как быть. Подниматься было страшно. Мальчишки не были трусами, им приходилось попадать в переделки среди ветра и волн. И дело было не в страхе: боишься ты или не боишься, а тонкая мачта действительно может сломаться под твоим весом и напором ветра.

А что делать?

Мачта стоит высоко на горе. Со всех окрестных кварталов виден был флаг отряда. Всегда. С восьми утра и до захода солнца. Его видели и малыши, мечтавшие когда-нибудь надеть морскую форму, и мальчишки-ровесники, тайно завидовавшие ребятам из парусной флотилии, и вредные соседки, считавшие, что в отряде «одно хулиганство на уме», и ребята из ближнего пионерского лагеря — постоянные друзья и соперники юнморов. Флаг трепетал в небе — яркий и постоянный — как сигнал о том, что «есть отряд»!

А сегодня флаг был особенно нужен. К вечеру из городского пионерлагеря должны были прийти ребята. Линейку надо выстроить, чтобы все как полагается. А тут...

Пришел Валерий. Поглядел на мачту. Сказал привычную фразу:

— При такой жизни не соскучишься.

— Кинем жребий, что ли, кому лезть? — спросил Вовка Голосов.

— Я вот тебе кину! — сказал Валерий.

— Кто сильный, тот тяжелый,— проговорил Сергей Семенов. — Кто легкий, у того сил не хватит забраться.

— У меня, может, хватит,— нерешительно сказал Мишка Данько. — Я попробую, ага, Валера?

И, не дождавшись ответа, он поплевал на ладони и полез.

Он очень старался. Было видно, как на тонких Мишкиных руках и ногах тянулись под коричневой кожей мышцы и сухожилия. Он отчаянно стискивал скользкое дерево коленями, рывками отвоевывал у него дециметр за дециметром. Словно вгрызался в высоту. Но хватило его только на три метра.

Мишка скользнул к подножию мачты и сердито сказал:

— Ч-черт...— И, не глядя ни на кого, стал заправлять под ремень рубашку.

Дома не горели. В озере никто не тонул.

— Хватит, наверно,— сказал Валерий. «Никому нельзя разрешать»,— думал он и ясно представлял, как вместе с тонким обломком, с фанерным корабликом полетит в траву темная мальчишечья фигурка, как глухо толкнется от удара земля... Тьфу, будь ты неладен!

«Никому больше нельзя. Пошли по домам»,— хотел сказать он. И встретился глазами с Сережкой.

Сережка смотрел так, будто говорил: «Ну, вот видишь, пора попробовать мне».

Он, пожалуй, действительно мог — легкий, жилистый, быстрый. По крайней мере, когда надо было забраться на сосну, скользкий забор или на чердак по жидкой и ржавой пожарной лестнице, Сережка делал это шутя.

Только тут не чердак и не сосна.

И ветер такой...

«Нельзя»,— подумал Валерий. Он так бы и сказал, если бы просил кто другой, а не Сережка.

То место, на котором выдохся Мишка, Сережа преодолел шутя. Без большого труда поднялся еще на два метра. А дальше стало тяжело. Сережа отчаянно стискивал скользкий ствол коленками и ладонями, рывками старался добраться до нижней перекладины. А сил не хватало. И самое главное — мешал страх. Самый настоящий, откровенный, большой страх. От него слабели мускулы и кружилась голова. А не бояться Сережа не мог: мачта гнулась и потрескивала, и ветер выл, как в телепередаче «Тайна Марии Целесты».

Все-таки Сережа делал все, что мог. Он выматывал остатки сил на эти отчаянные сантиметры, он почти плакал, стараясь дотянуться до перекладины. Было бы неправдой сказать, что он не думал сейчас о галстуке. Он понимал, что, может быть, в этот миг завоевывает его. Но знал Сережка и другое: если бы галстук был на нем, он, штурман Коноплев, все равно дрался бы за эту высоту. Потому что самое главное было сейчас — флаг отряда.

У него сорвалась рука. Он перехватил мачту покрепче, всем телом прижался к гибкому стволу. Замер.

— Спускайся! — крикнул Валерий.

«Я еще немножко. Я сейчас»,— хотел ответить Сережа, но в зубах у него была зажата веревка.

— Спускайся, я приказываю! — опять крикнул Валерий.

Сережа начал скользить вниз. Мачта не везде была гладкая. В одном месте лак сошел, и занозистое дерево, как наждачная бумага, ободрало ногу. Когда Сережа встал на землю, кровь большими каплями катилась по ноге вдоль длинных царапин. Мальчишки сочувственно молчали.

— Перевяжи ему ногу,— сказал Валерий Ольге Сватовой. И добавил: — Ничего не поделаешь, будем ждать, когда стихнет ветер.

Через полчаса Сережа пришел к Валерию домой. Ладони, рубашка и даже свежий бинт на ноге были у него в оранжевой кирпичной пыли. Сережа встал у порога и сказал:

— Валера, позови кэпа. Вы вдвоем подежурите у мачты на всякий случай, а я поднимусь. Я руки кирпичом натер, сейчас легче будет.

— Хватит. Мне инфаркт ни к чему,— сказал Валерий.

— Нет, я правда поднимусь.

— Ты сначала меня подними со стула. Пусть я провалюсь сквозь землю, если еще раз разрешу такое дело.

— Ничего не случится. Я в самом деле смогу теперь подняться,— очень убедительно проговорил Сережа.

❄

Он поднялся.

Он продернул фал через блок, тихо соскользнул вниз, вытер о траву ладони и шепотом сказал:

— Ну вот... Все.

Валерий стал поднимать флаг.

Кэп Сергей Семенов подтянулся и поднес к берету ладонь. На Сережу не смотрели. Он выпрямился и отдал салют.

Когда флаг был поднят и фал закреплен, они, трое, молча разошлись по домам.

❄

Собирался отряд. В ожидании линейки мальчишки толклись в кают-компании и во дворе. Вахтенный Павлик Локтев сказал Юрке Сараеву:

— Иди почисти ботинки, а то будет нахлобучка. Кэп и так рычит.

Сергей действительно рычал на весь белый свет. Его швертбот «Ласточка» при полном ветре сел на затопленную корягу и погнул перо руля, а на «Андрюшке» погнуло обойму гика и оборвало на гроте глас-оттяжку. И все потому, считал Сергей, что дисциплина в отряде «дошла до ручки». Он погнал двух человек пришивать висящие на ниточках пуговицы, горнистам сказал, что трубы у них заросли ржавчиной, и велел драить до солнечного блеска, а Вовку Голосова пообещал выставить из рулевых за дырку на локте.

— Орда, а не отряд,— негодовал он. — Причем совсем не золотая. Повтыкать бы всех на грядках вместо пугал — самое подходящее дело...

И тут ему на глаза попал Сережа. Видимо, случайно.

— Иди сюда.

Сережа подошел, торопливо прикидывая в уме, все ли у него в порядке.

Он поднялся. Он продернул фал через блок.

Семенов мрачно сказал:

— Возьми на вахте свой барабан.

Потом так же хмуро он оглядел растерянно моргающего Коноплева с ног до головы: белая обмотка бинта, блестящая пряжка с якорем, выгоревшая рубашка с темным следом спoротой штурманской нашивки на рукаве.

— На кого ты похож... Ты что, своим беретом велосипед чистил? Якорь едва пришит, пятна какие-то... Да иди галстук надень. И чтобы глаженый был, как полагается.

И потом, видя Сережины глаза, в которых разгорались счастливые искорки, он перешел на вежливо-ироничный тон:

— И вообще, штурман Коноплев, потрудитесь привести в порядок вашу форму... ★

КОСТЕР ДРУЖБЫ

Наш корреспондент
Наталья ЕЛИСТРАТОВА
познакомилась с ребятами из 108-й школы города Харькова. У харьковчан много друзей в других республиках, и сегодня на ПИОНЕРСКОМ КОСТРЕ ДРУЖБЫ они про них рассказывают.

У нас везде друзья

Узкие, убегающие вверх улочки, одноэтажные дома с деревянными ставнями — окраина Харькова, Холодная Гора. Наверно, гору назвали Холодной потому, что здесь часто дуют сильные ветры, и от этого воздух свежий и чуть-чуть колючий.

Я не спрашиваю, где 108-я школа, а просто иду на шум. Кончились уроки, и ребята высыпали во двор.

Увидели меня, бросили свои дела, прибежали, ждут, что скажу.

Малыши смотрят с любопытством (зачем это к нам приехал человек из Москвы?).

Мальчишки — весело (наверняка сейчас спросят что-то совсем неожиданное).

Девчонки — чуть-чуть иронично (чего от нас хотят?).

Я говорю, что в редакции «Пионера» о них слышали: о Владочке Яновой, лучшей плясунье, о Диме Белецком, без которого не оходится ни одно спортивное соревнование, об Ире Дорошенко — вожатой октябрят. Известно нам, что они сами отремонтировали пионерскую комнату, дружат с сельской школой в совхозе «Рогозянском» и что во всех союзных республиках у них много друзей.

И тут все заговорили:

— Недавно в Армению ездили...

— Из Белоруссии нам написали про лагерь труда и отдыха, и мы такой лагерь у себя устроили.

— А еще у нас фестиваль был, приезжали друзья из разных республик...

В школе очень чисто. Полы аккуратно покрашены — в них смотреться можно, как в зеркало. На окнах веселые, светлые занавески. Ребята принесли из дому фикусы, розы, а один мальчик даже пальму притащил, и получился в школе зимний сад.

Весь третий этаж — галерея дружбы. Флаги всех пятнадцати республик: Украины, Белоруссии, Грузии... Очень любопытные карты висят на стенах. Их вырезали из фанеры на уроках труда, нарисовали голубые реки, желтые поля с пшеницей. Красными кружками отметили города, черными — уголь и руду. Сувениры в витринах под стеклом, как в настоящем музее.

Весело смотрит на меня мама в пышной соломенной юбке. Рядом — мальчишка: озорная рожица и торчащие в стороны желтые вихры. Наташа Зелинская сказала,

Гору назвали Холодной потому, что здесь часто дуют сильные ветры.

что семья эта приехала в большой картонной коробке из Белоруссии. Это подарок минских ребят.

Маленькую изящную книжечку (она умещается на ладони) привезли из Тбилиси. Это юбилейное издание поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Все интересно посмотреть: и узбекские тюбетейки, и молдавские рушники, и эстонские ленты. Мне особенно понравились голубые, с пестрым узором. О них хочется узнать поподробнее. Оказывается, когда ребята из 108-й школы были в Эстонии, в Аэгвийду, и у костра играли в «ручеек», каждому на память эстонские друзья повязали вот такую ленту.

Я спрашиваю у ребят:

— Есть тут кто-нибудь из КИДа?

Ребята смеются. Говорят, что клуб интернациональной дружбы — это вся школа, а галерея дружбы — главное в школе место.

Каждый класс дружит с какой-нибудь республикой:

6«А» — с Белоруссией,
7«А» — с Грузией,
7«Б» — с Казахстаном.

Во многих республиках ребята уже побывали, а в другие собираются поехать.

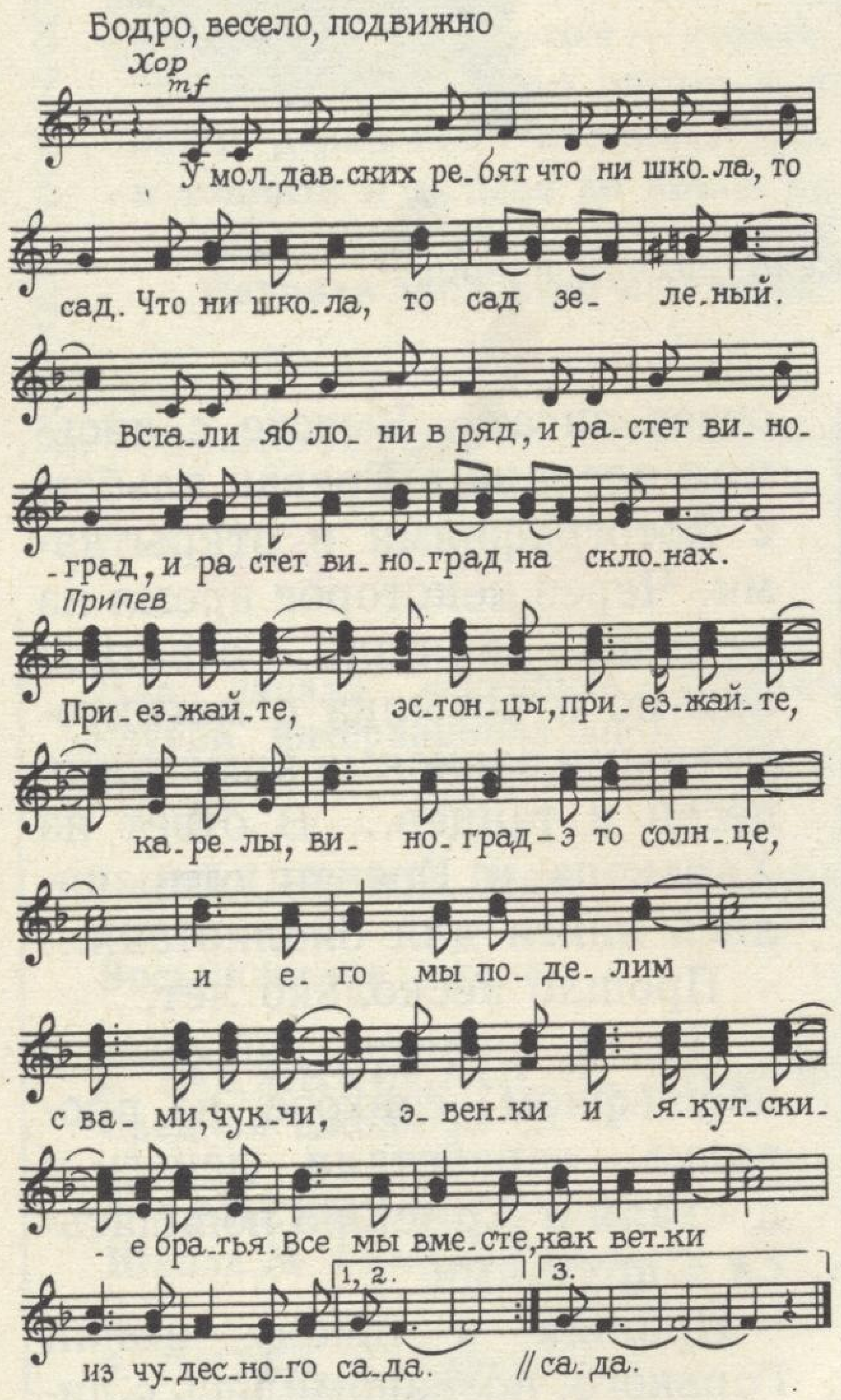
В путешествиях, они рассказывают, иногда случаются самые неожиданные истории.

В МОЛДАВИИ МЫ ВЫУЧИЛИ ВОТ КАКУЮ ПЕСНЮ:

У молдавских ребят
Что ни школа, то сад,
Что ни школа, то сад зеленый.
Стали яблони в ряд,
И растет виноград,
И растет виноград на склонах.

ПРИПЕВ:

Приезжайте, эстонцы,
Приезжайте, карелы,
Виноград—это солнце,
И его мы поделим
С вами, чукчи, эвенки
И русские братья,
Все мы вместе, как ветки
Из чудесного сада.



Слова этой песни написал поэт **Виктор Крючков**, а музыку — композитор **Дмитрий Седов**.

Тот, кто в школу влюблен,
Помнит школьный закон:
Перед тем, как уйти отсюда,
У родного крыльца
Посади деревца,
Посади их на радость людям.

ПРИПЕВ.

Сад хорош наш весной
И когда летний зной,
Но чудесней всего под осень:
Полон яблок наш сад,
Как янтарь, виноград.
Приезжайте в Молдавию,
просим!

ПРИПЕВ.

История первая. Про танк

СО СЛОВ ДИМЫ БЕЛЕЦКОГО

Жарко, и на реке, как всегда, много мальчишек. Сашка вынырнул из воды. Лицо у него растерянное. Увидели ребята его лицо и испугались. «Там танк»,— сообщил Саша. Сначала никто ему не поверил, а потом все стали нырять по очереди. Правда, на дне реки танк, настоящий. Стали думать, как его вытащить? Попросили помощи у взрослых. Взрослые, конечно, помогли — вытащили танк и посоветовали установить его на постамент в память о тех, кто на нем сражался.

Кто сражался на этом танке? Стали ребята ходить по селу, искать людей, которые могли хоть что-нибудь об этом знать.

Нашли одну женщину. Она вспомнила, что в бою за их село Карпинены фашисты подбили советский танк. Но танк все равно продолжал идти вперед. Гитлеровцы ранили танк во второй раз. Он тяжело повалился на бок и стал медленно-медленно сползать в воду, как будто ждал, пока из люка выберутся танкисты. А когда они побежали в лес к нашим, танк тяжело рухнул в воду. Враги стреляли вслед танкистам. Остался ли кто-нибудь из них в живых, нет ли,— женщина не знала. И сколько ни бились ребята из Карпинен, ничего им узнать не удалось.

Карпинены — молдавское село. Харьковчане дружат с карпиненскими ребятами. Из их писем они и узнали про танк. И, когда приехали в Молдавию, первым делом пошли посмотреть на старый, израненный танк.

Закончилась эта история совсем неожиданно. В Харьков-

Когда они побежали в лес, танк тяжело рухнул в воду.

ский Дворец пионеров пришел ветеран войны Федор Васильевич Алферов. Федор Васильевич рассказал ребятам про Болгарию — он там воевал, — а они ему про Молдавию. И про танк, конечно. Вдруг Федор Васильевич заволновался, стал ребят расспрашивать, и тут-то выяснилось, что он был одним из тех, кто освобождал Карпинены и воевал на том самом танке.

История вторая. Про школу

СО СЛОВ ЛЕНЫ ГУРЫВЫ

Харьковчане получили письмо из Еревана, из 4-й школы имени Горького. Сначала удивились: откуда про них ереванцы узнали? Сели ответ писать. Вместе с письмом послали в Ереван альбом с фотографиями и открытками. Через некоторое время из Еревана пришло ответное письмо и посылка с магнитофонными записями армянских песен и танцев... В ответ из Харькова в Ереван отправились книги для библиотеки...

Прошло несколько лет.

Летом ребята работали в подшефном совхозе на прополке, заработали деньги и поехали в Армению повидаться с друзьями.

Пришли в школу имени Горького, познакомились с директором — Гургеном Акоповичем Харатяном. Гурген Акопович обрадовался, что харьковчане приехали, долго расспрашивал их про Харьков. Выяснилось, что это он дал своим ребятам адрес 108-й школы. Он освобождал ее от фашистов.

Из Харькова тогда гитлеровцев уже прогнали. Только на Холодной Горе они еще держались. Засели на крыше 108-й школы и стреляли. Когда стемнело, наши бойцы стали обходить их с тыла, незаметно пробрались к школе и обезоружили врагов.

Сколько раз пробовали ребята узнать, кто же освобождал их школу, но не сумели. Помогло путешествие в Армению.

История третья. Про колхоз

СО СЛОВ НАТАШИ ЗЕЛЕНСКОЙ

Харьковчане давно дружат с ребятами из Эстонии, из сельской школы в Аэгвийду. В прошлом году эстонцы сообщили, что председатель соседнего колхоза Арнольд Вунг получил звание Героя Социалистического Труда. Харьковчане написали Арнольду Вунгу письмо, поздравили его и попросили рассказать про колхоз — ведь им никогда не приходилось бывать в колхозе-миллионере.

Арнольд Вунг прислал подробное письмо и пригласил ребят в гости. С этого момента и начались сборы в Аэгвийду.

Колхоз поразил харьковчан: большие дома, много зелени, а заборов нет. В этом колхозе и ясли есть, и детский сад, и кинотеатр, и Дворец культуры. И еще в колхозе есть свой завод, на котором делают сок из яблок. Их привозят на завод прямо из колхозного сада, и ребятам больше всего понравилось, как яблоки движутся по конвейеру в цех: выстроятся ровными рядами, все как будто в красных беретах.

Сад в колхозе огромный, пожалуй, побольше, чем городской парк в Харькове. Помидоры в этом колхозе с кулак и очень вкусные. Особенно новый сорт, который недавно здесь вывели. Розы, белые, красные и даже голубые, славятся по всей республике.

История четвертая. Про дружбу

СО СЛОВ ГАЛИ ВАЖИНСКОЙ

В совхозе «Рогозянский» у ребят из 108-й школы есть свой лагерь труда и отдыха.

Каждое лето харьковчане работают в совхозе вместе с рогозянскими ребятами, а по вечерам вместе отдыхают. Бывает, футбольный матч организуют и сражаются: кто кого? Девчонки болеют за своих, все до единой остаются на месте до конца матча. А другой раз ребята разведут костер, пекут картошку, песни поют. Однажды харьковчане показывали свой фильм о поездке в Грузию, а после кино еще долго сидели, рассказывали о школе, о КИДе. Рогозянцы сказали, что им тоже хотелось бы подружиться с пионерами из других республик. И харьковчане помогли рогозянцам: дали адреса школ, подарили значки, открытки.

А осенью, когда вернулись в Харьков, собрались в школе и стали советоваться, чем еще можно помочь сельским ребятам. Тут Витя Галич и говорит: «Помните, рогозянцы жаловались, что в библиотеке книг маловато...»

Целую неделю приносили ребята в пионерскую комнату книги и журналы. Каких только книг тут не было: и учебники, и фантастика, и приключения, и даже полное собрание сочинений Льва Толстого.

«Книжная комиссия» отбирала книги строго: «Не стыдно такую рваную посылать? А эта совсем не годится, она же для дошкольников!»

Собрали большую библиотеку и отослали ее в совхоз «Рогозянский».

Теперь харьковские и рогозянские ребята здорово подружились, они вместе путешествуют, вместе готовятся к поездкам, знакомятся с историей той республики, в которую отправляются, на уроках труда делают подарки для друзей и обязательно везут с собой хороший концерт.

Я сказала харьковчанам, что многие наши читатели тоже хотят организовать у себя в школах клуб интернациональной дружбы, только не знают, как за это дело взяться. Ребята из 108-й школы подумали и вот что новичкам посоветовали:

ИГРА «ВЕСЕЛИСЬ!»

Если весело живется, хлопай так!
(Нужно хлопнуть в ладоши два раза.)
Если весело живется, хлопай так!
(Два хлопка.)
Если весело живется, мы друг другу улыбнемся,
Если весело живется, хлопай так!
(Опять два раза хлопнуть.)

Слова эти все время повторяются. Только вместо «хлопай так» во втором куплете поется: «щелкай так»,— и нужно щелкнуть два раза пальцами, в третьем — «шлепай так», и шлепнуть два раза по коленям, в четвертом — «топай так», и нужно топнуть два раза.

Когда дойдете до пятого куплета, спойте так: «Если весело живется, делай все», хлопните два раза, щелкните два раза, шлепните и топните и дальше до конца пропойте весь куплет.

Игра очень веселая, нравится и большим и маленьким.

Научили этой игре нас эстонские ребята.

совет первый

Для начала несколько адресов клубов интернациональной дружбы:

1. **МОЛДАВИЯ.** Село Стольничаны. Восьмилетняя школа.
2. **ТАДЖИКИСТАН.** г. Душанбе. Средняя школа № 53.
3. **АРМЕНИЯ.** г. Ереван. Школа № 4 имени Горького.
4. **ЛИТВА.** г. Капсукас. Школа-интернат.
5. **ЭСТОНИЯ.** Поселок Аэгвийду. Восьмилетняя школа.
6. **КАРЕЛИЯ.** г. Беломорск. КИД «Чайка».
7. **АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ,** Пинежский район, дер. Труфаново. Отряд «Сокол».
8. **АЗЕРБАЙДЖАН.** г. Сумгаит. Школа № 14.

совет второй

Иногда ребята получают такие письма: «Здравствуйте, дорогие друзья! Мы хотим с вами переписываться». И все. Что на такое письмо ответишь? Интересные письма приходят только в ответ на письма интересные. Так что старайтесь писать друзьям так, чтобы они много узнавали из вашего письма.

совет третий

Узнали, что в другом городе есть отряд, который, скажем, с октябрятами хорошо работает. Или: где-то ребята посадили много деревьев, провели интересный сбор, газету необычную выпустили, запишите их адрес, постарайтесь подружиться.

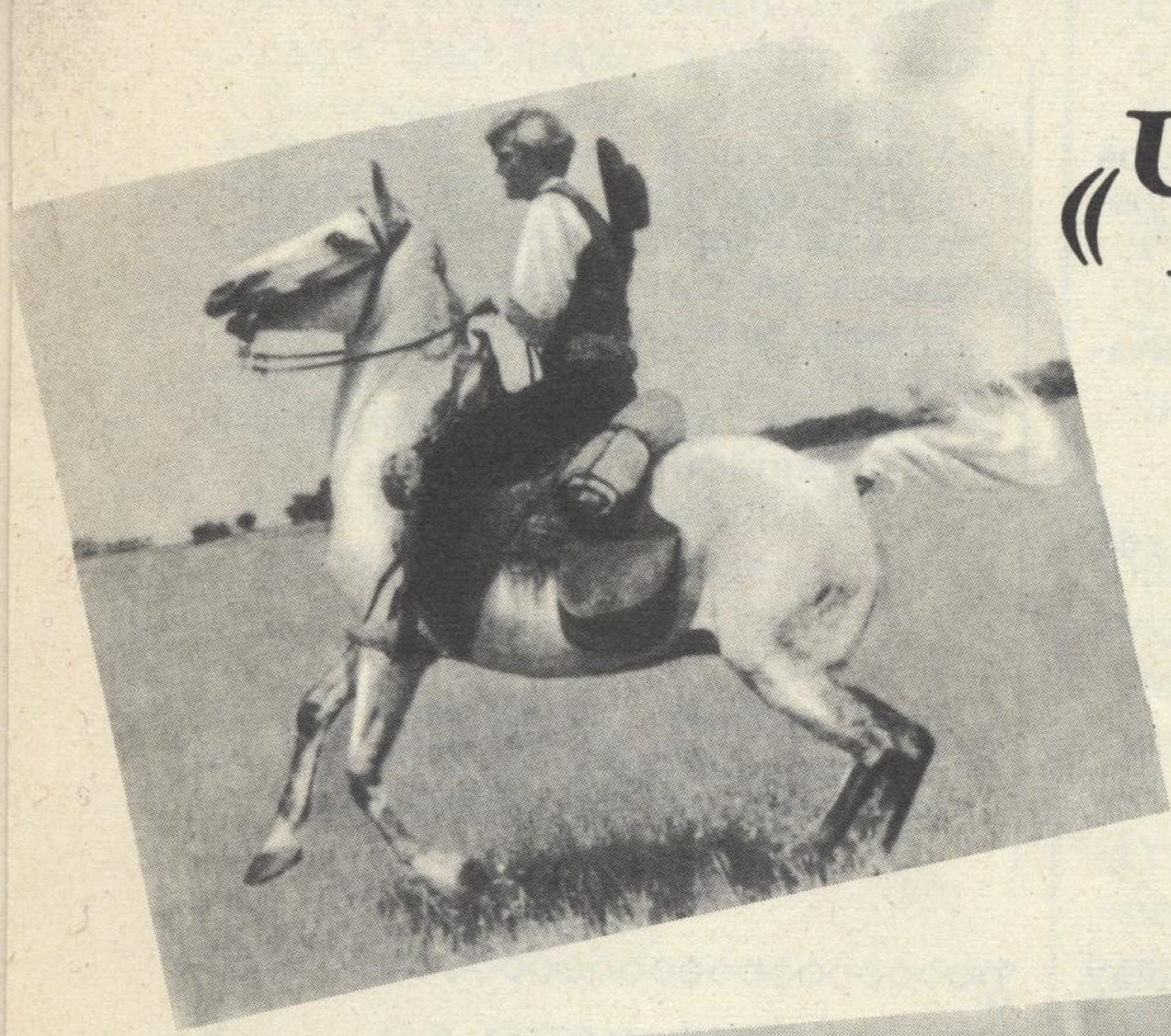
совет четвертый

Если друзьям нужна помощь, тут же принимайтесь за дело, ни на один день его не откладывая.

Такой армянский костюм сшила Владочка Янова, когда выступала на Фестивале Дружбы.

«Чтобы рассказать

В. КАЛУГИН



Дин Рид — известный киноактер. Он снялся в пятнадцати американских и итальянских фильмах. Сейчас он приглашен сниматься в советском фильме, рассказывающем об убийстве президента США Кеннеди.

Вилла Девото! Красиво звучит, не правда ли? Но только не для аргентинцев. Вилла Девото — центральная тюрьма в Буэнос-Айресе.

...В коридоре раздается стук кованых сапог. Смена караула. Значит, скоро рассвет.

Дин Рид не спит. Только ночью, когда тюрьма затихает, когда три тысячи заключенных смотрят свои бесконечные сны о свободе, он может спокойно подумать.

Там, за стенами Виллы Девото, друзья добиваются его освобождения. Властям Аргентины рано или поздно придется ответить: за что он брошен в тюрьму. Аргентинских законов он не нарушал, по законам его не осудят. Но для расправы есть и другие способы. Ведь стреляли же в него из пулемета пять лет назад...

Тогда здесь же, в Буэнос-Айресе, он выступил на митинге в защиту Вьетнама. Он сказал: «Я американец, но я против войны во Вьетнаме. Мне говорят: ты плохой американец. Что ж, я согласен быть «плохим американцем», но я никогда не соглашусь быть убийцей вьетнамских женщин, детей...»

На следующий день за ним началась охота — с

выстрелами и засадами. Власти предложили покинуть Аргентину. «Ради вашей безопасности»,— объяснили ему.

С тех пор прошло пять лет. 28 июня 1971 года на аэродроме в Монтевидео, когда он садился на самолет, летящий в Буэнос-Айрес, его остановили у трапа.

— Простите,— вежливо сказали ему.— Мы не можем вас пропустить. Если вы окажетесь на борту, нам в Аргентине не разрешат посадку.

Через два дня он все же прилетел в Буэнос-Айрес. Сам пришел во Дворец справедливости, где расположились органы правосудия, и заявил:

— Арестуйте меня, если я нарушил законы вашего государства.

Ему ответили:

— Вы не нарушили законов и, как подданный США, имеете право въезда в страну без визы.

— Тогда объясните, почему мне запрещен въезд?

— Официально вам этого запретить никто не может.

— Я могу считать себя свободным?

— Да!

всему миру...»

Это произошло. 1 сентября 1970 года у ворот консульства США в Сантьяго. Дин Рид сказал: «Этот флаг запятнан негритянской кровью, кровью американских индейцев и вьетнамских детей. Я очень дорожу честью своей страны, ее флагом, поэтому я хочу выстирать его — очистить от стыда и позора». И окунул американский флаг в ведро с водой.

Сегодня Дин Рид — желанный гость Чили. После каждого выступления в концерте или на митинге певца окружают сотни молодых чилийцев.

Ровно через два часа его арестовали агенты тайной полиции. Молча отвезли в тюрьму, молча втолкнули в одиночную камеру...

Вот уже двадцать дней, как его не выпускают из тюремной клетки. В окно он видит двор, по которому гуляют заключенные. Это днем. А по ночам бесшумно открываются ворота, и тюрьма проглатывает свои новые жертвы. По нескольку грузовиков за ночь.

Машины привозят уголовников, нищих, бродяг, бедняков. На воле многие им даже завидуют. В тюрьме каждый день дают мате с хлебом на завтрак и похлебку из лапши на обед — тысячи аргентинцев не имеют и этого. Дин Рид слышал в народе грустную песню: «Как жалко, что так мало тюрем, я тоже хочу есть. Как жалко, что в тюрьмы не берут с детьми, они тоже хотят есть. Они не умеют убивать и грабить. Неужели они так и умрут с голода?!»

В громадных военных фургонах привозят студентов. Еще «не остывших» после демонстрации, еще пытающихся что-то доказать полицейским. По одиночке доставляют «особо опасных» — в специальной машине, той самой, в которой привезли его. Он знает, кто эти «опасные». Только за сочувствие коммунистам аргентинцу грозит десять лет тюрьмы. Но сотни и сотни аргентинцев не просто сочувствуют идеям коммунизма — они борются за них.

Он, американский певец Дин Рид, борется тоже. Его песня «Мы — революционеры» стала гимном борьбы в Латинской Америке. Эту песню он посвятил Октябрьской революции, великому Ленину.

Мы — революционеры, народной массы глыбы.
За справедливость и свободу мы ведем бои.
Мы победим. Иначе быть не может, ибо
Мы, Революция, сыны твои!

Сегодня мы еще в горах,
А завтра выйдем на равнины.
И верит друг, и знает враг,
Что мы непобедимы.

За нас — крестьянские поля,
За нас — заводы городские,
И вся прекрасная Земля
Навстречу нам простор раскинет.

Мы люди всех оттенков кожи —
Кто негр, кто азиат, кто белый,
Мечтая об одном и том же,
Сражаемся за наше дело.

Мы победим. Иначе быть не может, ибо
Мы, Революция, сыны твои!

В своем послании вьетнамскому народу Дин Рид заявил:

«Я пишу вам как американский гражданин, который чувствует огромный стыд при виде жестоких, преступных действий моего правительства. Поэтому я считаю за честь быть на вашей стороне в этот величайший час вашей истории».

Он, борец за мир, вел колонны демонстрантов по улицам Рима и Женевы, Парижа и Лондона. С трибуны Всемирного конгресса сторонников мира в Хельсинки он обращался к детям всех стран в своей песне о сыне:

Я хочу, чтобы знал ты, как кожа людей
Бывает похожей, раз люди в беде,
А в каждой душе — больше света, чем зла,
Хочу, чтобы это ты знал!
Хочу, чтобы знал ты, как войны страшны,
Как матери плачут, когда погибают сыны,
А жизнь не игра, и эпоха грозна.
Хочу, чтобы это ты знал!
Хочу, чтобы знал ты, когда подрастешь,
Как мать и отец ненавидели ложь
И сыну открыто смотрели в глаза,
Хочу, чтобы это ты знал! [1]

...Веками Соединенные Штаты чувствовали себя хозяевами в Латинской Америке. Они навязали ее народам систему особого рабства — рабства экономического. Нефть Венесуэлы, олово Боливии, кофейные плантации Колумбии — собственность монополий США. На полях и фермах, заводах и рудниках, принадлежащих этим монополиям, работают латиноамериканцы. Официально они не считаются рабами, их страны не называют колониями, они независимы, но только на словах. Власть монополий еще более жестока и неумолима, чем невольничьи цепи.

4 сентября 1970 года произошла революция в Чили. На весь мир прозвучали слова нового президента страны Сальвадора Альенде:

«Настал час, когда мы можем сказать: хватит! Хватит экономической эксплуатации! Хватит социального неравенства! Хватит политического угнетения! Чилийский народ, ты хозяин своей судьбы!..»

Впервые в истории народ одержал победу без единого выстрела — мирным путем. Правительство Народного единства, в которое вошли и три рабочих-коммуниста, открыло трудящимся двери всех министерств. Все природные богатства, рудники, заводы стали переходить в руки чилийцев.

Дин Рид был очевидцем революционных преобразований в Чили. «Я приехал к вам,— заявил он на митинге в Сантьяго,— чтобы потом рассказать всему миру о вашей справедливой борьбе. Рассказать только правду. Как это сделал мой соотечественник и однофамилец Джон Рид, открывший миру правду о революции в России...»

Три месяца Дин Рид ездил по стране, выступал с концертами. Он видел, как народ Чили строит новую жизнь. Видел, как дети Чили ежедневно получают по пол-литра молока — бесплатного молока. Как в президентском дворце они праздновали новый 1971 год, первый год свободы, и сам президент Альенде вручал подарки тысячам ребятишек. Дин Рид видел, как бездомные въезжают в

[1] Перевод Е. Шевелевой.

новые дома. Как безработные получают работу на фабриках. Как крестьяне возделывают отобранную у латифундистов землю.

...Рид берет лист бумаги и пишет: «Я, американский певец и борец за мир Дин Рид, без суда и следствия брошенный в аргентинскую тюрьму, в знак протеста объявляю голодовку. До дня освобождения или смерти!»

Двери камеры открываются. Молча входит охранник, молча ставит на стол миску с едой.

— Эй,— окликает его Дин,— отнеси мой завтрак другому. А вот это (он протягивает свое заявление) отдай начальству. Твое начальство пусть отдаст своему начальству. Понял?

Охранник молча берет бумагу и молча выходит. Дверь камеры закрывается.

Что было дальше? Об этом я спросил самого Дина Рида. Недавно он был гостем нашей страны, выступал с концертами. И вот что рассказал:

— На следующий день за мной пришли, посадили в машину, отвезли в аэропорт, и я оказался...— где бы вы думали? — в Риме! Так в первый раз я летел на самолете бесплатно...

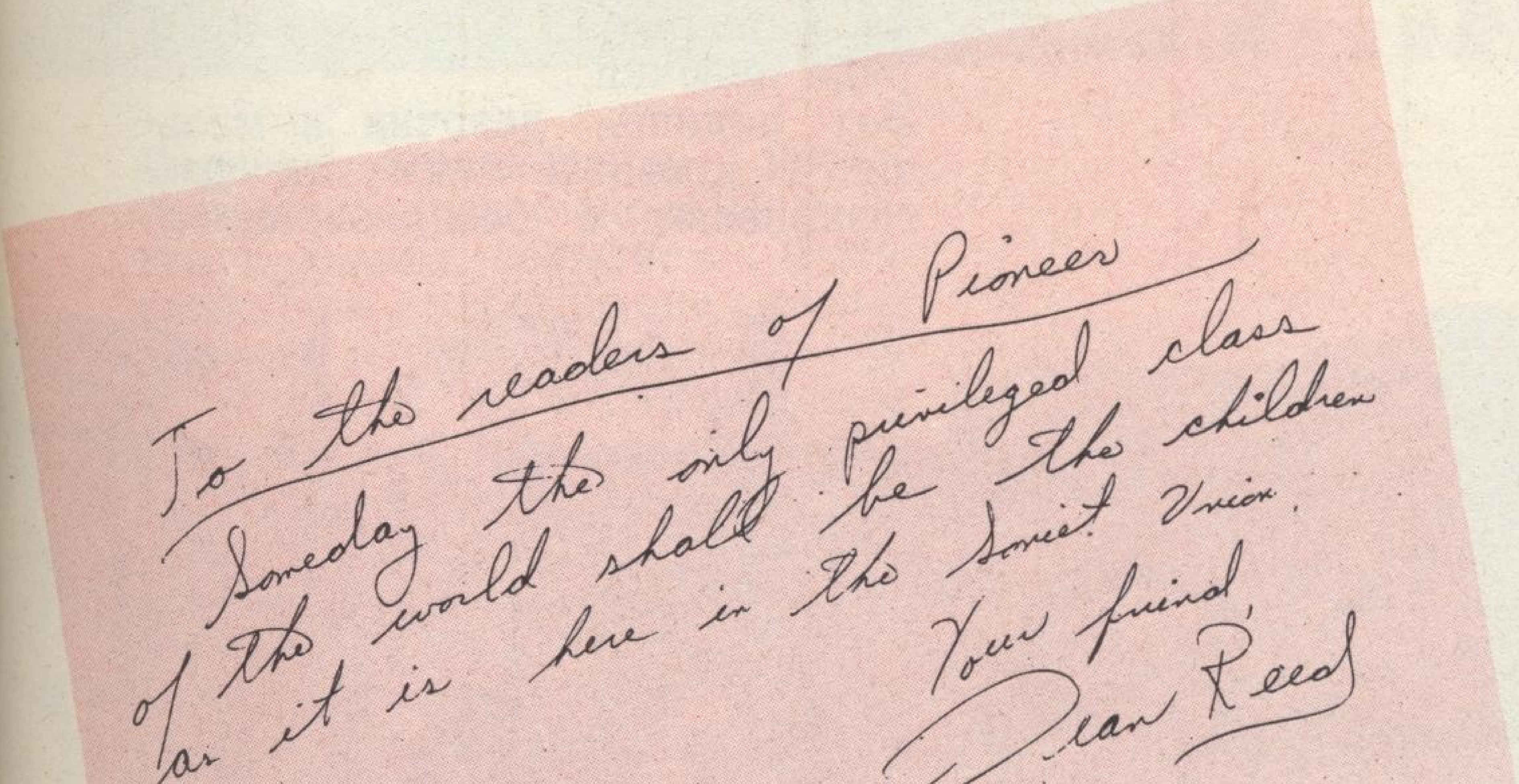
— Ну, а если б не освободили?

— Сотни тысяч людей жертвовали своей жизнью ради счастья других. О себе могу сказать только одно: я бы остался верен слову.

— Вам так и не объяснили причину ареста?

— Видно, они считали, что тюрьма красноречивее слов. Они применили свои полицейские средства. Ничего у них не вышло. Я уверен: в мире лишь один путь для достижения справедливости — путь социализма. Этот путь избрал народ Чили. По этому пути пойдут и другие латиноамериканские страны.

На прощание я попросил Дина Рида оставить советским пионерам свой автограф. Он написал:


To the readers of Pioneer
Someday the only privileged class
of the world shall be the children
as it is here in the Soviet Union.
Your friend
Dean Reed

«Читателям «Пионера»!
Когда-нибудь единственным привилегированным классом во всем мире станут дети. Как это у вас в Советском Союзе.

Ваш друг Дин Рид».

Б. СЛУЦКИЙ

Глаза детей

От Старой Руссы и до старой Рузы
по школам дети маленькие русы.

От Волочка и до Волоколамска
глаза их синие сияют лаской.

Теплей тепла и леданей ледыни
блестят глаза в Мезени и Медыни.

Как радуга над Ладогой блистает,
когда ребята Пушкина листают!

Как им, наверно, весело и славно
на всем скаку перегонять Руслана!

*

Снег

То ли свет,
то ли смех —
снег.
Выше всех,
тише всех
снег.

Шестеренка снежинки сцепляется
с шестернею земли,
и поля удивляются,
до чего же их замели!

Белокожая, как Афродита,
высыпает свои закрома
так похожая на Антарктиду
всей повадкой своей —
зима.

И, как будто пятигодовалый
африканского
сын
посла,
я гляжу, как она занесла.
Тишина — а вроде обвала,
белизна, а как ночь — густа.

И неслышимо, как опаздывающие,
все скорее, скорее падающие,
занимают снежинки места.

Крайний слева твой друг ГЕНКА...

Есть в твоем доме альбом с семейными фотографиями? Не альбом, так большой конверт или ящик письменного стола, где хранятся старые снимки, сделанные в свое время на память о событиях, о товарищах...

Вот твои совсем недавние фотографии. Вы играли в «Зарницу». Разведчики в маскхалатах ползут по снегу... Крайний слева — твой друг Генка... Здорово он тогда перехитрил «зеленых». Обошел кустарник со стороны реки, где противник и не ждал вовсе, и неожиданно подкрался к знамени...

А это что за ребята такие? Вроде незнакомые... Да это же мамины приятели! Работают у станков. Мама рассказывала: во время войны они после уроков на заводе делали ящики для снарядов. Еще они в госпиталях выступали. Вот снимок! Симпатичная девчонка, на вид лет двенадцати, поет перед ранеными бойцами. Мамина подруга, тетя Вера!..

Ну-ка, а в этом конверте что? Шагает по улице отряд... Одеты плохо: у кого брюки короткие, у кого длинные, у одного рубаха клетчатая, у другого — свитер... Но у всех — красные галстуки. Идет отряд по булыжной мостовой, четко чеканит шаг и, видно, хорошую песню поет. Наверное, «Взвейтесь кострами, синие ночи». Дедушка и сейчас еще любит петь «Взвейтесь кострами». Это его, первый в городе, пионерский отряд. Рядом с дедушкой дядя Федя... Он теперь персональный пенсионер. Недавно приходил к вам в отряд, рассказывал о первых сборах и первых походах...

Стоит только вынуть эти фотографии из альбомов, собрать вместе да расспросить о них, и старые снимки из семейных реликвий превратятся в ценнейшие документы истории.

Подольские пионеры так и поступили и собрали богатейший материал, которому может позавидовать любой исторический музей.

Горисполком подарил красным следопытам небольшой дом, и ребята открыли в нем Музей пионерской организации. Прекрасный музей!

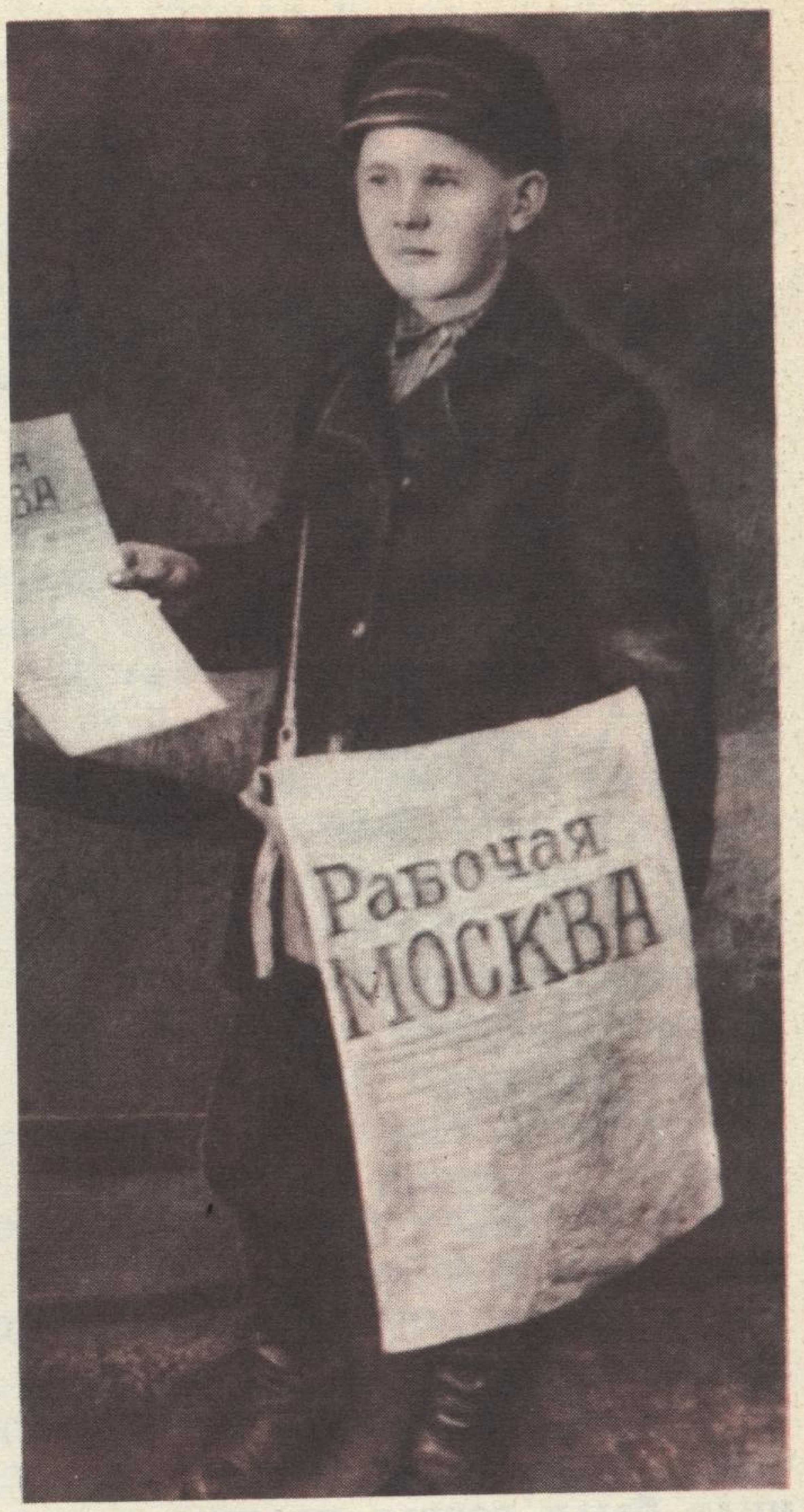
Приходят в музей свои, подольские, приезжают гости из соседних городов и деревень, наведываются ученые, сотрудники настоящих музеев, пионерские работники. Каждый находит то, что для него важно и интересно, и все хвалят и благодарят. Молодцы подольские пионеры!

Мы уверены, что и в твоем городе и в твоем селе живут ребята ничуть не хуже подольских.

Шагает по городу Подольску первый пионерский отряд. А рядом вожатый (следопыты узнали, это Сережа Жаров). Смотрит придирчиво: хорошо ли идет отряд? Пусть все видят: пионеры — это организация, пионеры — это сила, пионеры — это прекрасные ребята!

Поначалу в пионерский отряд записались только мальчики. Девочек мамы и папы в отряд не пустили. А потом поглядели: пионеры сажают деревья на улицах, пионеры помогают неграмотным учиться читать и писать, пионеры заботятся о беспризорниках, устраивают их в детские дома — хорошие люди пионеры! И появились в отряде девочки...

Вот видишь, девочка и мальчик в красных галстуках разговаривают с беспризорником.



Первое соревнование ребят-авиамоделистов было в Подольске большим событием. Фотографировал состязание самый лучший в городе фотограф — Г. В. Ильин. Он и передал этот снимок красным следопытам.

Однажды в Подольский горком комсомола пришло письмо со Смоленщины. Пионеры Ярцевской 1-й школы сообщали, что при перезахоронении солдат, погибших у Соловьиной переправы, они нашли именные часы. Из надписи на них ребята узнали, что часы были подарены неким Ю. П. Ване Егорову из Подольска. После долгих и очень сложных поисков подольские следопыты установили, что Ваня Егоров был одним из первых в Подольске пионеров. Ты видишь его на снимке — он распространяет партийные газеты. Потом Ваня стал пионервожатым.

Следопыты дознались, и кто такой Ю. П. Оказалось, Ю. П. — вовсе не инициалы человека, это значит «юные пионеры» Пионеры подарили своему вожатому часы, когда провожали его в армию.

Девочки шьют фуфайки и варежки для детей фронтовиков. В музее много материалов о военном времени.

Композитор Дмитрий Борисович Кабалевский часто приезжает в Подольск, ведет занятия в хоровой студии Дворца пионеров.

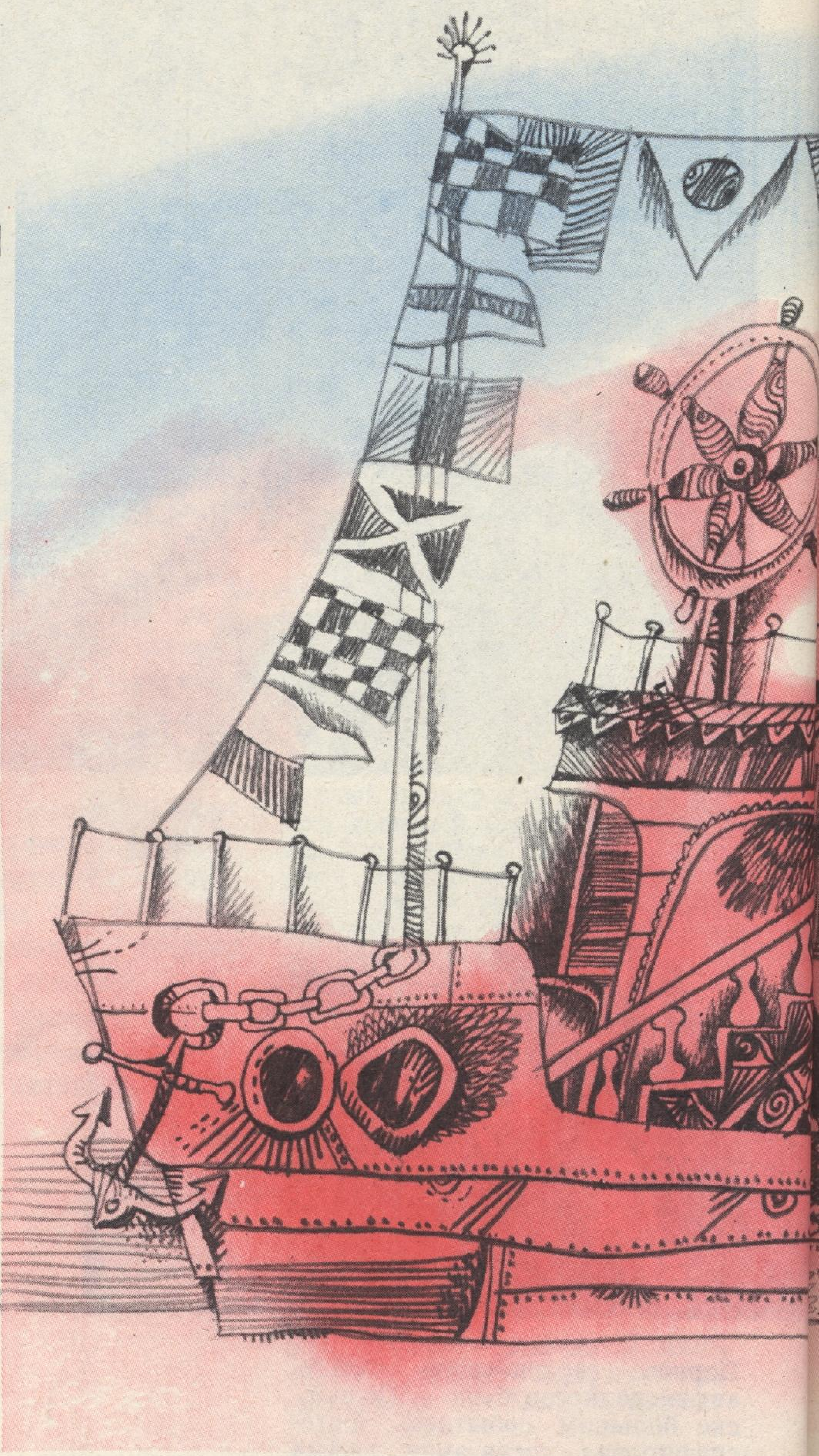
Ребята собирают и недавние фотографии. Они заботятся о тех поколениях пионеров, для которых эти снимки будут уже историей.

как вы собираете материалы? напишите нам о самых интересных.

ПАПИН ПАРОХОД

Сергей ЛЬВОВ

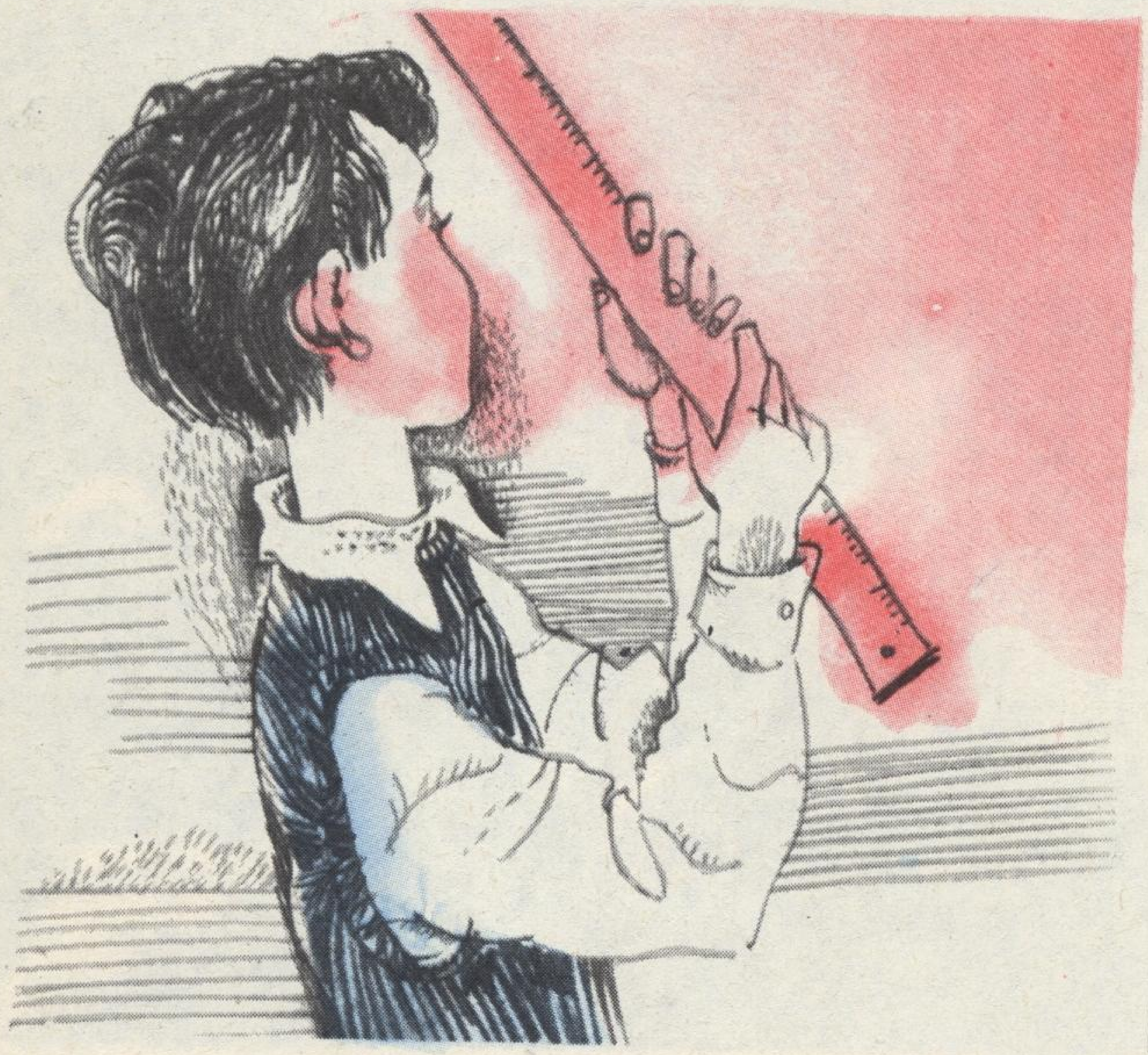
Рисунки А. БОРИСОВА



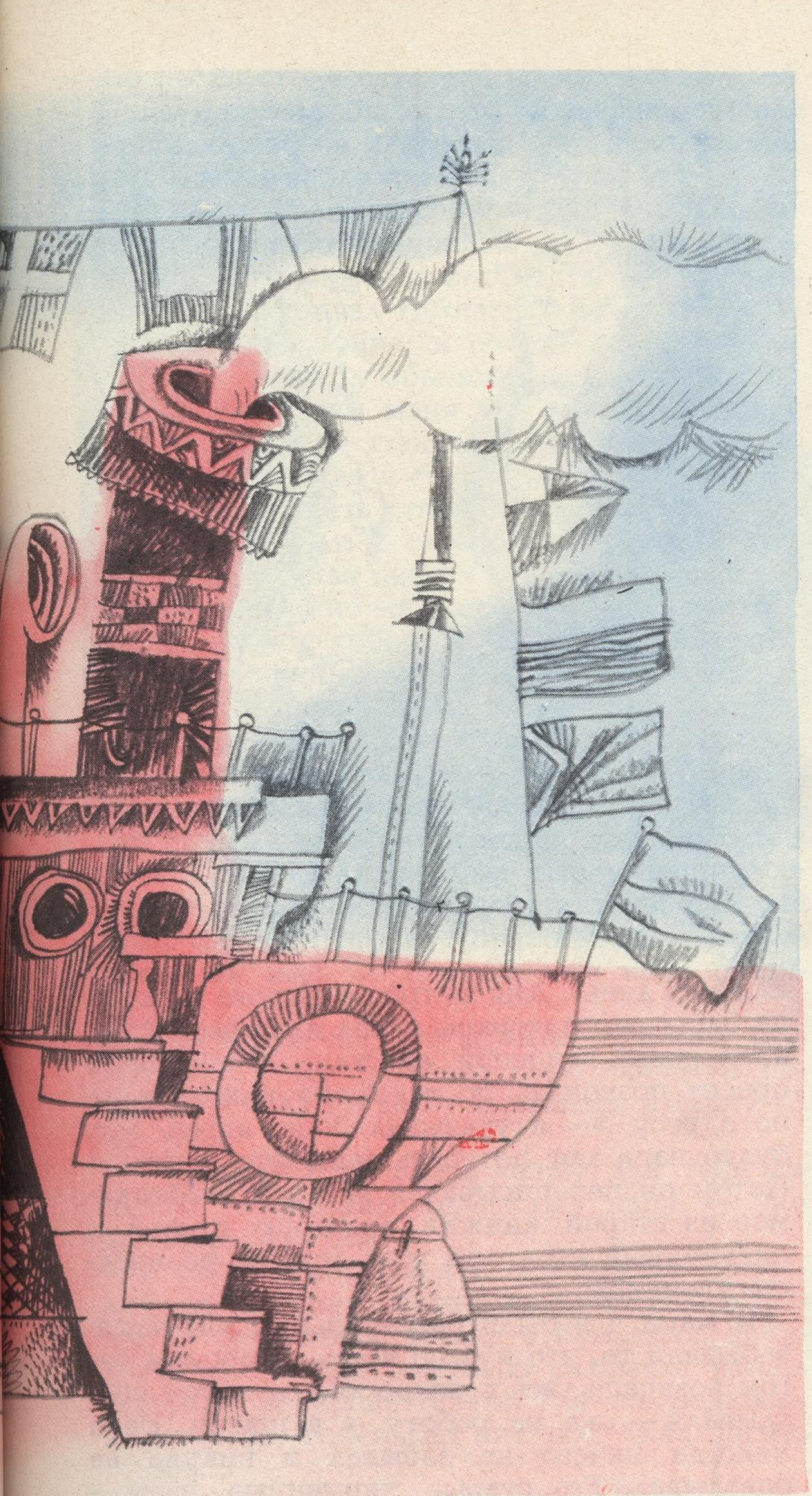
На папином письменном столе все лежало и стояло в однажды заведенном строгом порядке. Если мы его нарушали, папа сердился. В тяжелой чернильнице — стеклянном кубе с острыми гранями и бронзовой крышечкой — фиолетовые чернила были всегда налиты ровно до половины, дюжина черных остроочиненных карандашей стояла в сверкающем металлическом стакане, на мраморном пресс-папье всегда была свежая промокательная бумага, скрепки лежали в специальном лоточке, и, если мама, разговаривая с папой, рассеянно и нервно сцепляла их в длинную цепочку, папа терпеливо расцеплял скрепки. Перед чернильницей лежал костяной нож для разрезания бумаги и три линейки: одна — гибкая, серебристая из двух соединенных винтиками металлических полос, вторая — деревянная, без единого пятнышка или зазубрины, третья — прозрачная, целлулоидная. Если посмотреть сквозь нее на свет,— все в комнате становится красным и розовым. Но папа строго говорил: «Это вам не игрушка»,— отбирал линейку у нас и клал ее на постоянное место.

В ящиках письменного стола лежали коллекции: писчие перья и карандаши всех видов и бумага всех сортов — от тончайшей рисовой из Японии до плотного английского ватмана с неровно обрезанными краями. А еще там лежали каталоги и прейскуранты иностранных фирм, торгующих канцелярскими и школьными товарами.

Папа возвращался домой в седьмом часу



Если посмотреть сквозь линейку на свет, все в комнате становится красным и розовым.



вечера. Он надевал старую, залатанную на локтях домашнюю куртку и шлепанцы, долго умывался в ванной, а потом садился в кресло, на свое постоянное место за обеденным столом. Если папа был в хорошем настроении, он за обедом слушал мамины рассказы о поликлинике, где она работала, и наши с братом —о школьных новостях. Если он приходил усталый, он перебивал нас:

— Когда я ем — я глух и нем.

И обед проходил в молчании.

После обеда один из нас приносил папе из кухни стакан холодной воды из-под крана. Папа медленно выпивал ее и, когда был в духе, произносил одну и ту же поговорку: «Бог напитал, никто не видал, а кто видел, тот не обидел, спасибо сему дому, пойду к другому». Маму сердили этот стакан воды и эта поговорка. Тогда папа напоминал, что был десятым сыном у своей мамы, нашей бабушки, и хотя учился в реальной гимназии, но воспитывался главным образом на улице. Мама весело подтверждала: «Да, да, на улице» — и рассказывала, что, когда ее — мамина — семья во время мировой войны бежала из-под Варшавы в Россию и обосновалась в Нижнем Новгороде и за ней, гимназисткой, которая прекрасно говорила по-французски и по-немецки и играла на пианино, начал ухаживать наш папа, ее родные ужасались: «Неподходящее знакомство!»

— А все-таки я тебя увел! — говорил он и целовал маму.

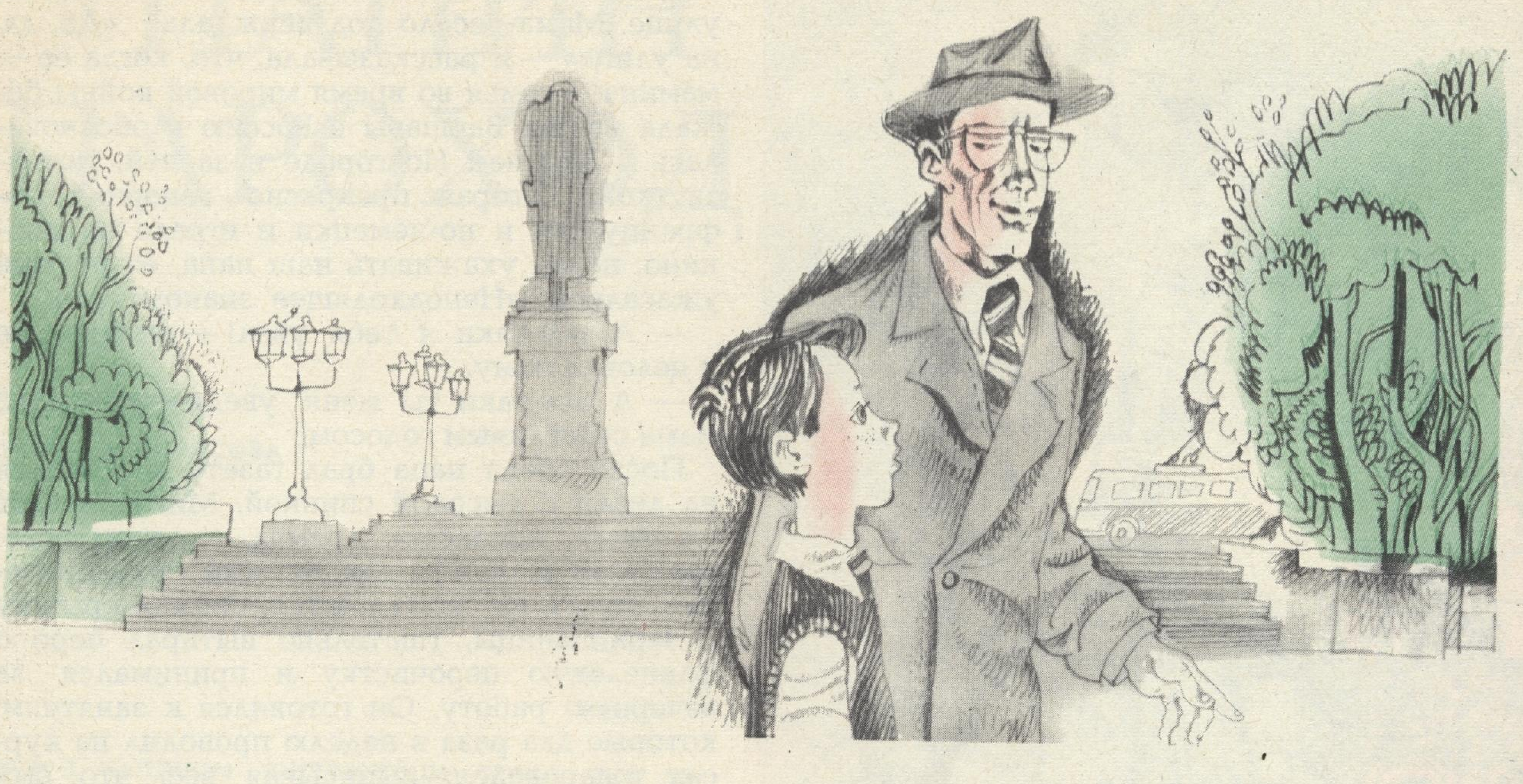
— А все-таки ты меня увел,— повторяла мама счастливым голосом.

После обеда папа брал газету и ложился на диван с высокой спинкой. Минут десять он читал, полчасика дремал, а потом вставал, усаживался за письменный стол, проверял, все ли на своих местах, снимал крышку с чернильницы, тщательно вытирал перо о фланелевую перочистку и принимался за вечернюю работу. Он готовился к занятиям, которые два раза в неделю проводил на курсах товароведов, выписывая все, что ему нужно было, ровным четким почерком на плотные карточки. Иногда он писал пояснения к своим изобретениям. Ну, можно ли придумать новую форму для карандаша? А папа доказывал, что и можно и нужно. Если делать его не круглым или шестигранным в сечении, а треугольным, карандаш будет удобнее лежать в руке, и у того, кто пишет, никогда не наступит писчая судорога.

Этого папа доказать не сумел. Трехгранные карандаши я впервые увидел, когда папы уже давно не было на свете.

Большинство его предложений оставалось на бумаге. Но он упрямо не бросал изобретательства. Как он радовался, когда по его чертежам были наконец сделаны образцы катушек для пишущей машинки! Они служили сразу и катушками и коробочками. Папа доставал из стола свои старые конторские счеты и торжествующе подсчитывал — костяшки так и летали по спицам с сухим треском,— сколько дефицитной жести грубо ориентировочно сберегут эти катушки, если их станут применять на всех пишущих машинках страны. Потом он брал линейку, остроотточенный карандаш и чертил на листе бумаги, как разрезать жесть, чтобы вышло как можно больше коробок-катушек и осталось как можно меньше отходов. При этом он напевал всегда одну и ту же странную песню, из которой я запомнил только припев: «Ламцадрица-о-ца-ца...»

В одиннадцатом часу, когда мой младший брат Юра уже спал, а мне тоже было пора ложиться, папа подзывал меня к себе, расспрашивал о школьных делах и о том, что я сейчас читаю. Если книгу о путешествиях, он говорил, что прочитает ее сам. Пока я отвечал на его вопросы, папа расставлял все на столе в привычном порядке, переворачивал



До площади Пушкина мы с папой шли вместе.

листок перекидного календаря, делал на нем пометки на завтра, а потом тщательно укладывал бумаги в портфель. Портфель этот с серебряной пластинкой, на которой замысловатым почерком было вырезано поздравление, папе подарили давно, но он все еще выглядел как новый.

Утром мы завтракали вместе с папой. Он сидел в своем кресле, свежевыбритый, с вязаной шапочкой на голове, которую надевал, пригладив мокрой щеткой густые черные волосы, чтобы прическа лучше держалась. Прежде чем начать есть, он тщательно намазывал маслом несколько кусков хлеба, и те, которые собирался съесть на завтрак, и те, которые, завернув в салфетку, брал с собой. Если на столе была колбаса или сыр, папа, поточив нож о нож, аккуратно нарезал их так, что каждый ломтик был точно такой толщины, как другой. Кладя колбасу или сыр на хлеб, он обрезал выступающие края: никогда больше не видывал я таких тщательно приготовленных бутербродов.

Пока я, суетясь, искал тетради и учебники, которые всегда забывал приготовить с вечера, папа раскладывал по карманам в одном и том же, раз навсегда заведенном порядке заранее приготовленные бумажник, кошелек, кожаный портсигар с папиросами, спички, ключи, выглаженный носовой платок и записную книжку.

Записные книжки были папиной слабостью. В конце года он приносил новую записную книжку — толстенькую, в мягком кожаном переплете, со страницами, где полагалось записывать номера паспорта, профсоюзного билета и сберегательной кассы, с алфавитом для телефонов, с календарем «На каждый день». Дня за три до Нового года папа бисерным почерком писал на первой странице новой записной книжки: «Нашедшего просят позвонить по телефону или вернуть по адресу...» — и указывал наш адрес. Как будто папа мог потерять записную книжку! Потом он переписывал в нее все необходимое из старой книжки, а старую прятал в письменный стол, где уже лежали ее предшественницы.

И мама и я были рассеянными. Мы часто забывали то, что нужно взять с собой, и бегом возвращались с полдороги, а потом опаздывали — она на работу, я в школу. Папа никогда ничего не забывал и никуда не опаздывал. Его старые карманные часы,— он подарил их мне, когда уходил в ополчение,— тоже шли минута в минуту.

В любую погоду, кроме проливного дождя, папа ходил на службу пешком. До площади Пушкина мы шли вместе. Потом я сворачивал в переулок, к школе, а папа шел дальше. Много лет подряд по одной и той же дороге, встречая в одних и тех же местах одних и тех же прохожих. С некоторыми он здоровался.

По дороге папа рассказывал мне о своем детстве, о том, как решил самостоятельно зарабатывать карманные деньги и разгружал баржи с астраханскими арбузами. Его папа — наш дедушка — пришел в ужас: «Что скажут люди?» А его мама — наша бабушка — похвалила папу. Потом он научился чинить пишущие машинки. Когда ему наконец доверили первую машинку — это был старинный «Ремингтон» с большой кареткой,— он разобрал ее, нашел повреждение, починил, собрал снова, машинка заработа-

ла, но на столе осталось несколько деталей. Папа подумал было, что усовершенствовал машинку, но ее владелец энергично разъяснил ему его заблуждение.

У папы были способности к технике. Наверно, из него получился бы отличный инженер, но учиться в институте ему не пришлось. Он кончал гимназию, когда уже шла гражданская война, и очень рано женился.

Папа мечтал, чтобы инженером стал я. Но оказалось, что у меня нет для этого решительно никаких способностей, и он очень огорчался. Когда я стал запоем читать и начал сам сочинять стихи, папа спрашивал меня, составил ли я себе план чтения, и сердился, что стихи свои я записывал где попало и терял. По воскресеньям он усаживал меня рядом с собой и заставлял диктовать себе сочиненные мною стихи. Он вписывал их четким почерком в специально заведенную для этого роскошную тетрадь, ставил внизу дату, а название вносил в оглавление. Если проходило много времени, а я говорил, что новых стихов не написал, папа сердился.

— У Алика (Алик был сыном наших соседей) способности к музыке, и он каждый день три часа играет упражнения,— выговаривал он мне. — Способности надо развивать.

Если я отвечал, что музыка — совсем другое дело, папа приводил свою любимую поговорку: «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда».

— У меня в портфеле лежит для тебя подарок! — объявил однажды папа. — Можешь достать сам.

Я открыл портфель с серебряной дощечкой, до которого обычно не разрешалось даже дотрагиваться. Папка с бумагами, аккуратно сложенная вчетверо салфетка из-под завтрака, вечерняя газета. Где же подарок? А вот и он. Тоненькая книжка: «Как писать стихи».

Я прочитал ее за один день. Книжка мне не понравилась, и я не сумел скрыть этого от папы. Он не стал со мной спорить, забрал книгу, читал ее вечерами неделю подряд, иногда задремывая над ее страницами, а потом сказал:

— Очень дельная книга! — и добавил, подумав: — По-моему.

Я промолчал, а папа взял общую тетрадь, куда переписывал мои стихотворения, и попробовал определить, каким размером какое из них написано.

Читая стихи вслух, он отбивал рукой такт, остроотточенным карандашом расставлял едва заметные знаки ударений, сбивался, начинал все снова, проводил черточки, отделяющие одну стопу от другой... Схемы размеров, приведенные в книге «Как писать стихи», вносили в непонятное занятие, которым увлекался его сын, систему. Когда я чистосердечно признался, что не знаю, каким размером пишу, папа долго не разговаривал со мной — наказывал за несерьезное отношение к делу.

Юра начал собирать марки. Папа, отложив все свои дела, просидел с ним несколько вечеров: учил, как отделять марки от конвертов, чтобы не повредить зубцов, как брать марки пинцетом, как тоненькими полосками клейкой бумаги вклеивать их в альбом. Он даже повесил в нашей комнате большую карту мира, чтобы Юра отыскивал на ней страны, чьи названия написаны на марках. Он не приносил ему новых марок, пока не убеждался, что Юра может показать на карте все государства, марки которых уже есть у него, что все марки, принесенные раньше, аккуратно наклеены, а двойники разложены по прозрачным карманчикам альбома со странным названием «кляссер»...

Недели за три до майских праздников папа позвонил со службы: «Приду поздно, совещание». Он вернулся домой в десятом часу и, не заходя в ванную, не переодеваясь, радостно объяснил:

— Мы будем строить корабль!

Мы ничего не поняли.

И папа объяснил: его учреждение должно торговать на праздничном базаре. Базар устраивается на площади. Предполагали поставить несколько киосков. Но киоски ставят всегда и все, это скучно. Тут кто-то предложил вместо киосков построить корабль и торговать через его иллюминаторы.

— Заведовать кораблем,— начал папа, но тут же поправился и проговорил радостным голосом,— а капитаном корабля назначен я! И в воскресенье к нам домой придет театральный художник. Обсудить проект корабля.

Папа торопливо поужинал и, несмотря на позднее время, после ужина достал из книжного шкафа темно-зеленый с черным корешком и золотым тиснением том энциклопедии Брокгауза и Ефрона «Конкорд — Коялович». Утром, когда он шел на работу, а я в школу, папа сказал, что у большого корабля бывают три мачты: фокмачта, гротмачта и бизаньмачта. Подумав, он добавил:

— И одна наклонная — бушприт.

Театральный художник оказался очень молодым, очень худым человеком. По случаю его прихода был устроен торжественный завтрак. Папа предложил выпить по рюмочке.

— За совместное плавание! — торжественно сказал он. А потом подробно объяснил художнику, каким он представляет себе корабль. Он с удовольствием выговаривал слова: «форштевень», «такелаж», «рангоут», не забывая упомянуть, что продавать школьные и канцелярские товары желательно с обоих бортов и что в трюме нужно разместить запасы на все дни работы базара: пополнять их в дни праздников не придется.

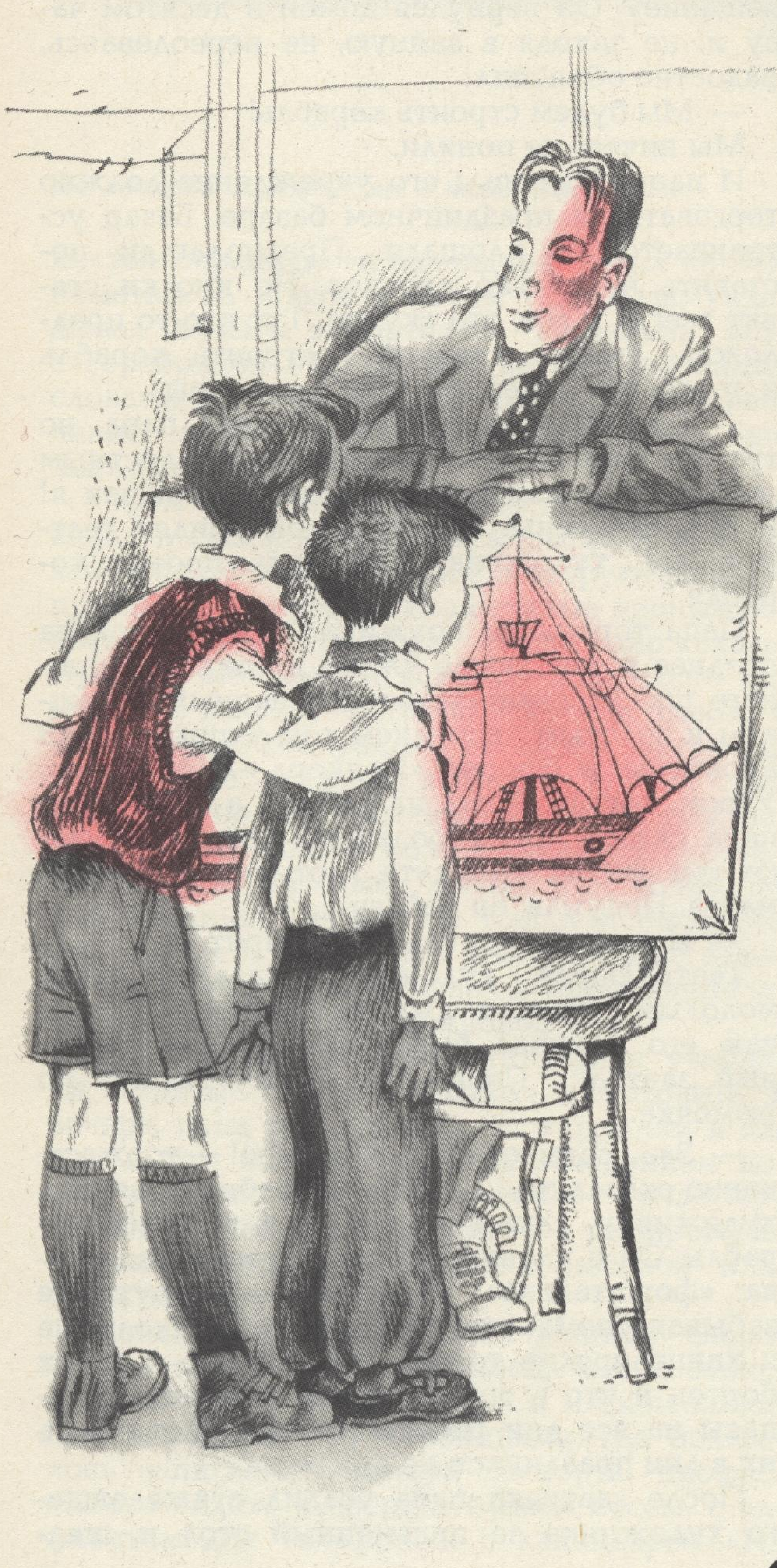
После завтрака папа усадил отяжелевшего художника за письменный стол и, щел-

кая костяшками счетов, стал ему втолковывать, какое пространство на площади отведено его учреждению и сколько продавцов предполагается разместить на корабле.

Художник вначале вяло поддакивал папе, потом воодушевился и через несколько дней принес большой эскиз корабля во весь лист чертежной бумаги. И мы увидели прекрасный корабль с тремя мачтами, с косыми, туго надутыми белыми парусами, с веревочными лестницами и якорями, с пушечными жерлами, глядящими из бойниц, с высоко поднятым носом и надписью «Союзканцбумторг» на борту.

Эскиз всем понравился. А папа, хотя он очень любил свое учреждение, неожиданно сказал:

И мы увидели прекрасный корабль с тремя мачтами, с белыми парусами, с веревочными лестницами и якорем.



— Такой корабль должен называться иначе.

Художник с ним согласился.

— «Бигль», «Фрам», «Стерегущий», «Дети капитана Гранта»,— наперебой предлагали мы названия кораблей из любимых книг. Но папа отвергал их одно за другим.

— Мне надо это обдумать,— сказал он. И на следующий день погрузился в чтение книги капитана Лухманова, взяв ее специально в библиотеке.

Дня через два папа вернулся со службы расстроенный. Директор не утвердил эскиз корабля.

— Санкционировано строительство праздничного торгового павильона, а тут нарисована пиратская шхуна! С каких пор пираты торгуют культтоварами? И вообще парусный корабль — это устарело. Кто нам сошьет эти паруса, и в какую копеечку они нам встанут? — сказал он папе.

— Что же теперь будет? — в один голос спросили мы с Юрой.

— Будем строить пароход,— невесело ответил папа.— Это проще.— И он тяжело вздохнул.

Но на следующее утро, когда мы вместе вышли из дома, папа сообщил, что первый пароход был построен американцем Фультоном в 1807 году, назывался «Клермонт» и развивал скорость 9 километров в час. А в России первый пароход был построен немного позже, назывался «Елизавета» и плавал от Петербурга до Кронштадта, но какую развивал скорость, неизвестно.

Чертежи парохода были быстро утверждены, и началось его сооружение. Теперь папа вставал на два часа раньше и до службы шел на площадь. Возвращался туда после обеденного перерыва и оставался там до самого вечера. Когда он приходил домой, от него пахло древесной стружкой и красками, а на костюме и волосах были опилки.

Для праздничного базара строилось сразу много ларьков и павильонов, рабочих папе дали меньше, чем нужно, и все шло медленнее, чем ему хотелось. Папа волновался, что пароход к 30 апреля не построят. За ужином он негодовал:

— Нет, вы можете себе это представить! Они хотят, чтобы на праздничном базаре я торговал скоросшивателями, дыроколами, штемпельными подушками и амбарными книгами!

Никогда раньше я не слышал, чтобы папа произносил с иронией названия этих почтенных канцелярских товаров.

— А я говорю: дайте мне серпантин, конфетти, карнавальные маски, флажки из материи на палочках и бумажные в гирляндах, игрушечные парашюты, горны, значки, китайские фонарики, наборы цветных карандашей и красок, дайте мне кукол, бибабо, сачки для бабочек, серсо, крокет, городки — после весны наступает лето! Дайте мне кар-

манные фонарики, игрушечных лошадей, мячи, чтобы ни один отец и ни одна мать, которая придет показать наш пароход своему ребенку, не ушли от нас без подарков. Дайте мне кубики с картинками и азбукой, настольные игры, плюшевых медвежат, волчки,— воодушевленно перечислял папа то, чем хотел загрузить трюм своего парохода.

Теперь он вечером не ложился на диван, а то время, которое раньше проводил за письменным столом, просиживал у телефона, набирал номер за номером по своей записной книжке, извинялся, что звонит в неурочное время, напоминал об обещанном, сулил в будущем всяческое содействие со своей стороны, просил, убеждал, упрашивал, настаивал, умолял...

Двадцать восьмого вечером он приехал домой на учрежденческом «газике», погрузил в него дачную раскладную кровать, подушку, одеяло, ящик с инструментами, сложил в чемодан то, что брал с собой в короткие командировки, и объявил, что переселяется на пароход. Работа на площади идет даже ночью, и, если он не приглядит сам, все могут сделать не так, как следует, а то, чего доброго, уведут у него маляров или электромонтера.

— А тридцатого мы должны поднять флаг! — торжественно сказал папа.

В тот год тридцатое апреля приходилось на воскресенье, и праздники продолжались три дня. Двадцать восьмого и двадцать девятого мы с Юрой носили папе на площадь обед в судках и термос с чаем. Мама не могла помириться с тем, что папа будет есть всухомятку.

Мы шли по предпраздничным улицам. То и дело приходилось идти по мостовой. На тротуарах лежали приготовленные к подъему огромные квадраты портретов и прямоугольники лозунгов, окруженные разноцветными лампочками. В витринах магазинов были вывешены проекты будущих зданий. Повсюду белели предостерегающие надписи: «Осторожно, окрашено».

Папин пароход был почти совсем готов, но еще тянули электропровода на его высокую мачту, а внутри прибивали полки для товаров, что-то пилили, что-то красили. Мы поднялись по крутой деревянной лестнице с асфальта мостовой на дощатую палубу.

Папа повел нас на мостик (он выглядел совсем как на настоящем пароходе) и в рубку (тоже совсем как настоящую). Сквозь ее окна было даже видно большое колесо штурвала. Юра взялся за его ручки и тут же отпустил их. Штурвал был бутафорским и не поворачивался. Потом мы спустились в трюм. На полках уже лежали коробки и ящики с товарами. В тесном закутке стояла папина раскладушка, аккуратно застеленная клетчатым пледом, а рядом на грубо сколоченном столе в образцовом порядке лежали чертежи парохода, счета и квитанции, в стеклянной банке стояли остро отточенные карандаши. Толстая записная книжка была раскрыта на странице с надписью: «Сделать!» Почти против каждой строчки длинного перечня стояла аккуратная галочка.

Поговорить с папой мы почти не успели.

Приехал грузовик с игрушками — надо было срочно его разгружать. Пришел художник и сказал с отчаянием, что обещанных спасательных кругов до сих пор не доставили, а без них пароход не смотрится как пароход. Чего-то добивался представитель пожарной охраны. И всем им нужен был наш папа.

Он ненадолго появился дома тридцатого рано утром.

— Это надо отгладить,— сказал папа и распаковал большой сверток. В нем оказался темно-синий капитанский костюм с золотыми якорями и шевронами на рукавах, с двумя рядами сверкающих пуговиц и фуражка с каким-то сложным, но явно морским знаком над сверкающим черным козырьком.

Капитанский этот костюм, не без гордости объяснил папа, для него достали в костюмерной Большого театра, и мама подтвердила, что очень похожий видела в балете «Красный мак».

За те дни, что папа провел на площади, он сильно похудел, лицо его обветрилось. Когда он переоделся в выглаженный капитанский костюм и вышел к нам, мы ахнули, а мама ошеломленно всплеснула руками. Перед нами стоял седеющий и загорелый морской волк!

Папа переложил в карманы капитанского костюма бумажник, кошелек, спички, ключи, носовой платок, вместо портсигара с папиросами — трубку, которую раньше не курил, надел капитанскую фуражку, приложил к ее козырьку руку в перчатке и ушел. У него даже изменилась походка.

Пароход назвали «Смелый», но мы называли его просто — «Папин пароход».

Папа провел на нем все три праздничных дня, и мы видели его пароход утром, днем и вечером. Особенно хорош он был вечером. С двух сторон его освещали прожектора. Голубые лучи высвечивали белую трубу парохода и высокие мачты. Пестрые флаги развевались над палубой. «Флаги расцвечивания»,— сказал о них папа. Ярким светом горели в темных бортах круглые иллюминаторы. На носу парохода вспыхивала и гасла световая линия, свет пробегал от одной лампочки к другой так, что казалось — пароход плывет по волнующемуся морю, разрезая гребни светящихся волн. И гул густой толпы, заполнявшей площадь, звучал, как шум моря.

Пробиться к пароходу было трудно. Толпа то приливала к его бортам, то отливала от них. Пройти сквозь нее было все равно, что проплыть через прибойную волну.

Наконец мы пробились к пароходу. Гремела музыка, с палубы сыпался дождь конфетти, падали в толпу извивающиеся ленты серпантина. Ко всем иллюминаторам тянулись руки, и продавцы в синих матросских куртках, тельняшках и бескозырках с лентами едва успевали заворачивать покупки. А на капитанском мостике стоял наш папа в капитанской фуражке и капитанском костюме. Он что-то говорил в жестяной рупор, но мы не могли его расслышать. Мы окликали папу, но он нас тоже не слышал. Мы так и остались бы за бортом, но, к счастью, нас заметил папин сослуживец. Он в обычном костюме стоял на палубе, облокотившись на поручень, и казался пассажиром. Он увидел нас и поднялся к папе на мостик. Папа скомандовал в рупор: «Спустить трап!»

И лестница, которая была подтянута вверх, чтобы на палубу не могли войти посторонние, действительно спустилась. Люди расступились перед нами, и, счастливые, мы с Юрой вбежали на палубу, а потом к папе на мостик. Кто-то нахлобучил нам на головы бескозырки, кто-то дал мешочки с конфетти и толстые кольца серпантина. Мы сыпали конфетти, бросали серпантин и глядели, глядели, глядели...

Площадь, заполненная народом, отсюда, с мостика, была еще больше похожа на море, а огни иллюминации на дальних домах казались огнями маяков. В лицо дул майский ветер, гремела музыка, хлопали на ветру флаги расцвечивания, вдоль обоих бортов парохода, обтекая их, шла и шла толпа. Достаточно было прищуриться, чтобы показалось, что «Папин пароход» снялся с якоря и плывет по морю. И плавание это будет счастливым и долгим.

А потом праздник кончился. Папе дали на службе два выходных. Первый день он отсыпался, а на следующий встал, умылся, побрился, позавтракал, надел домашнюю куртку с заплатами на локтях, сел за письменный стол, вынул из портфеля бумаги, подвинул к себе счеты, вытер перо о перочистку и принялся писать отчет. На память об этих днях остались только любительские фотографии, сделанные папиным сослуживцем. Папа вклеил их в наш толстый альбом, аккуратно подписал под ними даты и положил альбом на его постоянное место. Он больше не вспоминал про пароход, только однажды обмолвился, что его перевезли в Сокольники, но что делать с ним дальше, не решили.

— Что ты написал новенького за это время? — спросил меня как-то вечером папа, отодвигая в сторону бумаги и счеты. И я, поколебавшись, прочитал ему начало нового стихотворения:

Толком не знали, кто весть принес,
Весть про таинственный клад.
Это было в портовом городе Ос
В ночь, когда дул пассат.

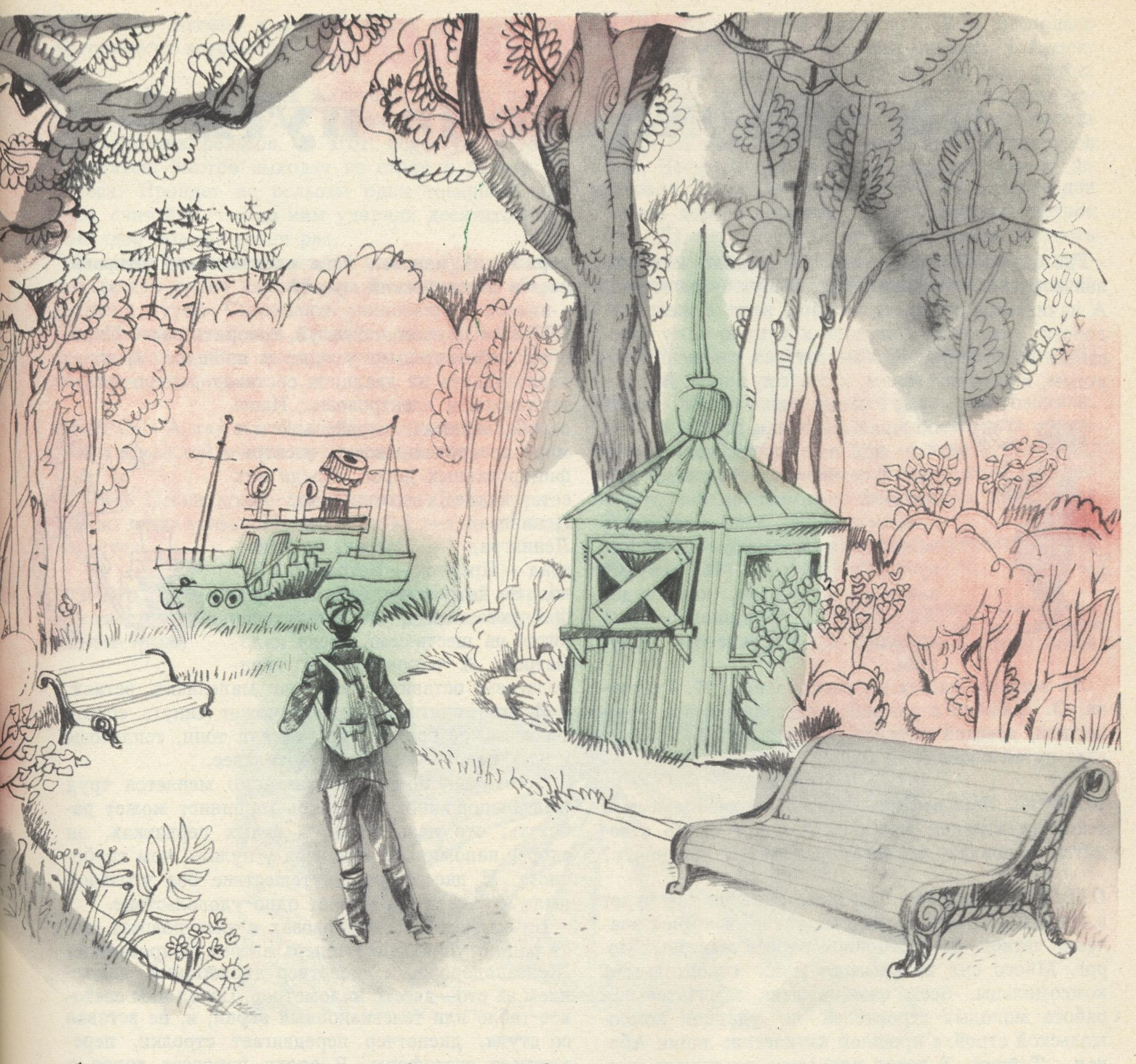
— Город Ос? — заинтересовался папа. — Где это? Ты можешь показать на карте?

— Такого города нет,— ответил я,— я его придумал.

— Разве можно придумать город? Ну, читай дальше. Прочитаешь, и я запишу в нашу тетрадь.

— Дальше я забыл,— сказал я. Капитан, о котором говорилось в стихотворении, был похож на папу, каким он был в дни праздника на капитанском мостике. Но сейчас папа сидел за письменным столом,— чернила в тяжелой чернильнице налиты ровно до половины, в стаканчике стоят остроотточенные карандаши, на пресс-папье свежая промокательная бумага,— мне расхотелось читать новое стихотворение.

— Не понимаю, как можно забыть собственное стихотворение,— недовольно сказал папа. — Должен же быть у тебя черновик.



Аллея привела меня к опустевшей детской площадке, и в ее конце я вдруг увидел «Папин пароход».

— Я его придумал в голове и не записывал,— упрямо сказал я.

Папа пожал плечами. Больше мы к этому разговору не возвращались.

Прошло четыре года. В июле сорок первого папа и Юра ушли в ополчение. А я через несколько дней должен был уехать в военное училище. Мне дали расчет на заводе, где я с начала войны работал чернорабочим, и я поехал в Сокольники проститься с институтом, в котором прошли два года моего недолгого студенчества. Самого института в этих стенах уже не было, здание заняло какое-то военное учреждение. Внутрь меня не пустили. Я постоял перед воротами и медленно пошел через парк к метро. Я шел мимо деревянных домиков с окнами, на которые были наклеены бумажные полосы, мимо траншей ПВО, мимо заколоченных павильонов и закрытых киосков. Аллея привела меня к опустевшей детской площадке, и в ее конце я вдруг увидел «Папин пароход». Он показался мне маленьким. Краска с его бортов облезла, флаг выцвел. Около носа пробился из земли тонкий ствол тополя. Трап был спущен. На палубе ребятишки играли в войну. Я зашел в рубку. На ее стене была приклеена пожелтевшая газетная вырезка: праздничная толпа на площади вокруг «Папиного парохода» и отдельно, крупно папа в капитанском костюме и капитанской фуражке с рупором в руках. Я попробовал отклеить вырезку от стены, чтобы взять ее с собой на память, но она была приклеена прочно и не поддавалась.

Слова, которые я так и не успел сказать папе, душили меня... ★

ЭЛЕКТРОВОЗ на «бархатном» пути

Где бы ты ни жил, в шумном городе или маленьком селе, тебя наверняка влекут путешествия. А начинается путешествие чаще всего с железной дороги: с огромного вокзала или мало кому известного полустанка. Рельсы тянутся к далеким городам, к высоким горам, к теплому морю. Вот почему завораживает нас порой обычная железная дорога.

А еще нас притягивает сложный и немного таинственный мир мощных локомотивов и сортировочных станций, депо и вокзалов, кажущаяся путаница проводов, путей и стрелок. И поэтому каждому интересно, как будет выглядеть железнодорожный транспорт в недалеком будущем.

На вопросы наших корреспондентов **М. Гуревича, О. Либкина** о развитии железных дорог в нынешней, девятой пятилетке ответили в Министерстве путей сообщения СССР:

ВОПРОС. Наш век называют и автомобильным и веком реактивной авиации. А какое место отводится в планах железнодорожному транспорту?

ОТВЕТ. Важнейшее. Так было раньше, так будет и впредь. Партия всегда придавала огромное значение четкой, бесперебойной работе железных дорог. Много сил вкладывают в их строительство комсомольцы. Всем нам памятна замечательная работа молодых строителей на ударной комсомольской стройке прошлой пятилетки: линии Абакан — Тайшет. В новой пятилетке ударными комсомольскими стройками будут железнодорожные магистрали Асино — Белый Яр, Бейнеу — Кунград, Тюмень — Сургут, Хребтовая — Усть-Илимская.

Сейчас создаются все более мощные автомобили, сверхзвуковые пассажирские самолеты. Но три четверти грузов — угля, машин, руды, станков, удобрений — сегодня перевозят в нашей стране по рельсам. Железнодорожные составы перевозят в СССР почти столько же грузов, сколько перевозят поезда на всей остальной части земного шара.

ВОПРОС. Еще не так давно ребята любили играть в паровоз, а теперь такую игру увидишь не часто. Не чаще, чем сам паровоз. Можно ли считать, что, отслужив свой век (а точнее полтора века), паровая тяга окончательно отправилась в исторический музей?

ОТВЕТ. Об этом, пожалуй, говорить рано. Паровозы действительно уходят в прошлое. Каждые девятнадцать из двадцати составов теперь тянут тепловозы и электровозы. Наша страна занимает первое место в мире по протяженности электрифицированных дорог. Среди них есть такие сверхдлинные, как Ленинград — Москва — Чоп, Ленинград — Ереван, Ленинград — Иркутск — Петровский Завод. За пятилетку длина электрифицированных дорог еще увеличится на шесть-семь тысяч километров. А паровозы мы предполагаем оставить лишь на маленьких ветках.

И это понятно. Паровоз может тянуть состав весом самое большее две тысячи тонн, тепловозы и электровозы — раза в три сильнее.

Но это еще не все. Неузнаваемо меняется труд железнодорожников. Теперь машинист может работать, что называется, в белых перчатках, он скорее напоминает инженера у пульта, чем трубочиста. И пассажирам путешествие без угольной пыли и копоти доставляет одно удовольствие.

На современных тепловозах и электровозах стоят рации, управление теперь автоматизированное. Железнодорожный диспетчер дирижирует движением за сто—двести километров. Перед ним световое табло или телевизионный экран, и, не вставая со стула, диспетчер передвигает стрелки, переключает светофоры. В эпоху паровоза такое и не снилось.

ВОПРОС. Над вашим столом висит карта железных дорог страны. Сеть, покрывающая эту карту, становится с каждым годом гуще. Какие новые пути появятся за пятилетку?

ОТВЕТ. Пять-шесть тысяч километров новых путей предстоит построить, а еще проложить около восьми тысяч километров вторых путей на важнейших направлениях, таких, как Кузбасс — Урал, Урал — Центр. Новые железные дороги появятся на Севере и в Средней Азии, в Сибири и на Дальнем Востоке. Всех не перечислить, назову, к примеру, очень важную для нефтяных районов Сибири линию Тюмень — Сургут.

ВОПРОС. Значит, в разных краях услышат перестук колес впервые?

ОТВЕТ. Нет, на многих железных дорогах никакого перестука не будет. Колеса стучат на стыках коротких рельсов. И этот перестук дорого обходится; быстро выходят из строя и рельсы и колеса. Пройдет по рельсам один товарный состав, считайте, что по ним ударили десятитонной кувалдой больше сотни раз.

К концу пятилетки в нашей стране будет около пятидесяти тысяч километров бесстыковых, «бархатных» путей. Сваривают длиннейшие, восьмисотметровые рельсовые плети и заменяют ими короткие рельсы. Вот так и получается — один стык на восемьсот метров.

ВОПРОС. А как же тогда быть с песнями? Ведь почти в каждой поется про перестук колес...

ОТВЕТ. Песни новые придумают... Да и старые можно петь, только под спокойный гул, а не под перестук.

ВОПРОС. Наверное, без этой привычной черты путешествие станет приятнее. А будет ли оно более быстрым?

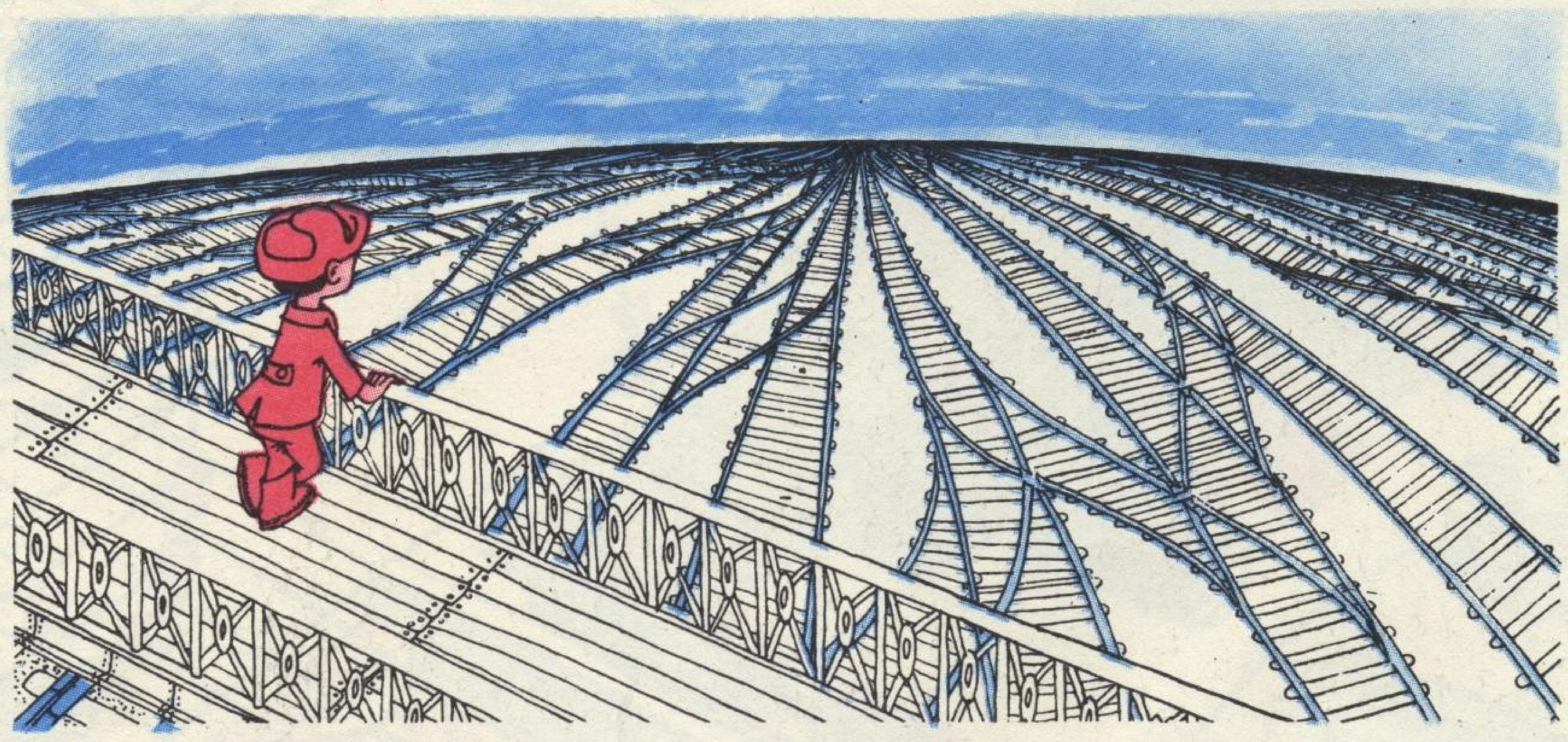
ОТВЕТ. Да, скорости вырастут. Еще несколько лет назад из Москвы в Крым, скажем, в Артек, приходилось добираться чуть ли не двое суток. Теперь эта дорога отнимает около двадцати часов. А на линии Москва — Ленинград поезда мчатся со скоростью сто шестьдесят километров в час. Четыре-пять часов — и пассажир уже в Ленинграде. В нынешней пятилетке скорость поездов на этой дороге возрастет до двухсот километров в час. Думаю, недалеко то время, когда скорость движения поездов и на других главных магистралях будет не меньше ста шестидесяти километров в час.

ВОПРОС. Как удается достичь таких скоростей?

ОТВЕТ. Об этом мы, по сути дела, уже говорили. Новые мощные локомотивы — это скорость. Автоматика и «бархатный» путь — тоже. Наконец, прочные железобетонные шпалы вместо деревянных, вагоны, которые плавно мчатся при любой скорости.

Сейчас на железных дорогах происходит настоящая техническая революция.

На вопросы ответил заместитель министра путей сообщения СССР Анатолий Федорович ПОДПАЛЫЙ.



Фабрика маршрутов

А теперь открой следующую страницу. На рисунке — сортировочная станция. Десятки составов с разных концов страны останавливают здесь свой бег. Задерживаются они ненадолго, всего на несколько часов, чтобы оставить часть своих вагонов и прихватить новые вагоны-попутчики.

Сортировка составов — дело очень важное. Пришел, например, поезд с Украины, а у вагонов — самое разное назначение. Четыре вагона-холодильника с овощами и фруктами пойдут дальше, на север, десять с зерном — на восток, шесть цистерн с горючим останутся здесь, а остальные сорок платформ с цементом держат путь на Урал. И так почти в каждом поезде.

Как же управиться с этим неповоротливым многотонным хозяйством? Да чтобы поменьше ушло времени: задержка грузов дорого обходится государству.

Найди на нашем рисунке небольшое возвышение — сортировочную горку (рядом с ней будка дежурного). Здесь составляются новые составы, все вагоны которых пойдут до одной станции.

На горке работают всего два человека — дежурный и оператор. Помогает им вычислительная машина. Получив сведения о том, сколько пришло вагонов и куда они держат путь, машина высчитывает, как быстрее расформировать прибывший состав. После этого локомотив толкает состав на горку, а уж отсюда послушные стрелке вагоны скатываются один за другим

ПОЧТА
ГОСТИНИЦА
КАССЫ
HOTEL
КАФЕ
ПЛАН ГОРОДА
СПРАВКА

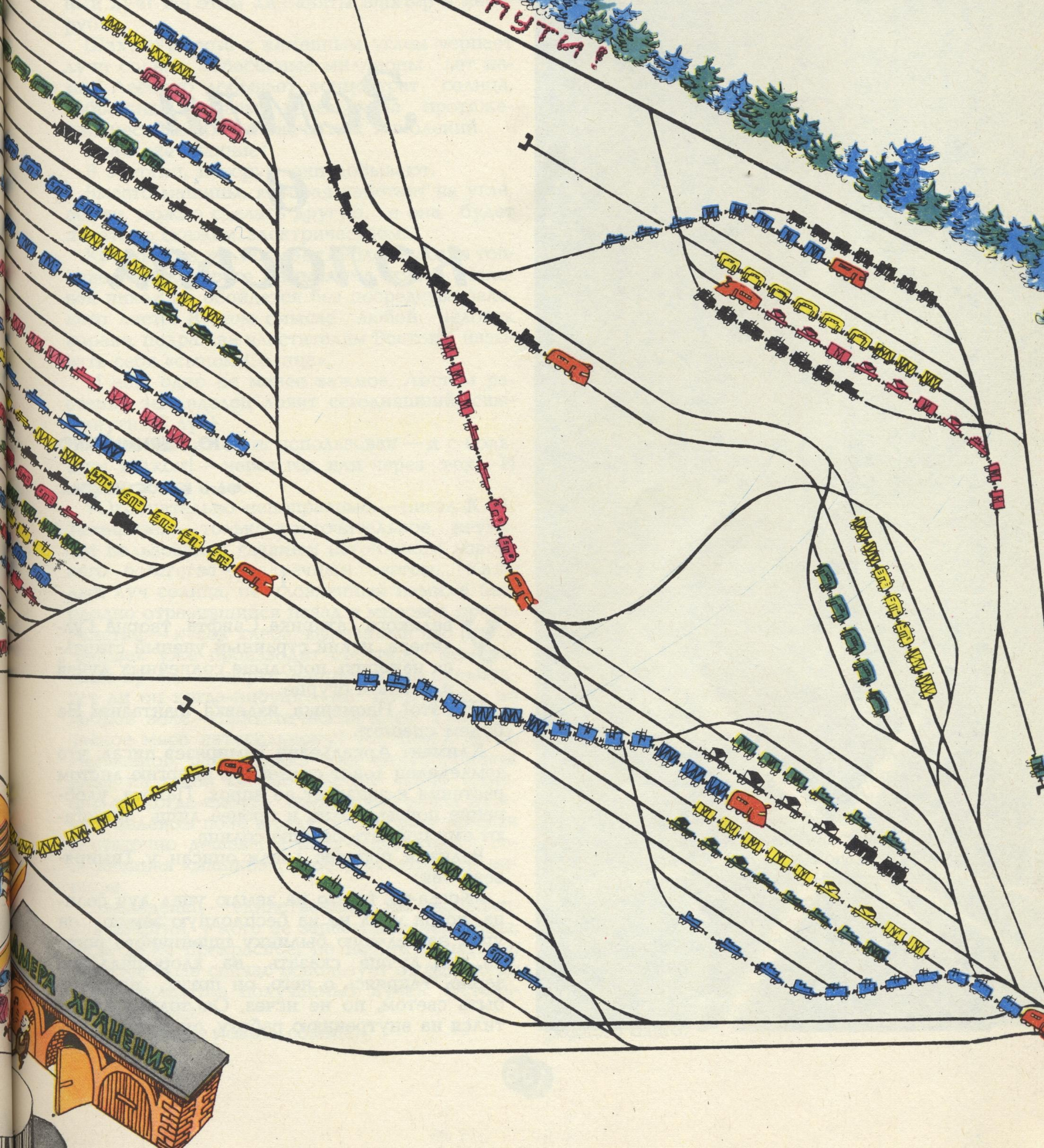
на пути подгорочного парка. Каждый путь — для вагонов одного направления; на рисунке они все одного цвета. Когда на пути накопится восемьдесят—сто вагонов,— состав готов к отправлению.

Автоматы управляют стрелкой и рассчитывают скорость, с которой должны скатываться вагоны. Раньше все вагоны двигались под горку с одинаковой скоростью и более тяжелые сильно ударяли по своим соседям.

Скоро вся работа сортировочной станции будет полностью автоматизирована. Такие устройства уже испытываются под Москвой и Ленинградом.

В. МУДРОВ

Рисунок Т. ЛАРИОНОВОЙ и Е. ШАБЕЛЬНИКА



Земля в колосьях

Ю. ЧЕРНИЧЕНКО

Фото В. ПОСТНИКОВА.

I

У великого сатирика Свифта, творца Гулливера, некий странный ученый старался накопить побольше солнечных лучей в зеленом огурце.

Что это? Насмешка, издевка, фантазия? Не будем спешить.

Климент Аркадьевич Тимирязев писал, что земледелец ловит солнечную энергию листом растения и запасает ее впрок. Пахота, удобрение почвы, полив и прочее лишь помогают ему поймать больше солнца.

Великий процесс ловли описан у Тимирязева так:

«Когда-то, где-то на землю упал луч солнца, но он упал не на бесплодную землю, он упал на зеленую былинку пшеничного ростка, или, лучше сказать, на хлорофилловое зерно. Ударяясь о него, он потух, перестал быть светом, но не исчез. Он только затратился на внутреннюю работу, он рассек, ра-

зорвал связь между частицами углерода и кислорода, соединенными в углекислоте. Освобожденный углерод, соединяясь с водой, образовал крахмал. Этот крахмал, превратясь в растворимый сахар, после долгих странствий по растению отложился наконец в зерне в виде крахмала же или в виде клейковины. В той или другой форме он вошел в состав хлеба, который послужил нам пищей. Он преобразился в наши мускулы, в наши нервы... Этот луч солнца согревает нас. Он приводит нас в движение. Быть может, в эту минуту он играет в нашем мозгу».

Но разве один земледелец ловит солнечный луч? Не этим ли заняты шахтер и лесоруб?

Шахтер вместе с каменным углем черпает лучи солнца, запасенные миллионы лет назад. Лесоруб добывает концентрат солнца, собранный листьями деревьев на протяжении нескольких человеческих поколений.

В чем же отличие?

В энергии, которую они добывают.

Вместо машины, которая работает на угле, нефти, можно сделать другую, и она будет питаться, скажем, электричеством.

Крестьянин же запасает биологическое топливо, без которого немыслима жизнь. Человек никак не обойдется без посредства зеленого листа. В этом смысле любой человек вправе, подражая властителям Востока, называть себя «сыном Солнца».

И еще одно не менее важное. Листом растения земледелец ловит сегодняшний, сиюминутный луч!

Уголь может быть использован — и с большим толком! — через год или через век. И нефть, и газ, и лес.

«Окончательно непоправимо,— писал К. А. Тимирязев,— только расточительное, неумелое пользование *главным источником народного богатства — солнечным светом*... Каждый луч солнца, не уловленный нами, а бесплодно отразившийся назад в мировое пространство,— кусок хлеба, вырванный изо рта...» Человек уже производит съестное химическим путем, из нефти, например. Но предпочтет ли он когда-нибудь — не по нужде, по доброй воле — синтетический хлеб, синтетическое мясо натуральному? Академик А. Н. Несмеянов, работающий над искусственной едой, на такой вопрос ответил: «Нет». Заменит ли когда-нибудь химический завод нужду в зеленом поле и саде? Солнечная энергия достаточно дешева, а лист — достаточно совершенная «машина», чтоб ответить: нет, никогда.

Земледелец — единственный из добытчиков энергии, у кого ее запасы неисчерпаемы. Ведь даже прекрасное, по нашим понятиям, хлебное поле сейчас использует от одного до двух процентов получаемых лучей. Остальное теряется!

Надо лучше ловить солнце!

Когда комсомольцы пятидесятых годов распахали сорок миллионов гектаров целины меж Волгой и Обью, они сделали солнце щедрее. Когда наши инженеры помогли египтянам построить Асуанскую плотину, над Нилом стало больше солнца — не испепеляющего, а кормящего. Когда ученый создает новый сорт пшеницы, он распускает под солнечным ветром новый парус.

Нет, великий насмешник Свифт был очень серьезен: его ученый с зеленым огурцом занимался разумным, здравым, важнейшим делом.

II

Ловят солнце грядками огурцов и трилистником клевера, ловят — на разных широтах — рощами пальм и плантациями картофеля, вишней и рисом, ананасом и тыквой, льном и сахарным тростником.

Но есть удивительное растение — оно не считается с широтами и меридианами. Оно вызревает и на севере, и в Африке, на поднебесных полях Гималаев, и ниже уровня моря — в Прикаспии. Появившееся на полях веков, вероятно, двести назад, оно стало верным спутником человека, заселило все континенты. Удивительнейшее из растений — пшеница.

Она высокопитательна, малотрудоемка, отлично хранится: сравнительно сухой воздух — вот и все, что нужно для сохранности зерна. Ее зерно удобно для перевозки, и Греция еще в древности освоила морской хлебный путь от Крыма к Афинам. Пшеница изумительно гибка: из древних разновидностей человек «вылепил» тысячи сортов. Вместе с рисом она главный хлеб человечества, занимает на планете сейчас больше двухсот миллионов гектаров и кормит около миллиарда людей.

Главное поле пшеницы в СССР. Веками сметка и наблюдательность российского, украинского, кавказского пахаря отбирали лучшие среди колосьев, народная селекция создала превосходные пшеницы «крымку» и «ладогу», «онегу» и «арнаутку», «белотурку», «теремок», и не удивительно, что на наших сортах ставили зерновое дело заокеанские страны. Русская пшеница исстари славилась как лучшее зерно на земле.

Это может объяснить, почему венок пшеничных колосьев был избран Владимиром Ильичем Лениным для герба нашей страны. Дело не только в том, что хлебом Россия славилась издавна (голодом она тоже была известна, царское правительство вывозило хлеб в Европу и в годы, когда дома голодали миллионы крестьян). Нужен был образ, выражающий цель величайшей из революций!

Озаренная восходящим солнцем земля, крестьянский серп и рабочий молот сложили герб первой социалистической державы, а обрамили его колосья — символ труда и народного блага.

III

Взглянем еще раз на герб. Колос — остистый, длинноусый. На фоне земного шара — молот и серп. Герб неизменен, но в жизни серпа больше нет. Лишается усов-остей и пшеничный колос: они только мешают... Это самые простые из перемен, какие претерпел зерновой цех — наше земледелие.

«СТОПУДОВЫЙ УРОЖАЙ...» Как долго он был крестьянской мечтой! И сейчас в этой «стопудовости» — не правда ли? — остался смысл достатка и изобилия. Но пожелай сейчас стопудового урожая (то есть шестнадцати центнеров с гектара) кубанцу, крымчаку, даже земледельцу Эстонии, Подмосковья, Ленинградской области — рассмешишь, если не обидишь. Потому что Кубань, Крым снимают уже вдвое больше зерна вкруговую, даже Прибалтика с ее бедными почвами далеко ушла за традиционные «сто пудов», а вокруг знаменитого московского аэропорта Домодедово выращивают урожаи в двести с лишним пудов.

«ВЫСОКИЙ ХЛЕБ» — тоже извечное выражение успеха. Вспомните: «Шумит-шумит высокая пшеница», «Выйду-выйду в рожь высокую...» И тоже устаревшее мерило! Рослая, по грудь, соломина легко полегает, не удерживает большой колос.

Селекционеры нашей страны и всего мира озабочены тем, чтобы дать не полегающие от дождей, ветров, поливов, от щедрой подкормки сорта злаков. Нужны «объедалы», сорта с неутолимым аппетитом, чтобы их колос весил больше соломы. У них обязательно стебель будет короче. Уже есть пшеницы с урожайностью в сто центнеров — их рост всего семьдесят сантиметров... Новые формы называют «карликами» — и это несправедливо, они скорей великаны, чем карлики.

«ЗЕМЛЯ РАЗДЕЛАНА В ПУХ» — как лучше похвалить пахаря? На подготовленной к севу земле не должно быть ни соринки, ни соломинки: остатки прошлых урожаев, по исконным понятиям, безобразят ниву... Современное земледелие и тут отвергает привычное! Стерня не только не вредна — она необходима, чтобы защитить почву от выдувания, накопить зимой снег, прикрыть землю от иссушающих лучей. Значит, оборачивать земляной пласт отвалом плуга вовсе не нужно, новый хлеб должен подниматься сквозь щетку старой соломы.

Но для этого нужна особая, новая техника? Верно. Она и создана: плоскорезы, стерневые сеялки, игольчатые бороны... В последнее пятилетие на многих миллионах гектаров целины, в Западной Сибири, в Зауралье сохраняется стерня. После пыльных бурь 1969 года плоскорез пришел и в степь Северного Кавказа. Пусть не «в пух» разделана земля, зато хорошо защищена.

Колоски на этом снимке — представители самых новых, самых урожайных сортов пшеницы. В них — основа высоких урожаев наших полей.

Среди безостых сортов сейчас особенно славятся «безостая-I», «аврора», «кавказ», среди остистых — «харьковская-44», «харьковская-46», «днепровская-521».

«ЧИСТО ПОЛЕ», в какое некогда выезжали богатыри... «Не видать ни конца, ни края». Ныне такая «чистота» — прямой упрек агроному. Взгляд должен упираться в лесополосу! Зеленая защита гасит ветер, создает лучшие условия хлебам. Леса в наших степях посажено много, но еще больше нужно сажать. Без лиственной рамы поле не может быть красивым, в неоглядности проку нет...

Много перемен произошло в старинном зерновом «промысле». Мы не говорим здесь о комбайне и тракторе, об элеваторе и механизированном токе — они-то уж давным-давно отправили в музей соху и цепь, лукошко сеятеля и тяжкий в работе серп.

«Культура поля всегда идет рука об руку с культурой человека»,— писал великий советский ученый Николай Иванович Вавилов. Это закон, тут ничего не изменишь. Но если культура поля и культура земледельца сейчас идут рядом, то урожаи — они пока еще сильно отстают от того, что нужно людям.

В Директивах XXIV съезда партии записано: «...и в новом пятилетии рост производства зерна остается ключевой проблемой сельского хозяйства».

IV

Хватает ли у нас хлеба? Да, всем и всюду.

Почему же тогда **производство зерна** все еще проблема, причем ключевая? Климент Аркадьевич Тимирязев задачу земледельца определил просто: вырастить два колоса там, где раньше рос один. На громадных площадях мы теперь снимаем три колоса там, где до революции вырастал один. Следовательно, задача выполнена?

Почему же **рост урожайности** продолжает оставаться первейшим долгом всех, кто работает в сельском хозяйстве? Почему главное — **увеличить сбор** с гектара, а не расширять хлебные поля?

Это очень серьезные вопросы. Нам надо убавить количество хлеба, какое съедает человек в год. Да-да, не прибавить, а убавить. Это трудная задача, чтобы решить ее, нужно **намного увеличить производство зерна!**

Когда люди едят много хлеба, вообще мучного, то это еще не говорит о хорошем питании. Скорей наоборот. Больше всего едят хлеба жители Индии, Египта, Пакистана, а не развитых индустриальных государств. В царской России средняя «душа населения» потребляла двести килограммов хлеба в год — это был крайне бедный рацион. За годы Советской власти количество хлеба снизилось на пятьдесят килограммов: нужное число калорий человек получает теперь за счет более ценных продуктов.

Улучшить питание — значит сделать так, чтобы на столе у людей было больше зерна, **переработанного** на фермах и птицефермах в молоко и говядину, в яйца и сыр, в масло и ветчину. Примерно шесть килограммов зерна, скормленного на современной ферме, дают килограмм свинины. Три-четыре килограмма зерна можно превратить в кило куриного мяса.

Сколько же зерна нужно одному человеку для идеального питания? Ученые утверждают: тонна в год. Опять-таки зерна, а не хлеба! Почти семь восьмых зерна пойдет на животноводческие фермы. И только одна восьмая — в пекарни, на кондитерские и макаронные фабрики.

Почему особо говорится в Директивах съезда о пшеницах твердых и мягких? Зерно зерну рознь, даже пшеничное. Его достоинство определяется тем, сколько в нем белка, клейковины, и качеством их. Парнишка, который на току жует пшеничные зерна, чтобы во рту появилась упругая «резинка», занимается, сам того не ведая, определением качества зерна. Если «резинки» много, если она не рвется, значит, в пшенице много клейковины, и из нее испекут превосходный хлеб.

Для саратовского калача, украинской паляницы, кавказского лаваша нужна мука сильных пшениц — хлеб черноземных степей.

Если же нужны макароны, способные, не развариваясь, и час и два находиться в кипящей воде, то их надо готовить из твердой пшеницы. Ее зерно справедливо зовут «степным янтарем». И кондитер предпочитает твердую.

Сильные сорта составляют гордость нашего земледелия, они-то и прославили во всем мире русскую, украинскую, казахстанскую пшеницу. Значит, под пшеницу нужно отводить лучшие земли, давать ей больше удобрений. И даже если площади под пшеницей несколько уменьшатся, общее количество белка в пшеничных урожаях может и должно вырасти. Тут важна даже десятая доля процента: одним процентом белка в годовом сборе нашей пшеницы можно год кормить Москву и десять таких городов, как Новосибирск, примерно шестнадцать миллионов человек.

Итак, чтобы в булочных хлеба покупали меньше, страна должна собирать зерна намного больше. Теперь, надо думать, это не звучит странно.

Мы уже говорили: главное в нашем земледелии — рост урожайности. Чтобы выполнить пятилетку, надо поднять средний сбор с каждого гектара на четыре центнера.

Будто не так и много: на каждом гектаре — примерно на один центнер в год. Но **на каждом,** а зерновыми в нашей стране занято около ста двадцати миллионов гектаров! И тут самое время вспомнить о задаче Тимирязева — вырастить два колоса там, где рос один. Людей становится все больше, размер полей прежний, и задача об удвоении окончательно, раз и навсегда, решена быть не может. Это непрерывный процесс.

Но ведь и сейчас каждый колхоз и совхоз старается взять от гектара все, что он может дать. Что же сдерживает рост урожайности у нынешнего земледельца и что ждет усилий нового поколения земледельцев?

Однозначно на это ответить нельзя. Ведь природа Алтая или Молдавии так непохожа на природу Вологодской земли или Дальнего Востока! Сельское хозяйство — цех под открытым небом, и мы должны учитывать тьму различных факторов, от которых зависит урожай. Мы далеко еще не свободны от прихотей природы.

Но есть общий для всякого земледелия закон, его знание помогает хлеборобу. Это **закон минимума,** разъясненный Тимирязевым.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Журнал в журнале «Кораблик» печатает только тебя

Людмила ВЕРБИНА живет в Крыму, в г. Джанкое. Вот ее письмо и стихи.

Дорогая редакция моего любимого журнала «Пионер», здравствуйте! Я уже давно читаю и буду читать ваш журнал. Я очень рада, что он существует, но больше всего меня интересует та страничка, где журнал «печатает только тебя». Когда я читаю стихи и рассказы, у меня даже дыхание захватывает. А иногда и плакать хочется, если особенно хорошие стихи. Я и сама сочиняю. И я наблюдаю за собой и вижу, что мне стихи начинают все больше и больше нравиться. Мне кажется, что без них я не проживу, хотя я и увлекаюсь, помимо этого, еще тремя нужными для меня делами. Посылаю вам стихи, которые сочинила недавно. Они без названия.

* * *

В ставкѐ
Мерцают звезды, отражаясь,
А я сижу на островке,
Гляжу, как ива, опускаясь
Ветвями длинными в ставок,
Поет мелодии ночные.
А я молчу...
Запеть хочу!
Иль закричать бы что есть мочи!
Но не могу — зачем мешать?
Мешать не нужно чудесам
И прелестям спокойной ночи.
Мне весело и так легко!
Я тут впервые услыхала,
Как ивы ночью, хоть и мало
Поют мелодии свои
И эхо слышится вдали.

❇

Галя ЕРШОВА живет в Сызрани.

Родная деревня

Родная моя деревня —
Красивая сторона,
Я толком сама не знаю,
За что я люблю тебя...
Наверно, за небо синее,
За зелень полей, лесов,
За то, что деревья в инее
Зимой белей облаков...

Люда АНДРИЕВСКИХ из г. Новосибирска. Учится она в 6-м классе.

* * *

Снег идет,
И дождь идет
День идет,
И два идет...
Ветер дует безустанно.
Дождь идет
недолгожданный.
Небо мрачно,
День чернеет.
Солнце прячется за тучи,
Ветер дует пуще, пуще...

«ПО МОТИВАМ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК»,
Ф. МАМЕДВЕЛИЕВ, 8 лет, интернат № 4, г. Баку.

Павел ИВАНОВ. Он живет в Якутии, в поселке Поледуй.

На горке

Слышен издали смех ребят.
Санки быстрые вниз летят.
Мчится, как птица. Смотрит вперед.
Словно пилот ведет самолет.
Сердце колотится. Спуск крутой.
Видно улицу, дом родной!
Медленно санки замедлили бег.
Вылез маленький человек.
Он на горку снизу взглянул.
Взял свои санки, вверх потянул.

Борис ПУДАКОВ из Хабаровска.

Ночь на моей улице

Вот самосвал прогрохотал,
За ним автобус темно-синий.
Потом и «Волга»,
и «Москвич»,
Такси, и «Запорожец»...
Под фонарем снежинок
столб,
И одинокий пешеход
Сквозь этот столб, спеша,
идет.
А вот собака пробежала...

В час ночи я сегодня встала,
А улица — живет!

*

Витя ПШЕНКО
живет в г. Махачкале,
учится в 4-м классе.
Он прислал нам рассказ,
который записал со слов дедушки,
когда-то служившего на границе.

Динарий

РАССКАЗ

За мной закрепили коня по кличке Динарий, отбитого, по рассказам старослужащих, у одной из белогвардейских банд.

Сначала мне трудно было за ним ухаживать. Характер у коня крутой — все время будь настороже: он никого не подпускал, бил ногами, кусался. Однажды я отпустил чембур, и он так меня укусил за бок — искры из глаз посыпались. Еле удержался, чтобы не закричать. Но бить я его не стал. Наоборот, дал кусок сахару. И потом, каждое утро приходя в конюшню, я приносил сахар, и со временем он ко мне привык.

Теперь по утрам он ждал меня и, завидев, радостно ржал. И когда я подходил к нему, он тянулся губами к карману гимнастерки, теребил его, зная, что там сахар. Мы привыкли друг к другу и вместе прослужили до конца моей службы.

Однажды, я был в казарме, прибегает дежурный по конюшне.

— Твой Динарий, — говорит, — сорвался с коновязи, бегает по плацу, и никто его поймать не может!

Я — сахар в карман и на плац. Кричу: «Денька, Денька!» И он тотчас подбежал ко мне, съел сахар и пошел за мной в конюшню, где я его поставил в стойло и привязал.

В другой раз вызвали меня в штаб отряда, в Ереван. От нас до железнодорожной станции восемнадцать километров, поэтому сопровождал меня пограничник Плетников, чтобы потом вернуться с Динарием обратно в комендатуру. Перед отходом поезда передал я Плетникову повод, сам сел в вагон и уехал. Возвращаюсь на эту станцию через шесть дней и вижу: встречает меня тот же Плетников, а конь у него для меня чужой...

— А где Динарий? — спрашиваю.

И он мне рассказывает. Вырвался у него Динарий на обратном пути, и до сих пор никто его поймать не может. Ест траву, воду пьет прямо из Аракса и ходит кругами возле комендатуры...

Мне стало жалко Динария. Сдав коня дневальному, взял я хлеба и сахару и пошел в степь, там кричу: «Денька, Денька!»

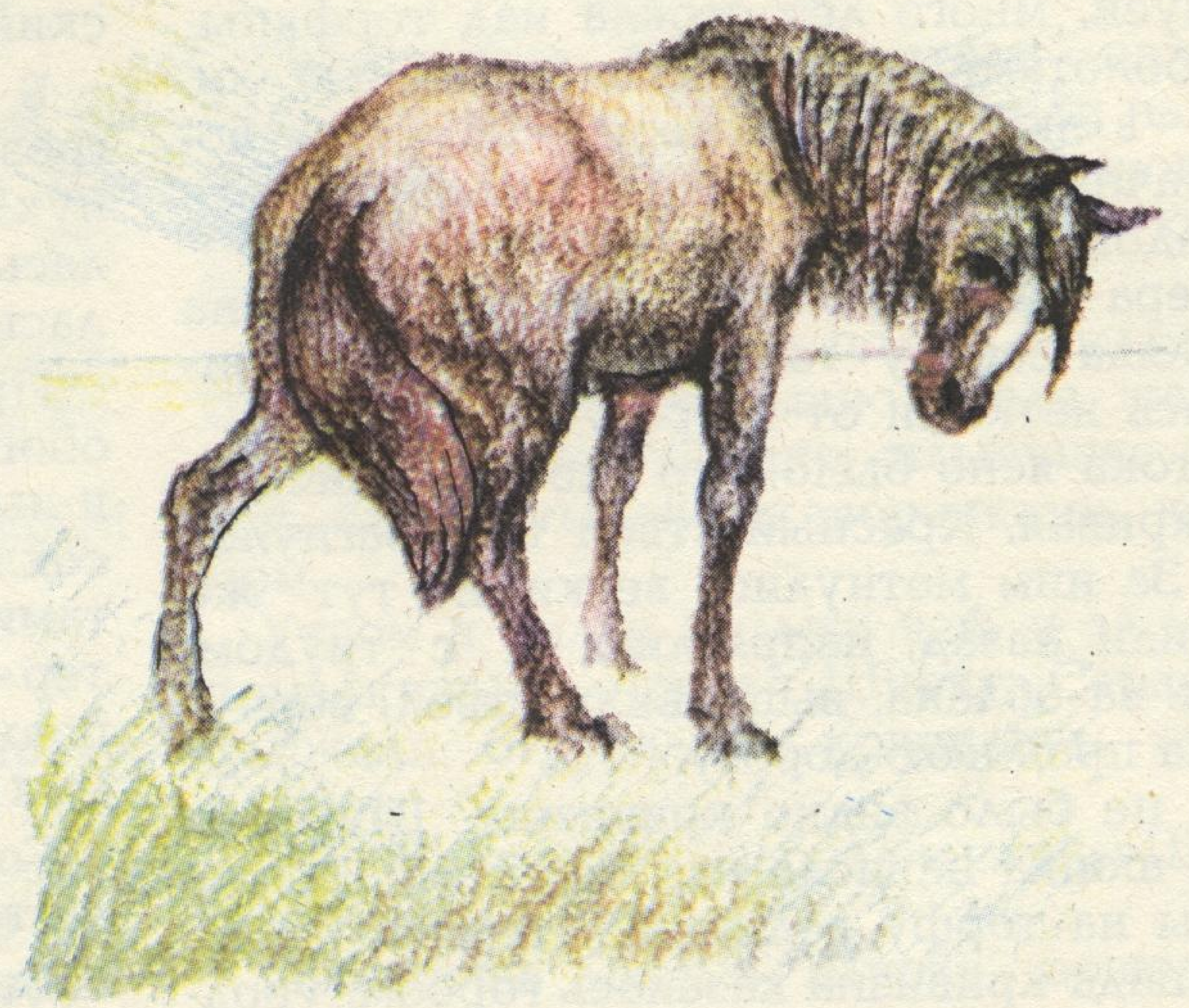
И он узнал мой голос. Заржал, прибежал ко мне. Я ему отдал хлеб с сахаром, погладил по шее, причесал челку, а он все это время глаз с меня не спускал — радовался. Отвел я его в конюшню, расседлал, овса насыпал, сена в ясли положил, вычистил его, а уж потом и себя привел в порядок.

За всю службу Динарий ни разу не подвел меня, не ослушался. При ночных выездах по тревоге скакал галопом по пересеченной местности и ни разу не споткнулся, ни разу не уронил меня. На учениях все препятствия брал чисто. А когда кончилась моя служба, в день отъезда пошел я прощаться с Динарием.

Жалко было с ним расставаться, чувствовал какую-то вину, глажу его по шее: «Денька, Денька»... И он будто бы понимал, что мы в последний раз видимся. Все глядел на меня, ощупывал губами, а сахар не ел.

Уходя, я несколько раз оборачивался — он стоял с повернутой ко мне головой и не спускал с меня глаз. Уходить было тяжело.

Таким он и остался у меня в памяти до настоящего времени. Долго хранилось у меня его фото, но после войны куда-то задевалось...



Ю. КОВАЛЬ

У КРИВОЙ СОСНЫ

РАССКАЗ

Рисунки П. БАГИНА.

Высокая и узловатая, покрытая медной чешуей, много лет стояла над торфяными болотами Кривая сосна. Осенью ли, весной — в любое время года — казались болота мрачными, унылыми, и только Кривая сосна радовала глаз.

С севера была она строга, суховата. Она подставляла северу голый ствол и не прикрывалась ветками от ветров.

С востока ясно было, что сосна действительно кривая. Красный ствол туго загнулся вправо. За ним метнулись ветки, но тут же поворотили назад, напряглись и с трудом, цепляясь за облака, выправили ствол, вернули его на прежнюю дорогу.

С юга не было видно кривизны. Широкая хвойная шапка нависла над болотами. Вырос будто бы на торфу великий и темный гриб.

А с запада кривизна казалась горбом, уродством. С запада походила сосна на гигантский коловорот, нацеленный в небо.

В сухой год в июле над сосною прошла гроза. Торфяная туча навалилась на болота пухлым ржавым животом. Она ревела и тряслась, как студень. От ударов грома осыпалась голубика.

Прямая молния угодила в сосну, спиралью обошла ствол, пропахала кору до древесины и нырнула в торф. От этой молнии за год высохла сосна, но долго еще стояла над болотами, сухая, посеребренная. Осенний ветер — листобой — ухватил ее за макушку, поднажал в горб да и вывернул с корнем. Рыхлый торф не удержал корней.

Года через два после того я охотился на торфу.

Была ранняя весна, и утка летела плохо.

В болотах млел еще желтый кислый лед, но на берегах уже появились из-под снега прошлогодняя трава и груды торфа.

Частым осинником вышел я на поляну, где лежала Кривая сосна. За зиму на нее намело снегу. Корень-выворотень весь зарос им и стоял торчком среди осинника, как белый горбатый бык. В осиннике снег таял медленней, чем на открытом месте,— всюду видны были светлые пятна, а на них зимние заячьи следы.

Вспрыгнув на ствол, я заглянул по ту сторону поваленного дерева. Здесь снега было еще больше — целый сугроб, и на снегу, притаившись, лежал большой серый зверь.

— Рысь!

В глазах поплыли красные пятна, я стал сдергивать с плеча ружье, но зверь не шевелился.

Постояв с минутку, я осторожно слез на землю, шагнул вперед.

Вытянув длинные голенастые ноги, запрокинув голову, на снегу передо мной лежал лосенок. Он был серый, как нелинявший заяц,— темная спина цвета осиновых сережек, а на животе мех светлый, облачный. Глаза его были закрыты. Рядом лежало несколько обглоданных осиновых веток.

Я подошел и не знаю зачем толкнул его сапогом. Нога ударилась, как об пень,— он давно уж окоченел. На боку заметно было белесое розовое пятно — след огнестрельной раны.

Дело было ясное. Кто-то стрелял в лосенка и ранил его. Стрелял браконьер, дурак. Он знал: лосей бить запрещено. Выстрелив, он напугался того, что сделал, убежал домой.

Измученный болью в боку, лосенок не один еще день бродил по лесу и пришел сюда, в осинник у Кривой сосны. Здесь он и прилег на снег. Здесь лосенок и лежал, защищенный корнем-выворотнем от ветра.

Закурив, я закинул за спину ружье и хотел осмотреть его рану, но замер на месте.

В десяти шагах, в ольховых кустах, приподняв лишь голову от земли, лежала лосиха. Она лежала неподвижно и тяжело, внимательно глядела на меня.

В деревне Стрюково охотников мало. Мужчинам хватает колхозной работы, и в лес бегают двое-трое. Настоящий охотник тут один — государственный лесник Булыга.

Я нашел его около дома, в саду. Поднявшись на лестницу-стремянку, он обрезал яблоню кривым ножом.

— Слышь,— крикнул я,— лосенка нашел! Мертвого.

— Где?

— У Кривой сосны.

Булыга слез на землю, достал сигарету «Памир», присел на корточки, привалясь спиной к стволу яблони. Он закурил и сразу окутался дымом. Его морщинистое лицо и вся большая голова походили сейчас на хмурую деревенскую баньку, которую топят по-черному: из всех щелей валит дым.

— На боку рана,— объяснил я.— Кто-то стрелял. А мать лежит рядом, ждет, что он встанет.

— Лоси у меня на учете,— сказал Булыга.— Надо глядеть — акт составлять. Пошли, покажешь.

Весь день стояла пасмурная погода, но часам к пяти похолодало, облака частью ушли с неба, стало очень светло. Поля и перелески просматривались насквозь, и чуть не за километр заметна была пара тетеревов, сидящих на березке.

Я шел следом за Булыгой туда, к Кривой сосне, и думал: «Кто же это мог стрельнуть в лосенка? Кто? Зачем?»

Неподалеку уже от Кривой сосны, в осиннике, Булыга остановился.

— Слушай,— сказал вдруг он.— Если это ты его стукнул,— честно скажи.

Глянув мимо меня, он отвернулся.

Все так же вытянувшись и закинув голову, лежал на снегу лосенок. Лосиха рядом, в ольховом кусту. Она, наверно, не вставала с тех пор, как я ушел. Хрипло крича, над поваленной сосной летали две сороки.

Булыга оглядел следы на снегу и на торфе, потом подошел к лосенку и наклонился над ним. Тут же послышался тревожный треск.

С трудом, неуклюже лосиха поднялась на ноги. Она казалась огромной на тонких сухих ногах, и особо велика была ее голова с насупленной губой. Ноги у нее дрожали.

— Экое буйло,— сказал Булыга, отходя на всякий случай в сторону.— Сгас твой парень, сгас.

Вздернув губу, лосиха прикусила осиновую веточку, сгрызла с нее кору.

— А я думал, это ты его ударил. Теперь вижу: не ты. А если не ты, тогда Шурка Сараев. Только он в лес ходил, искал, говорит, косачиные тока.

Лосиха поглодала осиновой коры, потом переломила зубами ветку и подошла к лосенку. Постояла, наклонилась, положила ветку на снег.

Следующим утром налетели на деревню Стрюково скворцы. Они свистели на всех заборах, на вербах, на сараях. Дороги и оттаявшие огороды были усыпаны скворцами, будто подсолнечными семечками.

А за огородами, над полем, подымаясь высоко в небо, непрерывно пели жаворонки. Теплое сдобное облако, плывущее над землей, было утыкано жаворонками, как изюмом.

Утром я пил у Булыги чай, и за чаем мы помалкивали, ожидая Шурку Сараева. Мы фыркали, отдувались, кривились от кислой клюквы.

— Эй, хозяин! — заорал с улицы Шурка Сараев.— Дома, что ли?

Прогремев дверью, Шурка вошел в дом,

прислонил к стене ружье, а сам присел на порог.

— Иди в комнату.

— Дак сапоги грязные.

— Скинь.

В белых вязаных носках Шурка прошел в комнату, сел на диван, купленный для гостей, заслонил спиной вышитого на покрывале голубого петуха.

— Рассказывай, Шурка, как дело было,— сказал Булыга. Голос его звучал спокойно, но в нем слышалась будущая гроза, и Шурка забеспокоился:

— Како?

— Тако,— передразнил Булыга, торопливо отхлебывая чай.— Ну-ка подай ружье!

— Како? — снова не понял Шурка.

— Твое! — рявкнул Булыга и закашлялся, подавился клюквой.— Подай сей момент!

Шурка вскочил с дивана и за дуло выволок ружье из прихожей. Оно зацепилось за порог и не протаскивалось в комнату, упиралось.

— Ты не ори,— сказал Шурка, подавая ружье и не понимая еще, в чем дело.— Разберись вначале, потом ори.

— Мы уж во всем разобрались,— угрожающе сказал Булыга.— Все замерили. Знаем, чье это дело.

Шурка напряженно присел на диван, голубой петух выглядывал из-за его плеча.

Булыга переломил ружье и понюхал ствол, а затем стал вроде бы исследовать ружье Шуркино изнутри.

— Так точно и выходит,— сказал он и сунул мне под нос переломленное ружье.— Видишь?

Поглядев на ржавый несмазанный замок, я буркнул:

— Вижу.

— Вот и я вижу,— сказал Булыга и резко встал из-за стола.— Ружье, Шурка, придется у тебя отобрать.

Отворив шкаф-гардероб, он сунул в него Шуркину тулку.

— Ты погоди, погоди,— сказал Шурка, вскакивая с дивана и хватая Булыгу за локоть.— Не балуй! Ты ружья не покупал!

— Сядь! — сказал Булыга, отворачиваясь от шкафа.— Сядь, отвечай на вопросы. Ты когда был в лесу?

— В ту субботу.

— Стрелял?

Шурка кивнул:

— Утицу.

— Врешь! Утка еще не летела. Кого стрелял? Говори!

— Кого надо! — заорал Шурка.— Чего ты пристал, булыжник!

— Ну ладно,— сказал Булыга, внезапно успокаиваясь.— Суд разберется.

Слова эти Шурку ошеломили, он окостенел, тупо разглядывая блюдо с клюквой.

За окном свистнул скворец, солнечный заяц пробился через ящик с рассадой, стоящий на подоконнике, забегал по дивану, по голубому петуху.

— Я ведь ничего такого не сделал,— тоскливо сказал Шурка.— И стрельнул-то разок — пугнуть хотел.

У Шурки Сараева карие глаза. Он умеет играть на гармони.

Каждый вечер приходит Шурка в клуб, садится посреди залы на табурет и пошло-поехало: пум-ба-па, пум-ба-па... Льется из гармони музыка, а Шурка потряхивает в такт головой и сильно давит левой рукой на басы.

За музыку Шурку в деревне уважают. Не всякий сыграет на гармони, да еще чтоб левая рука поспевала за правой, а правая не ревела белугой, ласково нажимала на кнопочки.

Потерянный сидит сейчас Шурка на Булыгином диване — голубой петух нацелился ему в висок.

— Ну, это,— говорит Шурка.— Ну, так уж получилось. Ну, шел я, а тут лосиха. Выскочила из куста — и на меня. Хотела, наверно, затоптать. Ну, я и пугнул, чтоб отстала.

— А как же в лосенка попал? — спросил я.

— Так я ж мимо стрелял,— обрадовался почему-то Шурка.— По кустам, а там лосенок стоял.

— Ты что ж, его разве не видел?

— Не видел, не видел, где там увидеть — кусты, елочки...

Шурка крутился на диване, глядел то на меня, то на Булыгу: верим или нет?

— Ступай на двор, сказал Булыга.— Возьми лопату.

— Зачем?

Булыга не ответил, и Шурка решил, видно, не спорить, встал, прошел в своих белых носках по половикам, кряхтя, надел у порога сапоги и тихонько хлопнул дверью.

— Пошли и мы,— сказал Булыга.— Надо лосенка прибрать, а то ведь она не отойдет от него. Сгаснет.

Во дворе Булыга срезал бельевую веревку, навязанную на березы, и мы пошли к Кривой сосне. Шурка с лопатой на плече шел впереди и на поворотах тропы останавливался.

— Ты только до суда не доводи,— просил он Булыгу, виновато взмахивая лопатой.

В осиннике снега почти не осталось. Сугроб, на котором лежал лосенок, съежился, пожелтел, под него подтекла теплая лужа. И лосиха лежала теперь подальше от Кривой сосны и смотрела в сторону, на торфяные болота.

— Подойди-ка поближе,— сказал Булыга.— Погляди.

— Чего я буду глядеть?—сказал Шурка недовольно и отвернулся, играя лопатой.

— Гляди.

Шурка поглядел еще на лосиху и вдруг бросился в сторону.

— Ну гляжу. Ну и что? Чего пристал?

— Копай яму,— сказал Булыга и плюнул мимо Шурки.

— Ну выкопаю, ну и что?

Шурка прошелся по поляне вокруг сосны, потыкал лопатой.

— Земля-то мерзлая,— уныло сказал он.

Наконец он примерился, нашел какую-то небольшую ямку, стал ее расширять. Торф поддавался плохо: не оттаял как следует. Шурка копал мучительно, часто останавливаясь отдохнуть.

— Ну, яму я выкопаю, ладно. Только ты до суда не доводи. Она меня затоптать хотела. Вон какая морда, она нас всех потопчет.

Лосиха повернула голову на шум, но не вставала, а только смотрела, что делает Шурка.

Через час яма была готова, и Шурка обвязал ноги лосенка бельевой веревкой. Потом, закинув веревку на плечо, стал подтягивать его к яме.

— Помогите, что ль,— сказал он, напрягаясь изо всех сил.

Я хотел было подсобить ему, чтоб скорее кончить все это тяжелое дело, но Булыга взял меня за рукав.

— Пускай сам,— сказал он.— Сам убил — сам пускай хоронит.

Уже у ямы лосенок застрял в кустах. Шурка дернул яростно и оборвал веревку.

— Барахло! — закричал он, чуть не плача, махая обрывком.— Веревка твоя дрянь! Гнилушка.

— Надвяжешь.

Затрещали кусты — лосиха медленно поднялась и пошла к Шурке, высоко подымая ноги, выбирая место, куда ступить.

— Она ведь убьет! — закричал Шурка, бросая веревку.— Она меня помнит.

— Небось, не убьет,— сказал Булыга.— А убьет — похороним. Яма-то как раз готова.

Шурка сплюнул, поглядел еще на лосиху и вдруг бросился в сторону.

— Куда? — закричал Булыга.

Но Шурка не отвечал, ломал сучки, выбираясь на тропу.

— Вертайся, дурак! — заорал Булыга.

Выйдя из кустов на поляну, лосиха остановилась, подняла кверху голову, так что стала видна ее коротенькая бородка, и захрипела. Она жестоко исхудала, грязно-бурая шерсть на ней свалялась и висела клочьями.

— Опасно все-таки,— сказал я.— Может убить.

— Небось, не убьет,— повторил Булыга.— Она сама еле дышит.

Лосиха обнюхала веревку, шумно выдохнула, отошла и снова тяжело легла в кусты. Она будто впала в какой-то сон с открытыми глазами.

— Эй,— закричал Булыга,— вертайся!

— Не вернусь,— откликнулся Шурка неподалеку.— Она меня помнит.

Перемазанный торфом, с разодранным в кустах лбом вышел Шурка к сосне, бокомбоком подошел он к лосенку, наклонился, взял в руки веревку.

— Я сделаю,— сказал он.— Постараюсь. Ты токо до суда не доводи. А я тебя поблагодарю. За мной не пропадет, понял?

Спустив лосенка в яму, Шурка стал ее торопливо забрасывать землей.

— Все,— сказал он.— Теперь все. Пошли домой.

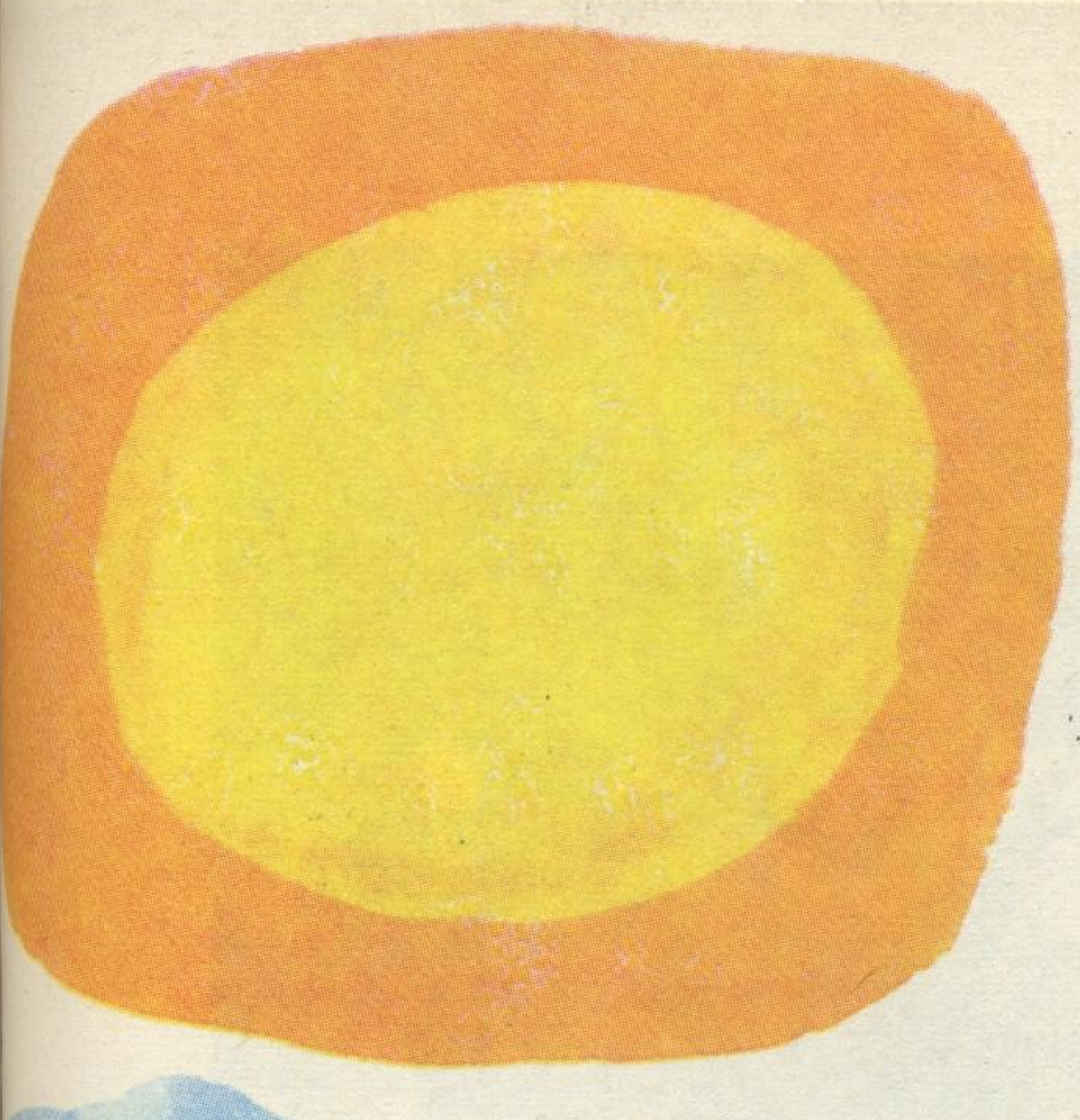
— Погоди,— сказал Булыга.— Посмотрим, что она будет делать.

Лосиха долго еще лежала на месте, потом поднялась и пошла к торфяной куче, наспех набросанной Шуркой. Подняв голову кверху, она вдруг коротко захрипела, забормотала что-то и легла животом на торфяную кучу.

— Да пошли же,— говорил Шурка.—Все теперь.

Булыга неожиданно засмеялся.

— Да куда ты все, Шурка, спешишь,— сказал он.— Еще ведь не все. Еще тебя, Шурка, будут судить.



Замок

Витаутас БАРАУСКАС

Рисунки И. УРМАНЧЕ

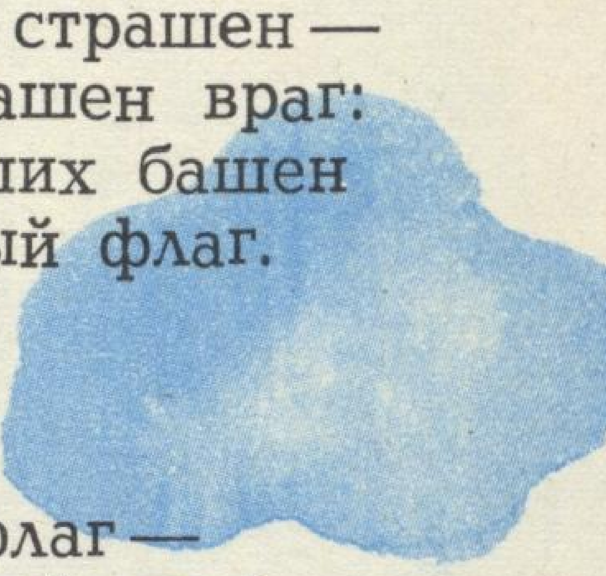
В небе
Синем,
Синем,
Синем
Проносились облака,
Мы песок в горстях носили —
Сорок пять
Горстей
Песка.

Ох, работа нелегка
Строить замок из песка!

Чтобы прямо перед замком,
Перед замком из песка,
Мох лесной
Старинным парком
Виделся издалека,
Мы зеленый мох возили
Из соседнего леска.

Хоть дорога не близка
До ближайшего леска!

Нам теперь никто
не страшен —
Никакой не страшен враг:
На одной из наших башен
Полыхает красный флаг.
Флаг,
флаг,
флаг,
флаг —
В синем поле алый мак!



Замок вышел,
Будто в книжке:
Башни,
Стены,
Облака...
На тележке
Муравьишка
Прискакал издалека.

Головой ходил качал,
Новый замок изучал;
Даже в стену главной башни
Крепко ножкой постучал.
А когда ходить устал,
Сел на лавку
И сказал:
— Ох, работа нелегка
Строить замок из песка!

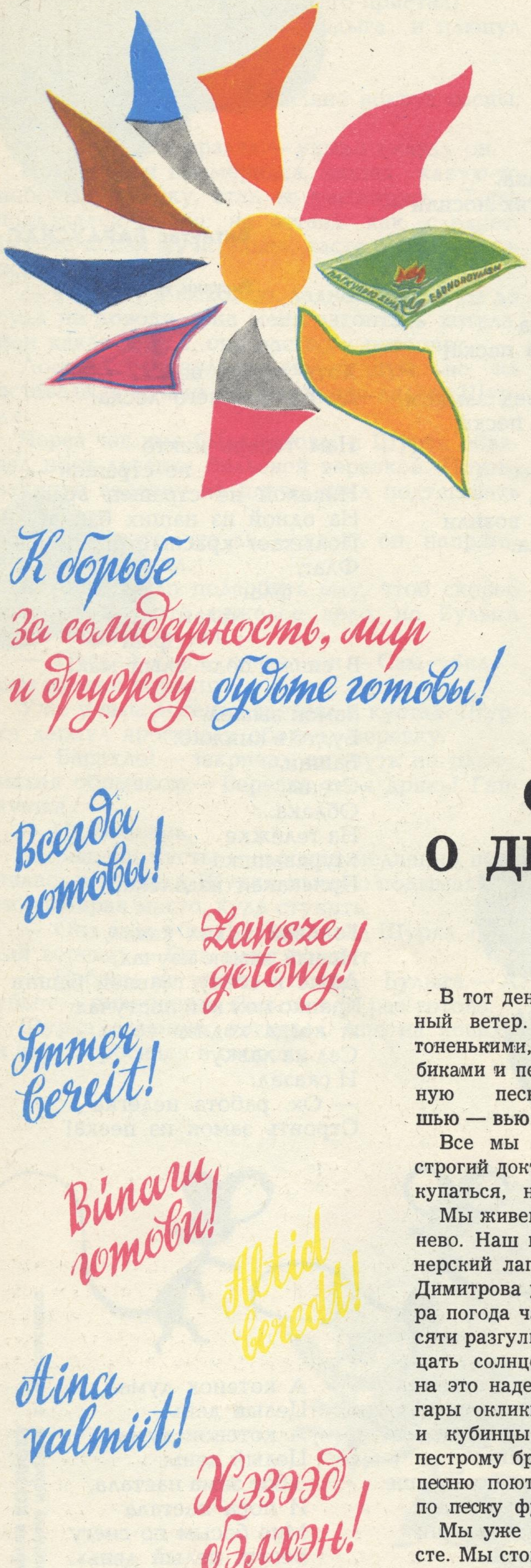
Котенок

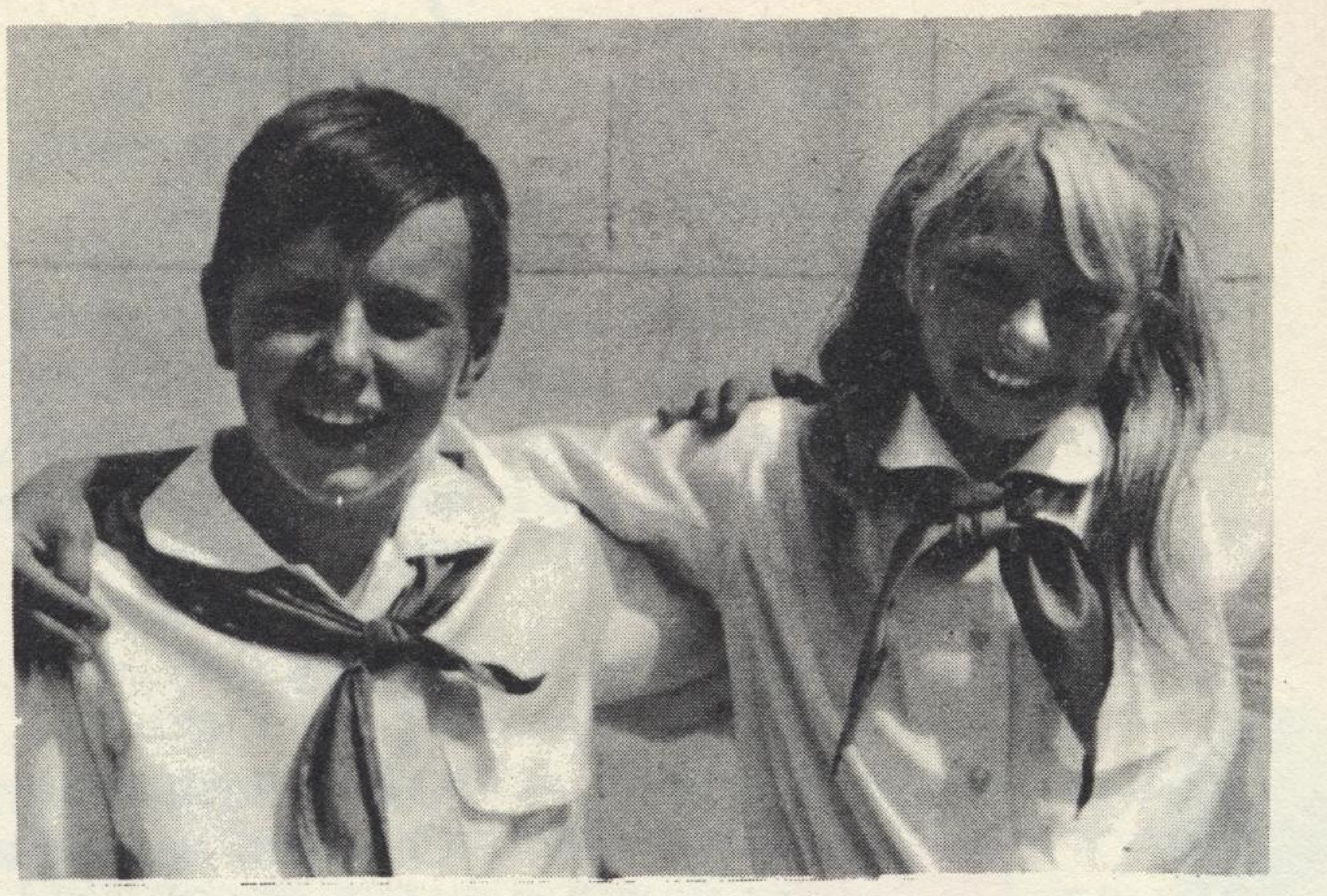
Падали снежинки
Целый день,
Падали снежинки
Целый день,
Целый день летели,
Будто бы хотели
Сделать белым-
белым
Серый день.

А котенок слышал
Целый день,
А котенок слышал
Целый день,
Будто бы по крыше
Целый день
Тихо ходят мыши
Целый день.

А котенок думал
Целый день,
А котенок думал
Целый день:
«Вот зима настала,
И пора настала
Мне босым по снегу
Бегать целый день».

Вольный перевод с литовского
Сергея КОЗЛОВА.





Международный пионерский клуб «Товарищ»

СЕМЬ РАССКАЗОВ О ДВУХТЫСЯЧНОМ ГОДЕ

Л. СИМОНОВА

В тот день с моря дул холодный ветер. Песок поднимался тоненькими, дрожащими столбиками и пел под ногами грустную песню: «Фью — хью, шью — вью».

Все мы заранее знали, что строгий доктор не разрешит нам купаться, но на пляж пошли.

Мы живем в Болгарии, в Кранево. Наш международный пионерский лагерь имени Георгия Димитрова у самого моря. С утра погода часто хмурится, к десяти разгуливается, а в одиннадцать солнце печет вовсю. Мы на это надеемся. Слышим, болгары окликнули нас, догоняют, и кубинцы спешат к своему пестрому брезентовому зонтику, песню поют, а поляки гоняют по песку футбольный мяч.

Мы уже привыкли быть вместе. Мы стоим на дружинной линейке плечо к плечу, отряд к отряду: болгары, финны, киприоты, мы — советские... Вместе салютуем лагерному флагу и в ответ на призыв «За солидарность, мир и дружбу будь готов!» каждый на своем языке отвечает: «Всегда готов!»

Нам нравится вместе играть в «Арим-джим-джим», танцевать болгарскую «Роченицу», петь бесконечную кубинскую песню, в которой так и не выясняется, кто же стянул без спроса у мамы шоколадку.

Вчера был национальный день Польши, позавчера мы ходили на туристскую базу «Робинзон», третьего дня ездили на экскурсию в новый курортный город Албену. А сегодня с моря дует холодный ветер, солнце так и не выглянуло из-за туч, и мы предложили всем ребятам собраться, поговорить, представить себе, как будет выглядеть мир в

двухтысячном году и что мы сделаем для того, чтобы он стал таким, каким мы хотим его видеть. Все согласились. И каждый придумал свой рассказ о двухтысячном годе. Сколько ребят в лагере, столько и удивительных историй.

Я пересказываю те, что мне особенно понравились.

Рассказ Пламена Тлаченски

Болгария

Однажды на карнавале в глубоком изящном реверансе присела передо мной балерина — Лебедь. «Кармелитка, это ты? Тогда Итка? Сильвия, признавайся!..» А потом я случайно узнала, что балериной был Пламен...

МАШИНЫ, АВТОМАТЫ, РОБОТЫ

Двухтысячный год откроет век, в котором наука и техника помчатся с космической скоростью. Все вокруг будет механизировано и автоматизировано, и роботы прочно войдут в жизнь человека.

Один мальчик из нашего отряда, Бранимир Христов, считает: если роботам доверят обслуживать все машины, то шоферами тоже будут роботы. А Димитр Туйков, другой мой товарищ, утверждает: автомобили и поезда станут передвигаться с помощью магнитных полей. В одном сходятся все: транспорт должен быть бесшумным.

Поселимся мы в прекрасных домах, самых причудливых форм, вовсе не квадратных. Сейчас их назвали бы сказочными... Правда, Марийка Станчева со мной не соглашается. Она говорит, что ученые научатся управлять погодой, станет очень тепло, и большие каменные дома не понадобятся вовсе. Всюду вырастут хорошие урожаи, и, как говорится в поговорке: «Кебапчета (наши любимые сосиски) будут падать с неба»...

Я хотел бы быть среди ученых, которые об этом позаботятся.

Рассказ Эрдэнэчимэг Дананжавын

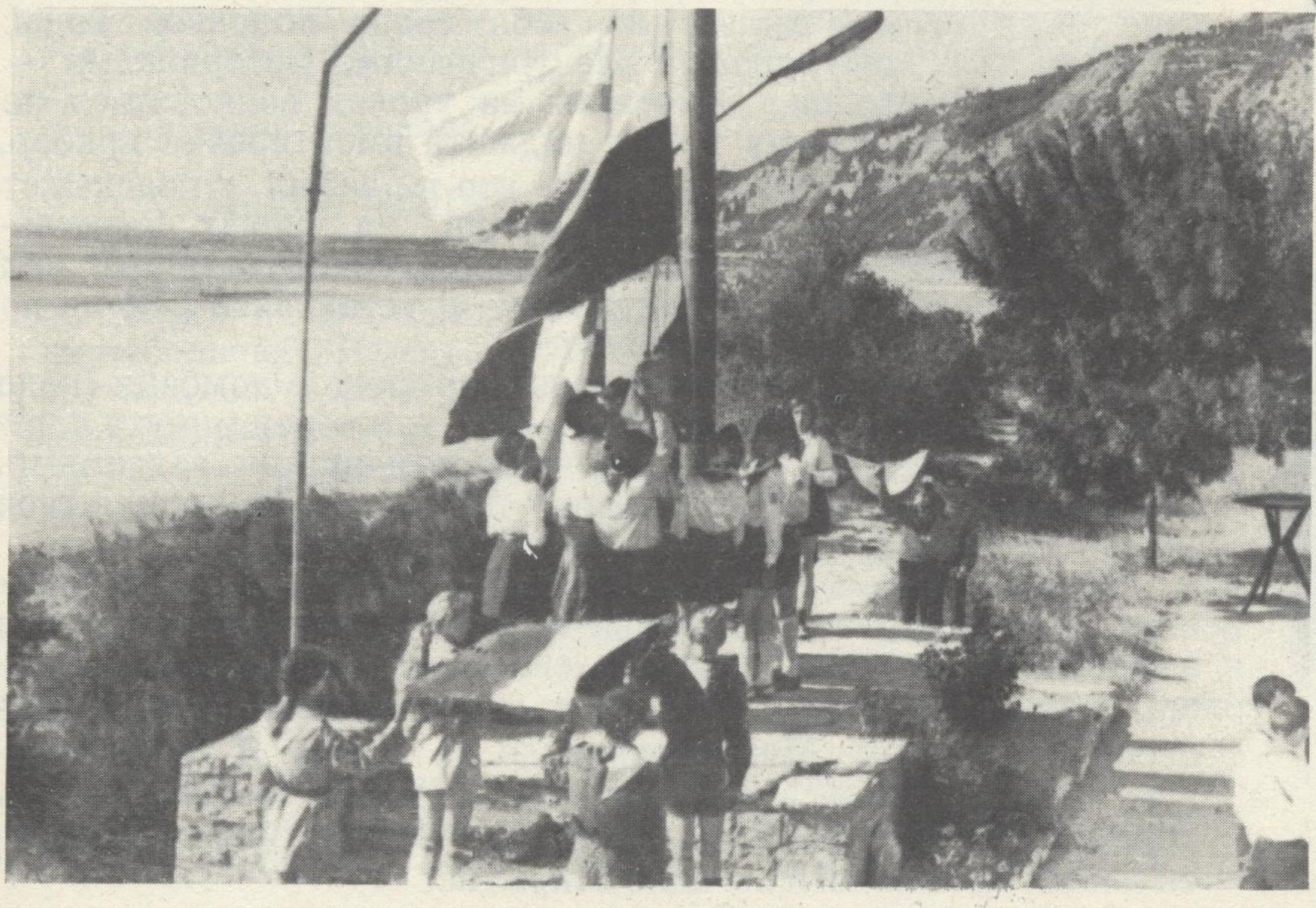
Монголия

Олимпиада ли, конкурс ли, викторина — Эрдэнэчимэг поспевает всюду. У нее беспокойный журналистский характер...

В КОСМОС, ПОТОМ НА ДНО ОКЕАНА...

Моя старшая сестра живет теперь на Марсе. Она геолог, и ее последняя работа связана с изучением марсианских полез-

Прочитав рассказы ребят, художник представил себе город будущего вот таким.



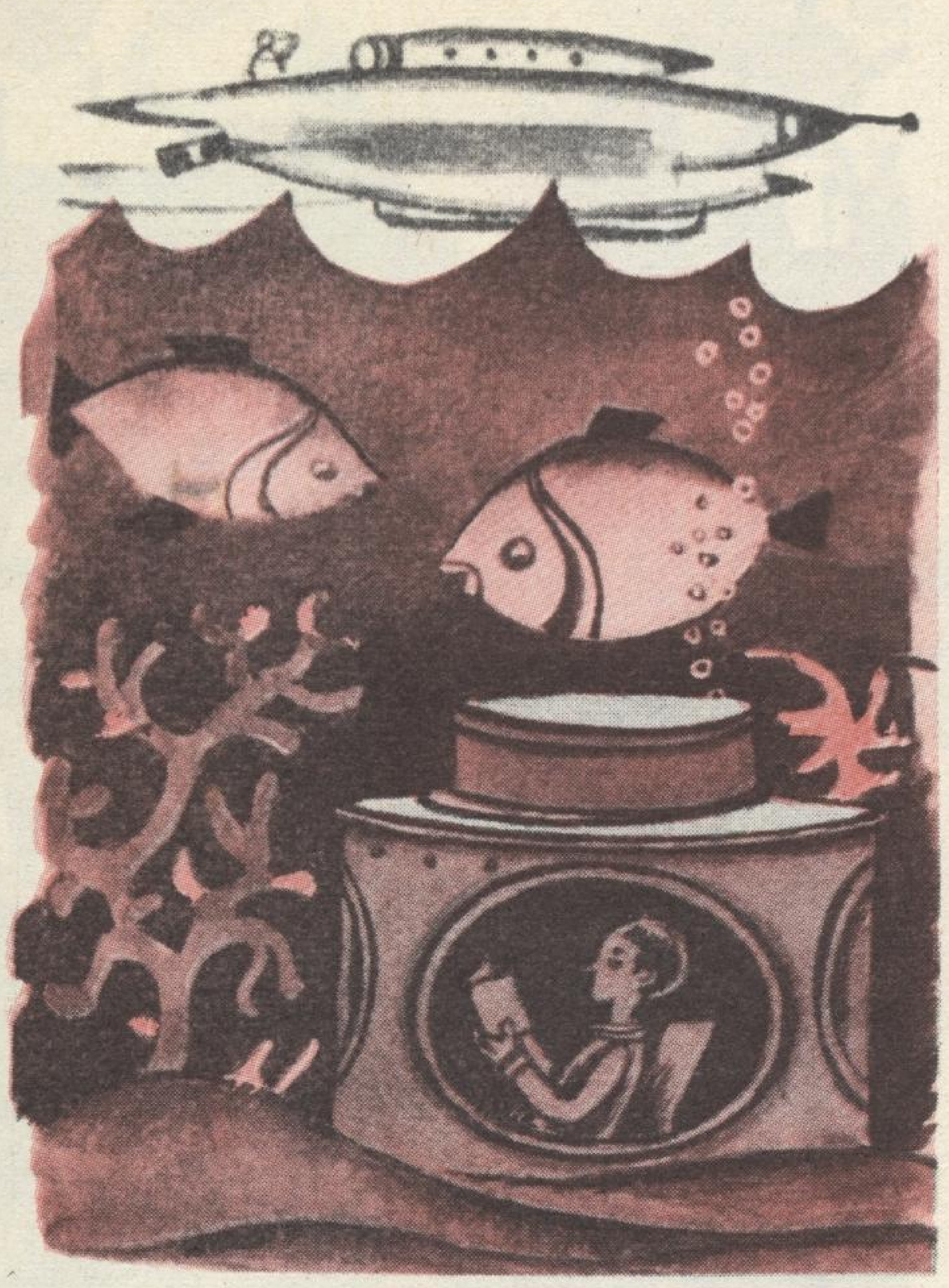
Еще пять минут, и часы пробьют восемь. Дежурные поднимут флаг международного лагеря имени Георгия Димитрова — начнется новый лагерный день.

ных ископаемых. Если предположения подтвердятся, откроют богатейшее месторождение (пока это тайна), мне придется немедленно собираться в дорогу. Я журналист и хочу первой написать об этом открытии.

Мой старший брат — инженер-химик. Кажется, совсем недавно я писала о том, как в его лаборатории удалось получить новый вид пластмасс. А завтра я понесу в редакцию еще один очерк — в космос отправляется пластмассовый межпланетный корабль! Он почти ничего не весит и может взять на борт большой отряд ученых и все необходимое для их работы.

Младшего брата я давно не видела. Он строил города на дне океана и остался там жить навсегда. Все, кто поселился в океанских городах, снабжают Землю морскими животными и растениями — не так-то просто прокормить десять миллиардов землян! Брат очень на меня обижается. Я еще ни разу не навестила его, хотя в детстве мы очень дружили.

Мне нравится рассказывать о хороших делах и хороших людях и думать, что их становится все больше.



И на дне морском живут и работают люди двухтысячного года.

Рассказ Тимо Коскинена

Финляндия

Веснушки удобно расположились на носу и щеках Тимо, признанного лучшим мимом в нашем лагере... Если бы вы видели, как прекрасно изображал он продавца дамских украшений в скетче, который ставили финские ребята!.. Лесть, удивление, возмущение, гнев, кокетство, смирение, снова гнев — и все это за несколько секунд!

ОРУЖИЕ РАСПЛАВЯТ

Если бы я был президентом, я бы убедил других президентов энергию атомных бомб направить на мирные цели и построить больше атомных электростанций и атомных кораблей. Все оружие надо расплавить и сделать из этого металла машины, которые облегчат труд людей. И пусть все получат работу, перестанут голодать и смогут лечиться бесплатно.

Я хочу, чтобы на Земле наступил мир.

ОТ РЕДАКЦИИ:

В нашем международном пионерском клубе «Товарищ» будут собираться ребята разных стран. Для этого вовсе не нужно ехать на поезде, лететь на самолете, надо только написать письмо и отправить его в «Пионер».

Рассказ Йозефа Шулека

Чехословакия

У Йозефа великолепное чувство юмора. Оно выручает его в самые трудные минуты. Как лев, сражался он за первое место по прыжкам в высоту, а когда понял, что проиграл, и виду не подал, что огорчен. Напротив, он шел, как победитель: высоко подняв голову, распрямив плечи и чуть раскланиваясь, словно ему аплодировали... И все аплодировали ему, все уважали его за мужество.

ЗАБРАСЫВАЮ ПОРТФЕЛЬ В КОМБАЙН — И...

Отличная жизнь ждет мальчишек в двухтысячном году! Утром будит робот. У робота не станешь долго потягиваться: не вскочишь сразу — выльет на тебя ведро холодной воды. В школу мчат тебя сапоги с электрическими моторчиками — тут уж не опоздаешь. За ответы на уроках волноваться не приходится: в пуговицу твоего пиджака вмонтирован прибор, который тут же напомнит тебе все, что ты забыл, и подскажет решение любой самой трудной задачи. На уроках физкультуры тебе служат тапочки современной конструкции. В них легко преодолеть земное притяжение и установить рекорд по прыжкам в высоту и в длину.

Мионский звездолет «Предвестник» приветствовал в космосе посланцев Земли.

Дома быстренько забрасываешь портфель в комбайн (надо только упросить родителей купить его) — и через минуту портфель возвращается с выполненными домашними заданиями. Это вовсе не значит, что в голове у тебя пусто. Выполняя твои уроки, комбайн внушал тебе все очень подробно.

Все дети двухтысячного года очень умные. Они выращивают в фруктовых садах деревья в пять километров высотой и выхаживают поросят, которые еще при рождении весят десять тонн. Все мальчишки хотят стать учеными. А я уже очень старенький. Мне перевалило за сорок. Я открыл новую планету и бьюсь над тем, чтобы людям на ней жилось хорошо, чтобы не было на ней вовсе лентяев и каждый в своей жизни сделал хотя бы одно открытие.

Рассказ Войтеха Глуховского

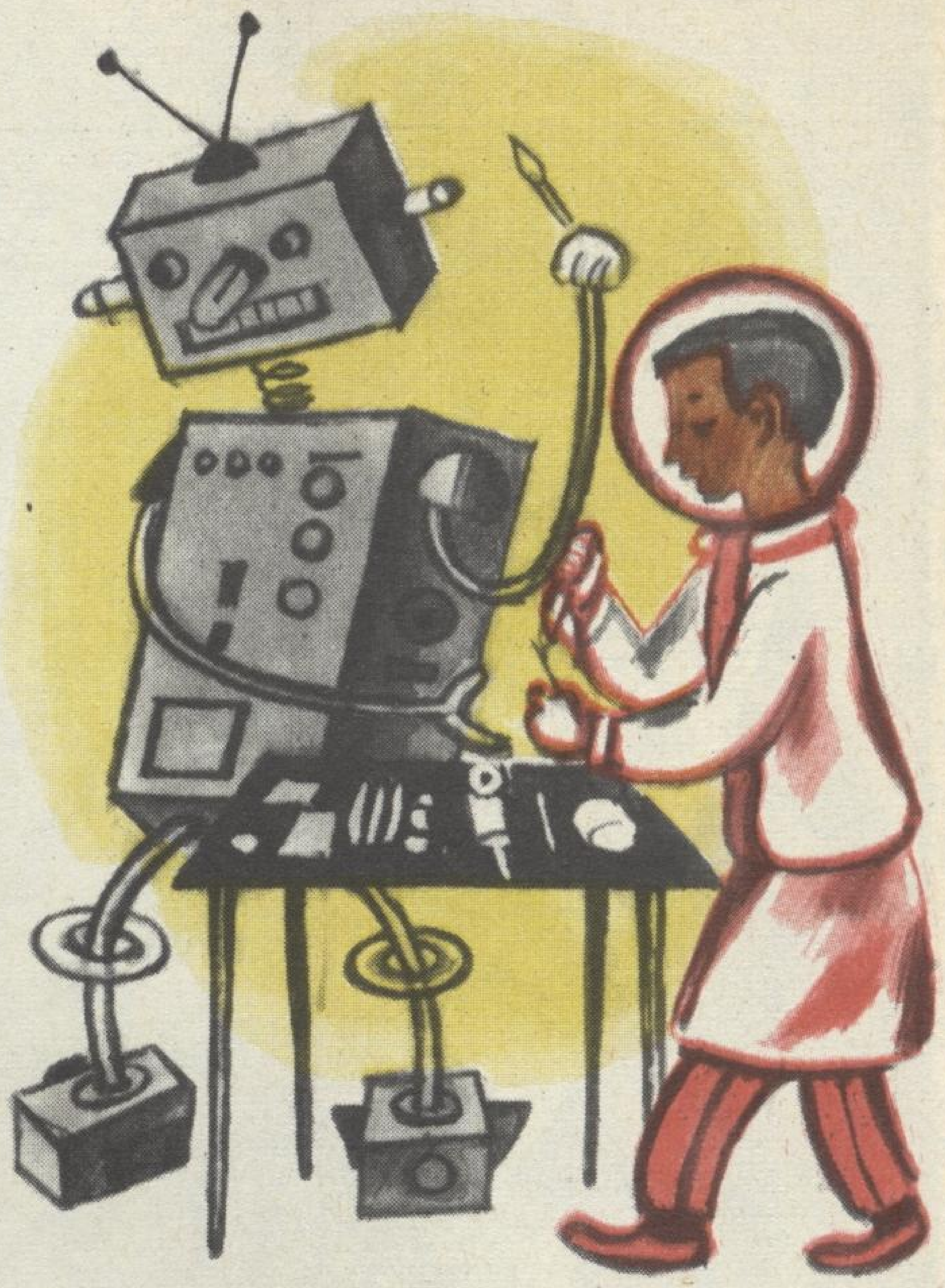
Польша

Войтех не занимал первых мест в спортивных соревнованиях, не отличался в конкурсах, не повторял «на бис» свои выступления в концертах. Войтех был всегда приветливым и доброжелательным, Войтех — хороший товарищ. Все его любили...

ВЫЛЕТЕЛ В НАПРАВЛЕНИИ ГАЛАКТИКИ «КРАБ»

Согласно последним сообщениям, новый звездолет «Мир» вылетел к галактике «Краб». Он мчится со скоростью света. Путь к галактике «Краб», как известно, далек и труден — сто световых лет. Скоро построят новый звездолет. Его скорость превысит скорость света на тысячу километров в секунду — прекрасно! Великолепно! Он полетит на планету Мион. После встречи в космосе с мионским звездолетом «Предвестник» мы кое-что знаем об обитателях далекой загадочной планеты. Мионцы гораздо больше нас ростом и значительно образованнее. Можно считать, что мы снова накануне великих открытий!

Мы бьемся над продлением жизни. Долголетие совершенно необходимо теперь, иначе не успеешь все узнать, слетать на другие планеты.



Этот комбайн выдает ребятам таблетки со знаниями по всем предметам.

Рассказ Андреаса Бека

ГДР

Все ребята из ГДР — отличные спортсмены. Когда они «болели» за своего Андреаса (он лучший в отряде пловец и завоевал в лагерных состязаниях по плаванию третье место), то кричали и прыгали, и кто-то даже свалился в воду.

АССИСТИРУЮ РОБОТУ

Сегодня на календаре 19 июля двухтысячного года. Мне сорок три. Вчера мой сын (он боксер) выиграл бой, и мы отправились в зоопарк: в нем собраны звери со всех планет и галактик. После прогулки по зоопарку мы заглянули в кафе на крыше высотного дома. Пили кофе и любовались нашим городом. Вертолет прямо с крыши унес нас в путешествие.

Я работаю врачом в городской больнице. Операцию аппендицита делают у нас самые заурядные роботы. Сейчас мы программируем пересадку органов и тоже поручим это роботам. Позавчера я летал в Гамбург, ассистировал при операции на сердце. Сердце мы не можем полностью доверить автомату...

**ЧТО ты хочешь рассказать зарубежным друзьям?
О ЧЕМ расспросить их?
КАКИЕ темы предлагаешь для разговора в клубе?
Ждем твоих писем.
Наш адрес: СССР, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14, журнал «Пионер», международный пионерский клуб «Товарищ».**

Рассказ Люды Воропаевой

СССР

Люда поет русские песни. Мы в шутку называем ее Людмилой Зыкиной. Люду вызывают не меньше пяти раз. «Сапожки русские», «Рябинушка», «Течет Волга»... Люда выполняет все просьбы. Она поет и танцует и на концертах, и на пляже, и в автобусе во время экскурсий...

МАЛЬЧИШКИ ГОВОРЯТ, Я НЕ ВЕРЮ...

Мальчишки говорят с восторгом, что люди будут жить в небоскребах. Два стоэтажных дома — вот и весь город, если он небольшой. Наверно, так и будет, но я не знаю, так ли уж это хорошо — жить на восемьдесят третьем этаже? Подуют сильные ветры, верхушку башни раскачает — страшновато. И на первых этажах невесело: солнца мало, а я люблю, когда много солнца! В домах должно быть уютно, солнечно, вокруг — зелено, и чтоб соловьи пели под окнами!

Не надо, чтобы тротуары двигались, чтобы машины мчались по воздуху, и все нажимали кнопки. Так хорошо гулять медленно, чтобы видеть, как садится солнце, как падает и кружится желтый лист, как мальчишка пускает в луже кораблик...

Я хочу стать учительницей. Мне кажется, это вечная профессия. Буду передавать детям современные знания и заботиться, чтобы они росли смелыми, умными и человечными.

Вертолет взлетел прямо с крыши дома.

Художник Б. ГУРЕВИЧ.

Борис ЗАХОДЕР рассказывает сказку
Льюиса КЭРРОЛЛА
АЛИСА
В СТРАНЕ ЧУДЕС
Рисунки В. ЧИЖИКОВА

Нет, это опять был Белый Кролик. Он неторопливо трусил обратно, озабоченно озираясь, словно что-то потерял, и продолжал бормотать:

— И еще эта герцогиня! Пропала моя головушка, и шкурка пропала, и усики тоже! Пиши пропало! Велит она меня казнить, нет на нее пропасти! И где только я их мог обронить?

ГЛАВА IV, в которой маленький Билль вылетает в трубу

Алиса сразу сообразила, что он ищет веер и бальные перчатки, и как девочка **очень** добрая, немедленно тоже принялась за поиски.

Но ни веера, ни перчаток нигде не было видно, да, пожалуй, и искать их было бесполезно: все вокруг совершенно переменилось с тех пор, как Алиса купалась в слезах и все громадное подземелье, где стоял стеклянный столик и была заветная дверца, исчезло.

Кролик вскоре заметил Алису, вертевшуюся поблизости, и сердито окликнул ее.

— Эй, Мэри-Энн! Ты что тут околачиваешься? — крикнул он. — Сию минуту беги домой и принеси мне веер и бальные перчатки! А ну, пошевеливайся!

И он повелительно махнул лапкой, показывая, куда бежать. Алиса была так ошеломлена, что со всех ног кинулась исполнять приказание, даже не попытавшись объяснить Кролику, что он обознался.

«Он, наверно, принял меня за свою прислугу, — мелькало у нее в голове на бегу. — Вот удивится, когда увидит, как он ошибся! Но я уж, так и быть, лучше принесу ему перчатки с веером, только вот где их найти?»

А перед ней уже стоял хорошенький маленький домик, на двери которого красовалась начищенная до блеска медная табличка с выгравированным именем владельца:

Б. КРОЛИК

Алиса вошла в дом, не постучав, и бегом пробежала наверх, в парадные комнаты. Понимаете, эта добросовестная девочка очень боялась, что встретит настоящую Мэри-Энн и та выставит ее из дому прежде, чем Алиса выполнит поручение!

«Хотя вообще-то немного странно, как это я оказалась на побегушках у Кролика! — подумала она. — Чего доброго, еще Динка начнет мной командовать!»

И она сразу представила себе такую сцену:

«Мисс Алиса! Идите скорей, пора собираться на прогулку!»

«Не могу, нянечка! Диночка велели мне посторожить мышиную норку, пока они не вернутся, а то как бы мышь не убежала!»

— Только как бы Динку из дому не выгнали, — перебила себя Алиса, — если она попробует так командовать!

Тем временем она оказалась в чистенькой комнатке, где у окна́ стоял трельяж, а на нем, как Алиса и надеялась, лежали веер и две-три пары бальных перчаток.

Алиса взяла веер и перчатки и собиралась уже идти, как вдруг заметила на подзеркальнике какой-то пузырек.

На этот раз на нем не было ярлыка с надписью «ВЫПЕЙ МЕНЯ». Тем не менее Алиса смело вытащила пробку и поднесла пузырек к губам.

«Я уж знаю, стоит мне что-нибудь съесть или выпить, — думала она, — обязательно случится что-нибудь интересное. Сейчас мы и эту бутылочку проверим! Хорошо бы она подействовала и я опять стала большая, а то прямо надоело быть такой козявкой!»

Пузырек подействовал, и еще как: не успела Алиса выпить и половины, как уперлась головой в потолок, и ей пришлось сильно наклониться, чтобы не сломать себе шею. Она поскорее поставила его обратно, приговаривая:

— Ой-ой, хватит, хватит! Ой, неужели я не перестану расти, я и так уже в дверь не пройду! И зачем я столько выпила? Надо было только капельку!

Увы, мысли были совершенно правильные, но несколько запоздалые. Алиса все росла и росла.

Очень скоро ей пришлось встать на колени, а спустя минуту оказалось, что и этого мало; бедняжка попробовала лечь на пол, упершись локтем одной руки в дверь, а другую руку положив за голову, но скоро ей опять стало не хватать места — она все продолжала расти. Тогда она испробовала последнее средство: руку высунула в окно, а ногу поместила в камине.

«Все! — подумала она в отчаянии. — Больше ничего не поделаешь. Будь, что будет!»

К счастью, на этом действие волшебного напитка прекратилось — расти Алиса перестала.

Но она и без того была в незавидном положении: ей было тесно, неудобно, и, главное, не было никакой надежды выбраться на волю. Не мудрено, что Алиса на минутку повесила нос.

«Насколько лучше было дома, — думала бедная девочка, — там по крайней мере человек знал, какого он будет роста через пять минут! А тут! То ты большая, то ты маленькая, и всякие мыши и кролики помыкают тобой, как хотят! Нет, наверное, зря я полезла в эту кроличью нору! Хотя... хотя... нет, все-таки тут довольно-таки интересная жизнь! Самое интересное — как это все вдруг могло случиться со мной? Ведь раньше, когда я читала сказки, я думала, на самом деле так не бывает, а тут, пожалуйста, сама попала в самую настоящую сказку! Обязательно надо написать про меня книжку, вот что! Когда я буду большая, я сама...»

И тут Алиса запнулась.

— Да ведь я и так большая, — грустно сказала она, — во всяком случае, в этой комнате мне уже больше не вырасти!

«А вдруг, я и правда больше не буду расти, — испугавшись, подумала Алиса. — Значит, я и старше не стану! Пожалуй, это неплохо: никогда не стану старушкой! Да, но тогда мне придется всю жизнь учить уроки! Нет уж, спасибо! Большое спасибо!»

— Ну и дурочка же ты, моя дорогая, — вновь перебила она сама себя. — Какие тебе еще тут уроки! Ты сама-то еле-еле помещаешься, а куда ты денешь книжки и тетрадки?

Она продолжала все в том же духе, изображая то одного, то другого собеседника, и беседа уже неплохо налаживалась, как вдруг со двора до нее донесся чей-то крик; Алиса замолчала и прислушалась.

— Мэри-Энн! Мэри-Энн! — кричал знакомый голос. — Сию минуту неси перчатки!

И тут на лестнице послышался легкий, быстрый топоток.

Алиса сразу догадалась, что это Кролик бежит ее искать, и задрожала так, что весь дом заходил ходуном, — она совершенно забыла, что сейчас она, пожалуй, в тысячу раз больше Кролика, и, значит, ей совершенно нечего его бояться.

Кролик был уже у дверей; он попытался войти, но дверь открывалась внутрь, и Алиса крепко уперлась в нее локтем, так что все старания его были бесполезны.

— Ну что ж, тогда зайду с той стороны и попробую влезть в окно, — пробормотал он себе под нос.

«Как бы не так!» — подумала Алиса и приготовилась. Когда, по ее расчетам, Кролик как раз добрался до карниза, она внезапно высунула руку в окно как можно дальше и наудачу попыталась его схватить; схватить она ничего не схватила, но тем не менее за окном раздался писк, звук падения и звон разбитого стекла (Алиса подумала, что Кролик, видно, угодил в парник с огурцами, теплицу или что-нибудь в этом роде).

Затем раздался яростный вопль:

— Пат! Пат! Куда ты там запропастился?

(Это кричал Кролик.)

Ему ответил голос, которого Алиса еще не слыхала:

— Стало быть, тут я, ваше вашество! Яблоньки окапываю!

— Яблоньки окапываю, — сердито передразнил Кролик. — Нашел занятие! Иди-ка лучше, помоги мне выбраться отсюда!

(Снова послышался звон битого стекла.)

— А теперь скажи мне, Пат, что это там такое торчит в окне?

— Стало быть, ручкя, вашество! (Слово «ручка» Пат произносил именно так: «ручкя».)

— «Ручкя», осел! Ничего себе ручка! Еле в окно пролезла!

— Стало быть, так-то оно так, вашество, а только это — ручкя, и крыть нечем!

— Ну ладно, пусть ручкя, только ей там не место! Изволь убрать ее оттуда.

Наступила долгая пауза. Собеседники, как видно, говорили еле слышным шепотом, и лишь изредка Алисе удавалось расслышать отдельные выражения:

— Стало быть, не лежит у меня душа к этому делу, вашество. Никак не лежит! Ну никак!

— Делай, что тебе приказано, трус несчастный!

Наконец Алиса, не выдержав, опять наудачу цапнула рукой.

На этот раз запищали двое, и стекла сыпались гораздо дольше.

«Ну и много же у них парников, — подумала Алиса. — Интересно, что они там еще придумают! «Изволь убрать ее оттуда»! Я бы рада была отсюда убраться! Хорошо бы они правда смогли меня отсюда вытащить!».

Долгое время все было тихо.

— Эй, Билль летит! Летит!

И вот заскрипели колесики маленькой тележки, и послышались голоса целой толпы народа:

— А где другая лестница?

— Мне велели одну привезть! Другая у Билля!

— Эй, Билль! Волоки ее сюда!

— Станови с этого угла!

— Постой, давай сперва свяжем, а то нипочем не достанешь!

— Достанешь, не бойся! Куда они денутся!

— Эй, Билль! Держи веревку!

— А крыша-то выдержит?

— Осторожней, вы! Там одна черепица еле живая!

— Ой, падает, падает!

— Головы береги!

(Треск и грохот.)

— Ну, кто это устроил?

— Билль, кто же еще!

— А в трубу-то кто полезет? Ты что ли?

— Еще чего! Сам лезь!

— Нашел дурака!

— Полезет Билль.

— Билль, тебе придется!

— Эй, Билль, слыхал? Хозяин тебе велит лезть в трубу!

— Давай уж, брат!

«Бедный Билль, — сказала Алиса про себя. — И в трубу тоже ему лезть! Все на него сваливают! Нет, я бы с ним не поменялась! У меня положение безвыходное, но я хоть брыкаться могу!»

Она просунула ногу подальше, в дымоход, и подождала, пока не услышала, что какое-то маленькое существо (какое именно, она не могла понять) шуршит и скребется в трубе.

— Вот и Билль пожаловал, — сказала она, как следует наподдала ногой и снова стала ждать, что будет дальше.

Дальше сначала раздался общий крик:

— Эй, Билль летит! Летит!

Потом — голос Кролика:

— Кто там у забора! Ловите его!

Потом наступила недолгая тишина.

А потом — вновь посыпались восклицания:

— Поддержи ему голову!

— Выпить дайте!

— Осторожней, как бы он не захлебнулся!

— Ну как ты, старина?

— Что там стряслось?

— Выкладывай все начистоту, не стесняйся!

Наконец слабенький пискливый голосок («Это и есть Билль», — сообразила Алиса) произнес:

— Ох, и сам не пойму... нет, благодарствуйте, будет с меня!.. Маленько полегче... Только в голове туман стоит... ничего-то я не разобрал: ка-аа-аа-к оно шандарахнет меня, так я и полетел оттуда турманом!

— Верно говоришь, старина!

— Правда чистая!

— Все как есть! — поддержал его дружный хор.

— Придется сжечь дом, — прозвучал деловитый голос Кролика, и Алиса закричала изо всех сил:

— Только попробуйте! Я на вас Динку напущу!

Немедленно воцарилась мертвая тишина.

«Ну, что они еще придумают? Будь у них хоть капля ума, они бы сняли крышу», — думала Алиса.

Через несколько минут снаружи вновь поднялась какая-то возня, и Алиса расслышала слова Кролика:

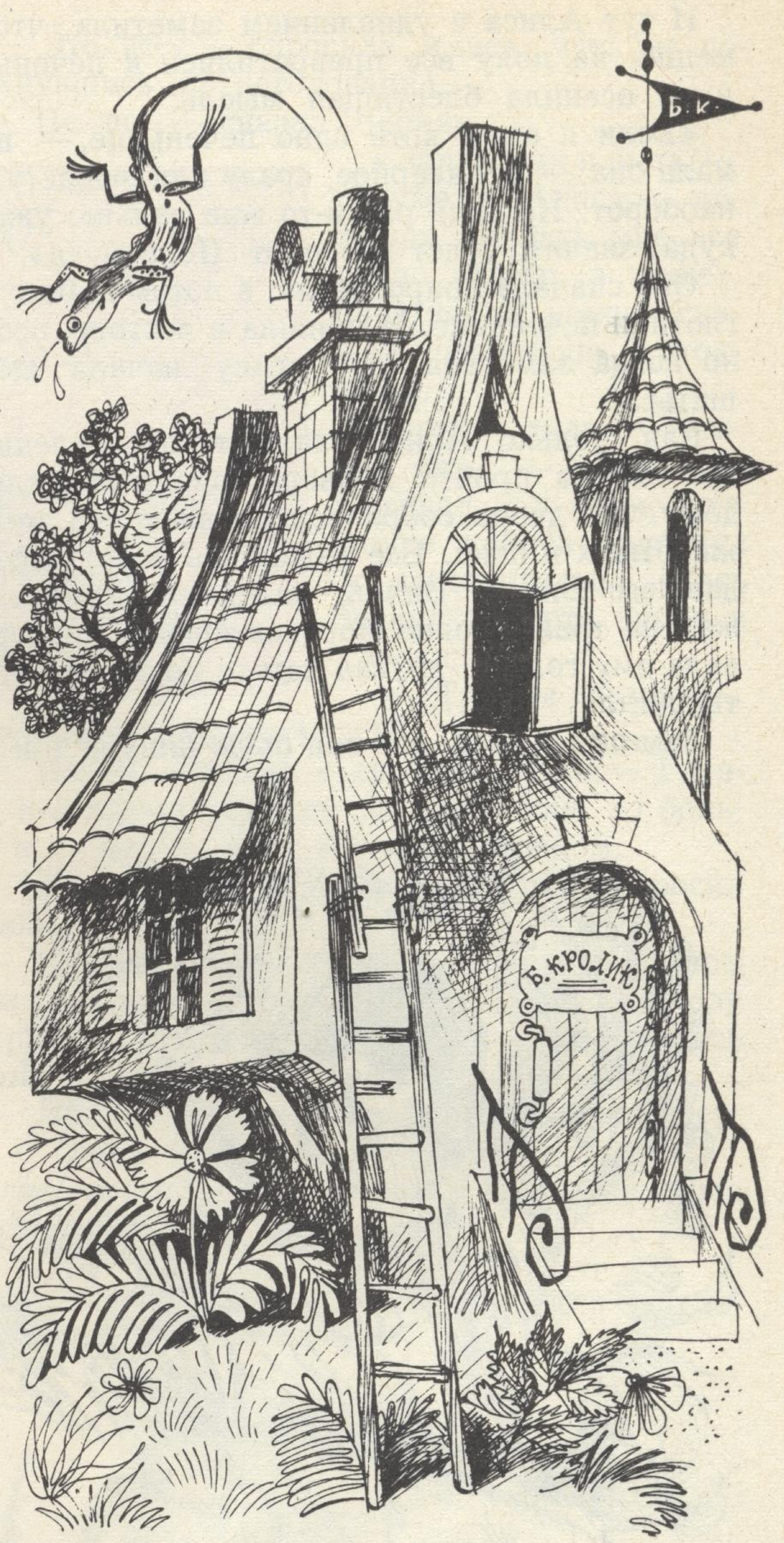
— Для начала тачки хватит! Только полнее насыпайте.

— Тачки чего? — взволновалась Алиса.

Но ей недолго пришлось гадать: в ту же минуту в окошко градом полетели мелкие камешки, и несколько штук попало ей прямо в лицо. «Это уже никуда не годится», — подумала Алиса.

— Только попробуйте еще, я вам покажу! — крикнула она в окно, и снова наступила мертвая тишина.

— Кто там у забора? Ловите его!



— Вот и Билль пожаловал,— сказала она и как следует наподдала ногой.

И тут Алиса с удивлением заметила, что камешки на полу все превратились в печеньица, и ее осенила блестящая мысль.

«Если я съем хоть одно печеньице,— подумала она,— я, наверное, сразу или вырасту, или наоборот. Но ведь расти-то мне дальше уже некуда, значит, будет наоборот. Попробую!»

Она сначала попробовала, а потом просто проглотила печеньице. И пришла в восторг, особенно когда заметила, что сразу начала уменьшаться!

Как только Алиса стала такая маленькая, что смогла пройти в дверь, она выбежала из дому. На дворе собралась целая толпа мелких животных и птиц. Все толпились вокруг пострадавшего Билля. Билль, маленький тритон, лежал на травке; одна морская свинка поддерживала ему голову, другая чем-то поила его из бутылки.

Заметив Алису, все они было кинулись к ней,

...Вдруг щенок голодный, тогда он свободно может меня съесть.

но она во всю прыть помчалась прочь и скоро очутилась в густом лесу.

— Теперь первое, что нужно сделать,— говорила себе Алиса, уходя все глубже в чащу по лесной тропинке,— это стать, какая я всегда была. А второе, что нужно сделать,— это найти дорогу в тот чудесный садик. Вот и все — это будет самый лучший план!

План, что и говорить, был превосходный: простой и ясный, лучше не придумаешь. Недостаток у него был только один: было совершенно неизвестно, как привести его в исполнение.

Алиса озабоченно оглядывалась, разыскивая хоть какой-нибудь просвет в лесной чаще, и вдруг над самым ухом у нее кто-то громко тявкнул. Она вздрогнула и подняла глаза.

Колоссальнейший лохматый щенок смотрел на нее сверху вниз большущими круглыми глазами, нерешительно пытаясь потрогать ее лапкой (вернее, лапищей).

— Ах ты, мой маленький, ах ты, мой бедненький! — умильно заговорила Алиса со щенком. Она даже попыталась посвистеть ему, но свист никак не хотел получаться: бедняжка так дрожала от страха, что и губы у нее тряслись. В голове у нее вертелось одно и то же: вдруг щенок голодный, тогда он свободно сможет меня съесть, подлизывайся не подлизывайся!

Плохо соображая, что она делает, Алиса подобрала на земле палочку и протянула ее щенку.

Щенок в ответ радостно завизжал, от восторга подпрыгнул, как мячик, а затем набросился на палку и начал с ней отчаянно сражаться. Алиса тем временем юркнула за большой куст чертополоха, опасаясь, как бы щенок на нее не наступил.

Когда она решилась выглянуть из-за куста, щенок как раз предпринял новое наступление на палочку, но немного поторопился и полетел вверх тормашками. «Да,— подумала Алиса,— это все равно, что с лошадью в салочки играть, того и гляди, задавит!»

Она снова забежала за куст. Щенок в это время начал серию энергичных атак на палку, для чего он каждый раз **очень далеко** отбегал назад и делал **очень короткий** бросок вперед и при этом лаял, не закрывая рта; наконец, он, совершенно умаявшись, уселся на почтительном расстоянии от палки, свесив язык и зажмурив свои глазищи.

Это был самый подходящий момент, чтобы улизнуть. Алиса не стала терять времени и кинулась наутек; она бежала, пока не запыхалась окончательно, а главное, пока лай щенка не затих в отдалении...

— А все-таки, какой прелестный был щеночек! — сказала Алиса, обмахиваясь листком лютика, к стеблю которого она прислонилась, чтобы отдохнуть.— Как бы мне хотелось, чтобы он был мой! Я бы с ним играла, учила его всяким фокусам, если бы... если бы только я стала, какая я была раньше! Ой, мамочка, что же это я! Чуть не забыла, что мне первым делом надо вырасти! Как же это сделать? Ага, конечно, надо что-то съесть или выпить, только вот самый главный вопрос: ЧТО?

Да, «что?» — это был действительно большой вопрос: сколько Алиса ни озиралась кругом, она видела только траву и цветы, и ничего пригодного для еды или хотя бы для питья что-то не было заметно. Рос, правда, неподалеку большой гриб — размером никак не меньше самой Алисы. Она и его осмотрела очень тщательно: и справа, и слева, и сзади — и даже заглянула ему под шляпку, а потом подумала, что осматривать так осматривать и надо посмотреть, нет ли чего-нибудь и на шляпке.

Алиса встала на цыпочки, вытянула шею и, заглянув через край, встретилась взглядом с большим синим червяком — гусеницей какой-то бабочки.

Червяк сидел себе на шляпке, сложа руки, и преспокойно курил длинный кальян, не обращая ни малейшего внимания ни на Алису, ни на все окружающее.

ГЛАВА V, в которой Червяк дает полезные советы

Червяк и Алиса довольно долго созерцали друг друга в молчании, наконец червяк вынул изо рта чубук кальяна и сонно, медленно произнес:

— Кто... ты... такая?

Хуже этого вопроса для первого знакомства он ничего бы не мог придумать: Алиса сразу смутилась.

— Видите ли... видите ли, сэр, я... просто не знаю, кто я сейчас такая... Нет, я, конечно, примерно знаю, кто такая я была утром, когда встала, но с тех пор я все время то такая, то сякая, словом, какая-то не такая. — И она беспомощно замолчала.

— Выражайся яснее! — строго сказал Червяк. — Как тебя прикажешь понимать?

— Я сама себя не понимаю, сэр, потому что получается, что я — это не я! Видите, что получается?

— Не вижу! — отрезал Червяк.

— Простите меня, пожалуйста, — сказала Алиса очень вежливо, — но лучше я, наверное, не сумею объяснить. Во-первых, я сама никак ничего не пойму, а во-вторых, когда ты то большой, то маленький, то такой, то сякой, то этакий, — все как-то путается, правда?

— Неправда! — ответил Червяк.

— Ну, может быть, с вами просто еще так не бывало, — сказала Алиса, — а вот когда вы сами как начнете превращаться, — а вам обязательно придется, знаете, сначала в куколку, потом в бабочку, — вам тоже будет не по себе, да?

— Нет! — сказал Червяк.

— Ну, может быть, у вас это по-другому, — согласилась Алиса. — Зато вот мне ужасно не по себе...

— Тебе? — произнес Червяк презрительно. — А кто ты такая?

(Таким образом они вернулись туда, откуда пришли.) Правду говоря, Алиса начала уже понемногу терять терпение.

«Ну, что это, в самом деле, от него слова не допросишься», — думала она.

— Я думаю, сначала вы должны мне сказать, кто вы такой! — сказала она величественно и вытянулась во весь рост.

— Почему? — отвечал Червяк.

Вопрос был для Алисы совершенно неожиданным, и, так как она не сумела придумать никакого убедительного ответа, она решила, что, видно, Червяк просто очень не в духе, повернулась и пошла.

— Вернись! — крикнул Червяк ей вдогонку. — У меня есть для тебя важная новость!

Перед таким соблазном Алиса, естественно, не могла устоять и немедленно повернула обратно.

— Не надо выходить из себя! — сообщил Червяк.

— Это все? — спросила Алиса, чуть не поперхнувшись от негодования.

— Не все, — сказал Червяк.

«Ладно, так и быть, — подумала Алиса, — подожду. Делать мне все равно нечего, а может, он в конце концов скажет что-нибудь стоящее».

Червяк долго — минут пять! — молча попыхивал кальяном, но в конце концов вздохнул и действительно опять вынул изо рта чубук и сказал:

— Так ты думаешь, ты в кого-то превратилась?

— Боюсь, что так! — сказала Алиса. — Главное, все время делаюсь то маленькая, то большая и ничего не могу вспомнить толком.

— Не можешь вспомнить чего? — спросил Червяк.

— Ничего! Даже стихов! — плачевным тоном сказала Алиса. — Я вон даже «Дети, в школу собирайтесь» хотела прочитать, а получилась какая-то чепуха!

— Прочти «~~Милый папа~~», — предложил Червяк. — Очень трогательный стишок.

Алиса послушно встала в позу, сложила перед собой ручки и начала:

~~— Милый папа! — сынок обратился к отцу. —~~
~~Голова твоя так поседела,~~

Червяк курит кальян. Это трубка для курения табаку, в которой дым пропускают через воду в кувшинчике. Зачем? Неизвестно. По правде говоря, вообще никому неизвестно, зачем люди, (а тем более червяки) курят.

«Вечер был, сверкали звезды».

Это не считается!

Что стоять вверх ногами тебе не к лицу!
Не пора ли бросать это дело?

— В детстве я не рискнул бы,— ответил старик,—
Вдруг да что-то стрясется с мозгами!
Но теперь, убедившись, что риск невелик,
Хорошо постоять вверх ногами!

— Ты старик,— молвил сын.— И, как все говорят,
Ты не тоньше бочонка для пива,
А кульбит за кульбитом ты крутишь подряд —
Как, по-твоему, это красиво?

— В детстве,— старец ответил,— я был как стальной.
Приобрел я у старой чертовки
Чудо-мазь для гимнастов «Тряхнем стариной».
Хочешь банку? Отдам по дешевке!

— Ты беззубый старик,— продолжало дитя,—
Пробавлялся бы манною кашей!
Ты же гуся (с костями!) прикончил шутя!
Что мне делать с подобным папашей?

— В детстве, сын, я питался наукой одной,
Грыз гранит (как и прочие дети).
А женившись, так часто я грызся с женой,
Что могу раскусить все на свете!

— Ты старик! — крикнул сын.— Спорить станешь ты зря.
Организм твой изношен и хрупок.
А вчера ты подбрасывал НОСОМ угря!
Разве это нормальный поступок?

— У тебя, милый мальчик,— старик произнес,—
Любознательность столь велика,
Что возник **у меня** любопытный вопрос:
Уж не дать ли сыночку пинка?

— Не то,— сказал Червяк.

— Да, кажется, не совсем те стихи,— смущенно сказала Алиса.— Некоторые слова перепутались!

— Все никуда не годится — с самого начала до самого конца! — решительно подвел итоги Червяк, и наступило долгое молчание.

На этот раз Червяк заговорил первым.

— Так какого размера ты хочешь быть? — спросил он.

— Да мне почти все равно,— не подумав, ответила Алиса.— Мне только очень неприятно, когда он так часто меняется. Понятно?

— Мне непонятно,— сухо сказал Червяк.

Алиса промолчала. Никогда в жизни ей столько не противоречили, и она начала чувствовать, что, несмотря на недавний совет Червяка, вот-вот выйдет из себя.

— Твой нынешний размер тебе нравится? — спросил Червяк.

— Ну,— замялась Алиса,— если вы не возражаете, я хотела бы чуточку подрасти! Я ведь сейчас с палец ростом, подумайте, это прямо стыдно быть такого роста!

— Таким ростом можно только гордиться! — сердито закричал Червяк, вытягиваясь во весь рост. Он был как раз длиной в палец.

— Но я так не привыкла,— чуть не плача, взмолилась бедная девочка. «Ужас, какие они все обидчивые!» — подумала она и вздохнула.

— В свое время привыкнешь! — заявил Червяк и преспокойно принялся снова дымить своим кальяном.

На этот раз Алиса решила подождать, пока Червяк сам соблаговолит с ней заговорить.

Через несколько минут он опять вытащил изо рта чубук и отложил его в сторону, затем раза два зевнул и хорошенько потянулся. А потом он, не спеша, спустился по ножке гриба на землю и куда-то пополз.

И только перед тем, как окончательно скрыться в траве, он мимоходом произнес:

— С этой стороны можешь стать больше; с той — меньше. Попробуй!

Слова эти звучали совершенно загадочно. Алиса ничего не поняла.

«Какая сторона — ТА, какая — ЭТА? — мелькнуло у нее в голове.— А главное, что я должна попробовать?»

— Гриб,— немедленно отозвался Червяк, словно услыхал ее последние слова. Больше Алиса его никогда не видела.

Теперь оставалось разгадать только первую часть загадки. Алиса в раздумье уставилась на гриб, пытаясь догадаться, где у него ТА сторона, а где — ЭТА. Так как шляпка была совершенно круглая, догадаться было не так-то легко. И все-таки Алиса, наконец, придумала: встав на цыпочки, она обхватила шляпку руками и там, куда смогла дотянуться, отломила по кусочку сразу и правой и левой рукой.

«Какой-какой? Какой ТОТ, какой ЭТОТ?» — лихорадочно думала Алиса. В конце концов она откусила совсем чуточку от того, который был в правой руке,— только чтобы проверить, как он действует.

И в ту же секунду почувствовала сильный удар в подбородок: он стукнулся о ее собственные ножки!

Как ни была Алиса напугана таким внезапным превращением, она понимала, что нельзя терять ни секунды — если она хотела уцелеть, нужно было как можно скорее отъесть от ЭТОГО куска.

Это было ужасно трудно сделать: подбородок бедной девочки так сильно прижало к ногам, что она никак не могла открыть рот.

И все-таки Алиса ухитрилась кое-как откусить и проглотить крошечку.

*

— Ура! Голова на воле! — закричала Алиса в восторге, но восторг тут же сменился тревогой: куда-то пропали ее плечи, их никак не удавалось найти, сколько Алиса ни вглядывалась, она видела внизу только бесконечно длинную шею, словно мачта, вздымавшуюся над целым морем зелени.

— Откуда взялась вся эта зелень? — громко спросила Алиса.— И куда могли деваться мои плечи? Ручки мои дорогие! И вы пропали? Где вы, ау!

Тут она попробовала пошевелить руками, но почти безрезультатно: только где-то там, далеко внизу, легкий трепет прошел по листве.

Ну что ж, если поднять руки к голове было невозможно, можно было попробовать наклонить к ним голову. Алиса так и сделала, и, к счастью, оказалось, что ее новая шея великолепно гнется в любом направлении. Изящно изогнув ее плавным зигзагом, Алиса уже собиралась нырнуть в море зелени (она уже поняла, что это просто листва на верхушках деревьев, под которыми она только что гуляла), как вдруг громкий свистящий звук заставил ее отпрянуть.

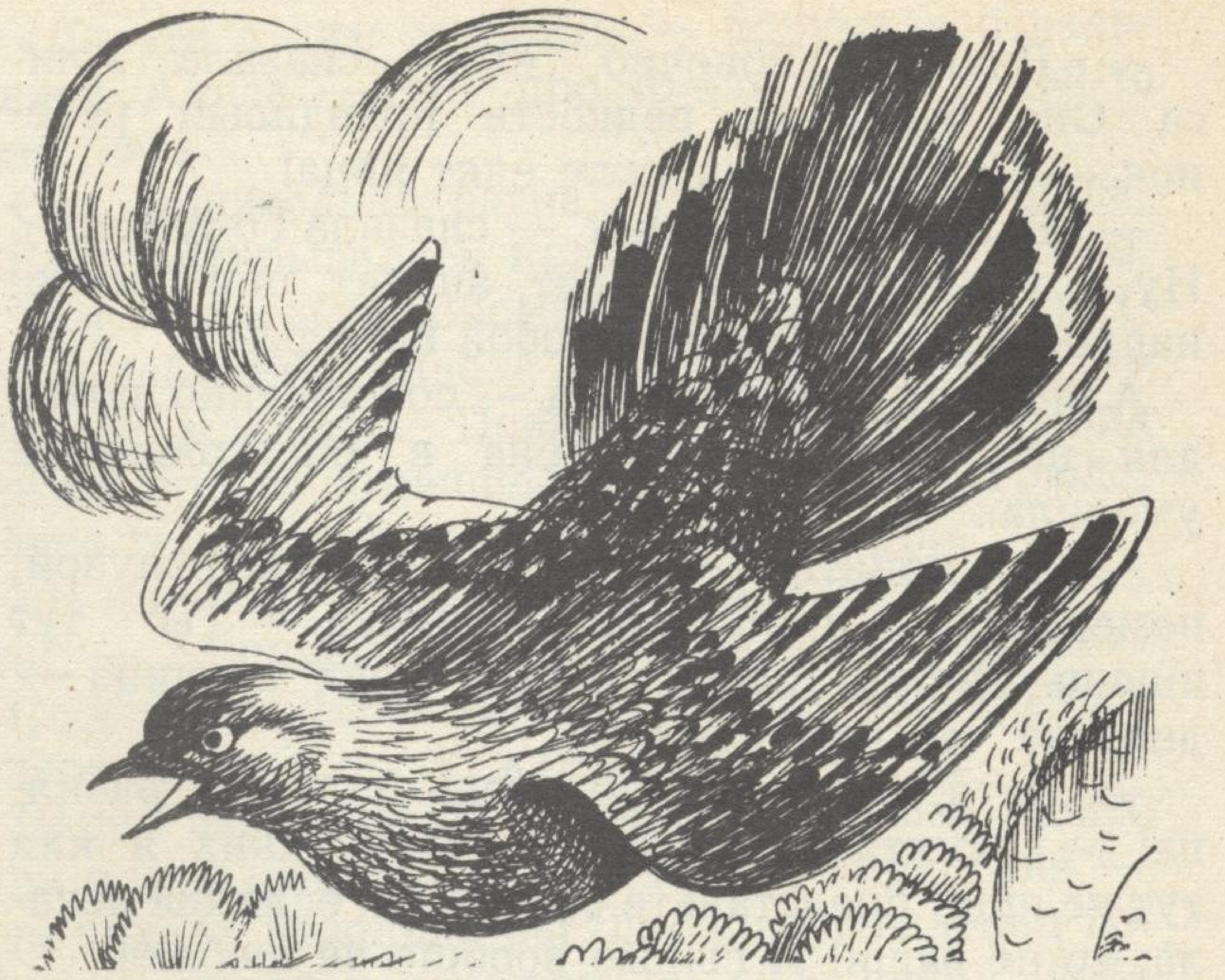
На нее яростно налетала большая Голубка, стараясь ударить ее крылом прямо в лицо.

— Змея! — отчаянно кричала Голубка. — Ах ты, змея!

— Какая я вам змея! — возмутилась Алиса. — Оставьте меня в покое!

— Змея — змея и есть! — повторила Голубка, но уже не так уверенно. А потом она прибавила, чуть не плача: — Чего только я не перепробовала — и все зря! На них не потрафишь!

— Какая я вам змея! — возмутилась Алиса.



— Змея! — отчаянно кричала Голубка.

— О чем вы говорите? Я ничего не понимаю, — сказала Алиса.

— Корни деревьев пробовала, речные откосы пробовала, колючие кусты пробовала, — не слушая Алисы, продолжала Голубка, — им все мало! Проклятые твари!

Тут Алиса уже окончательно перестала что-нибудь понимать. Но она чувствовала, что, пока Голубка не выскажется до конца, лучше помолчать.

— Как будто это легкая работа — сидеть на яйцах! — продолжала Голубка, все повышая голос. — Попробуй сама, так узнаешь! А я, несчастная, мало того, что сижу, как проклятая, еще должна день и ночь караулить, как бы змеи не забрались в гнездо! Бедная моя головушка! Три недели глаз не сомкнула ни днем, ни ночью!

— Ой, простите за беспокойство! — сочувственно сказала Алиса. Она начала понимать, в чем дело.

— И как раз, когда я нашла самое высокое дерево в лесу, — продолжала Голубка (она уже кричала), — и как раз, когда уже стала надеяться, что вздохну хоть на минуту, — не тут-то было! Прямо с неба на меня сваливаются, проклятые! Ах ты, змея!

— Да я же не змея, говорят вам, — сказала Алиса. — Я просто... я просто...

И тут она запнулась.

— Ну, что ж ты? Говори, говори! — насмешливо сказала Голубка. — Еще ничего не успела придумать, да?

— Я... я девочка, — сказала Алиса не вполне уверенно.

Не будем скрывать: ей, бедняжке, вдруг сразу вспомнились все ее сегодняшние превращения.

— Так я тебе и поверила! — отвечала Голубка с величайшим презрением. — Немало повидала я на своем веку разных девочек, но чтобы у девочки была та-а-а-кая шея! Нет, не на дуру напала! Ты змея, вот кто ты такая! И лучше не ври! Ты мне еще скажешь, что никогда яичек не ела!

— Яички я, конечно, ела, — сказала Алиса. Она была на редкость правдивый ребенок. — Девочки ведь тоже едят яйца!

— Быть того не может, — сказала Голубка. — Ну, а уж если правда едят, значит, они простонапросто змеи! Только особой породы!

Алису так поразила эта — совершенно новая для нее — мысль, что она в растерянности умолкла.

— Все понятно! — воспользовавшись паузой, немедленно прибавила Голубка. — Ты тут ищешь яички! Какая же для меня разница — девочка ты или змея?

— Зато для меня это **очень большая** разница! — возмутилась Алиса. — И никаких я яиц тут не ищу, представьте себе, а уж если бы искала, то не ваши! Я сырые вообще не люблю!

— Ах вот как? Ну, тогда проваливай! — грубовато сказала Голубка, снова усаживаясь в свое гнездо.

Алиса послушалась.

Она с большим трудом пробиралась среди деревьев: ветки все время цеплялись за ее новую шею, и ей поминутно приходилось останавливаться и выпутываться; к счастью, хоть и не сразу, она вспомнила, что в руках у нее так и остались кусочки волшебного гриба. Выбравшись на свободное место, она с величайшей осторожностью стала откусывать по крошечке то от ТОГО, то от ЭТОГО кусочка и то увеличивалась, то уменьшалась, и, в конце концов, ей удалось стать такой, какой она была обычно.

И знаете, она так отвыкла быть нормальной девочкой, что сперва ей даже стало как-то неловко!

Но, конечно, довольно скоро она опять привыкла к себе и начала, по обыкновению, сама с собой беседовать.

— Ну вот, половина дела сделана, а ведь, пожалуй, другая девочка на моем месте могла голову потерять от всех этих превращений! Да, она бы ничего не сделала, а вот я сумела стать какая была! Первая часть плана выполнена. Теперь остается вторая часть: забраться в тот чудесный садик! Интересно, интересно, как же мы туда попадем?..

Тем временем она неожиданно вышла на прогалину, где стоял маленький домик — высотой точь-в-точь с саму Алису!

— Не знаю, кто живет в этом домике, — соображала Алиса, — но только я в таком виде не могу им показаться! Я для них слишком большая, они там все до смерти перепугаются!

И предусмотрительная девочка опять взялась за гриб в ЭТОЙ руке и ела его до тех пор, пока не стала ростом примерно с кошку.

ГЛАВА VI, в которой встречаются Поросенок и Перец

Она уже минуты две стояла в нерешительности, разглядывая дом, как вдруг из лесу выбежал ливрейный лакей и изо всей мочи забарабанил в дверь.

(Алиса догадалась, что это ливрейный лакей, потому что на нем была ливрея; судя же по лицу, это был просто Карась.)

Дверь отворилась, и из дому вышел швейцар, тоже в ливрее, с круглой физиономией и выпученными, как у лягушки, глазами — точь-в-точь взрослый головастик.

У обоих на головах были пудреные парики с длинными завитыми локонами.

Тут Алисе стало очень интересно; она подкралась немного поближе к дому и, спрятавшись за кустиком, приготовилась слушать и смотреть.

Лакей Карась начал с того, что вытащил изпод мышки конверт (чуть ли не больше его самого) и с важным видом вручил его Головастику.

— Герцогине, — величественно произнес он. — От Королевы. Приглашение на вечерний крокет.

Швейцар-Головастик с тем же величественным видом повторил все слово в слово, только немного не в том порядке:

— От Королевы. Герцогине. Приглашение на вечерний крокет.

Затем оба поклонились друг другу так низко, что их локоны чуть не перепутались.

Алисе почему-то стало до того смешно, что пришлось ей опять убежать подальше в лес, чтобы они не услышали, как она хохочет. А когда она, вволю насмеявшись, вернулась на прежнее место и отважилась снова выглянуть из-за куста, Карася уже не было, а Швейцар сидел на земле, у входа в дом, и бессмысленно таращился на небо.

Алиса робко подошла к двери и постучалась.

— Стучать нет никакого смысла, барышня, — сказал Швейцар. — По двум существенным причинам. Первое: я за дверью, и вы за дверью, и вдобавок мы оба снаружи. Второе: они там так шумят, что никто вашего стука не слышит. Не так ли?

Действительно, из дома доносился невероятный шум: кто-то без остановки ревел, кто-то (тоже без остановки) чихал, и в дополнение то и дело раздавался страшный треск и звон, словно там изо всех сил били посуду.

— Извините, а как же мне тогда попасть в дом? — спросила Алиса.

— Кое-какой смысл стучать мог бы еще быть, — продолжал Швейцар-Головастик, не обращая ни малейшего внимания на вопрос Али-

сы,— если бы эта дверь нас разделяла. Пример: вы, барышня, находитесь в доме. Я нахожусь здесь. Вы стучите. Я отворяю вам дверь. Вы выходите. И вот вы тоже снаружи. Не так ли?

Все это время он не отрываясь глядел в небо, и Алиса решила, что он ужасный невежа.

«Хотя, может быть, он не виноват,— тут же подумала она,— просто у него глаза так устроены: сидят, честное слово, на самой макушке! Да, но хоть на вопросы-то он мог бы отвечать!»

— Как же мне попасть в дом? — повторила она погромче.

— Возможно, я просижу здесь,— продолжал Швейцар,— до завтра.

В этот момент дверь дома отворилась, и большое блюдо полетело прямо Швейцару в голову; ему еще сильно повезло: оно лишь слегка мазнуло его по носу и, попав в дерево за его спиной, разлетелось вдребезги.

— ...или, возможно, до послезавтра,— про-

«Да что с ним говорить! — подумала отчаявшаяся Алиса.— Это просто-напросто какой-то идиотик!»

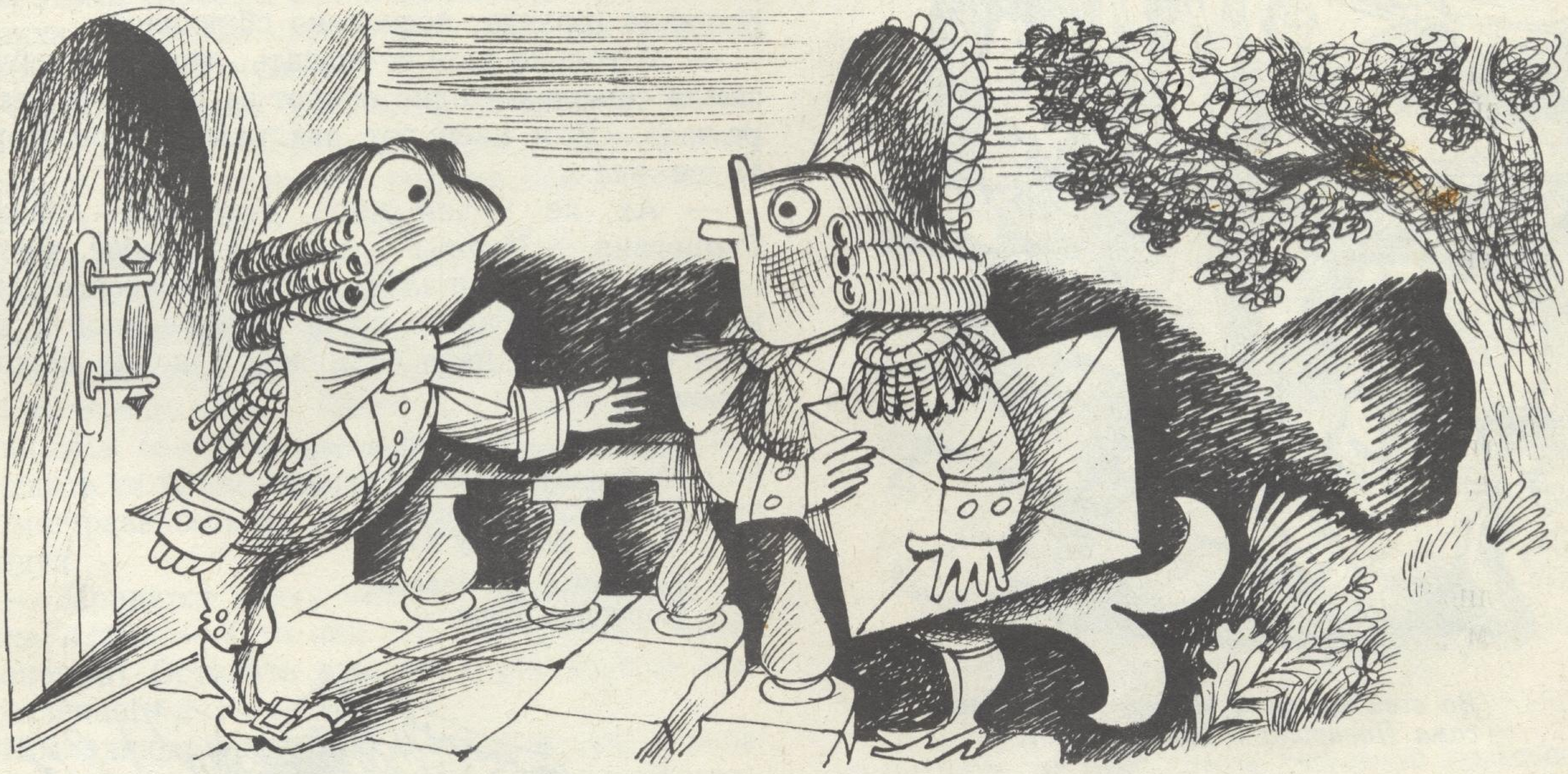
Она решительно распахнула дверь и вошла.

Дверь открывалась прямо в большую кухню.

Там стоял дым коромыслом; посреди на трехногой табуретке сидела Герцогиня и качала на коленях младенца; Повариха, согнувшись над плитой, что-то помешивала в большой кастрюле. Алисе показалось, что там варится суп.

«И-и-и-чхи! В этом — апчхи! — супе — чхи! — слишком много — а-а-а-пчхерцу!» — с трудом подумала Алиса: так она расчихалась в первую же минуту, как вошла.

Перцу действительно было слишком много, если и не в супе, то во всей кухне. Герцогиня — и та чихала довольно регулярно; а младенец вообще не делал перерывов: он либо чихал, либо ревел, и переставал реветь только для того, чтобы чихнуть. И наоборот.



Лакей Карась начал с того, что вытащил из-под мышки конверт.

должал Головастик как ни в чем не бывало,— а может быть...

— КАК МНЕ ПОПАСТЬ В ДОМ? — повторила Алиса уже совсем громко.

— А кто сказал, что вы вообще должны попасть в дом, барышня? — сказал Швейцар.— Начинать надо с этого вопроса, не так ли?

Так-то оно было, конечно, так, только Алиса не любила, когда с ней так говорили. «Прямо ужас, как вся эта живность любит спорить! — пробормотала она себе под нос.— С ума можно сойти!»

А Швейцар, судя по всему, решил, что настал самый подходящий момент, чтобы вернуться к своей любимой теме.

— Может быть, я так и буду сидеть здесь день за днем... День ото дня... Изо дня в день...— завел он.

— А что же мне делать? — спросила Алиса.

— Все, что хочешь! — ответил Швейцар-Головастик и стал что-то весело насвистывать.

Во всей кухне **не** чихали только двое: сама Повариха и большущий Кот,— он лежал у печки и улыбался во весь рот.

— Скажите, пожалуйста,— начала Алиса нерешительно (она была воспитанная девочка и потому не совсем уверена, прилично ли ей первой заговаривать со старшими),— почему ваш кот так улыбается?

— Это Чеширский Кот,— сказала Герцогиня,— вот почему. Поросенок!

Последнее слово она выпалила с такой яростью, что Алиса так и подскочила; но она тут же сообразила, что оно относится не к ней, а к младенцу, и, собравшись с духом, снова заговорила:

— Я не знала, что Чеширские Коты должны улыбаться. По правде говоря, я вообще не знала, что коты умеют улыбаться.

— Все они умеют,— сказала Герцогиня,— и большинство не упускает случая!

Во всей кухне не чихали только двое: сама Повариха и большой Кот.

— А я, представьте себе, ни одного такого не знала! — сказала Алиса весьма светским тоном. В глубине души она была в восторге, что сумела завязать такую интересную беседу с Герцогиней.

— Ты многого не знаешь, — категорически заявила Герцогиня, — это факт!

Такого рода замечание Алисе никак не могло понравиться, и ей сразу захотелось поговорить о чем-нибудь совсем-совсем другом. Но, пока она старалась найти более привлекательный предмет для беседы, Повариха сняла кастрюлю с плиты и, не теряя времени, взялась за другое дело. А именно: она стала швырять всем, чем ни попало, в Герцогиню с младенцем.

В первую очередь в них полетели кочерга, совок и щипцы для угля; затем градом посыпались сковородки, тарелки, чашки.

Правда, Герцогиня, казалось, ничего не замечала, даже когда в нее попадало кое-что, а ребеночек и без того так вопил, что никак нельзя было понять, ушибли его или нет.

Но Алиса была вне себя от ужаса.

— Пожалуйста, пожалуйста, перестаньте! — кричала она, прыгая на месте от волнения. — Ой, вот сейчас прямо в наш дорогой носик! — Это относилось к огромной сковородке, которая пролетела у ребеночка перед самым носом и чуть-чуть не прихватила упомянутый нос с собой.

— Если бы никто не совал носа в чужие дела, — проворчала Герцогиня, — мир завертелся бы куда быстрей, чем сейчас.

— Ну и что же тут хорошего? — с готовностью подхватила Алиса, обрадовавшись долгожданному случаю блеснуть своими познаниями. — Представляете, какая бы началась путаница? Никто бы не знал, когда день, когда ночь! Ведь тогда бы от вращения...

— Кстати об отвращении! — сказала Герцогиня. — Отвратительных девчонок казнят!

Алиса испуганно покосилась на Повариху, но, убедившись, что та, пропустив этот намек мимо ушей, вновь деловито помешивает свой суп, продолжала (правда, несколько сбивчиво):

— Я только хотела сказать, что если сейчас земля совершает один оборот за двадцать четыре часа... Или, наоборот, двадцать четыре оборота за час...

— Ах, не мучай меня, дорогая! — сказала Герцогиня. — Цифры — это мое слабое место!

И она снова принялась укачивать своего ребеночка, напевая нечто вроде колыбельной и изо всех сил встряхивая бедняжку в конце каждой строчки:

Малютку-сына — баю-бай! —
Прижми покрепче к сердцу
И никогда не забывай
Задать ребенку перцу!

Баюкай сына своего
Хорошею дубиной.

Увидишь, будет у него
Характер голубиный!

ПРИПЕВ
(его хором исполняли Повариха и младенец):

Уа-а! Уа-а! Уа-а!

А исполняя второй куплет этой странной колыбельной, Герцогиня так свирепо подбрасывала младенца, и несчастный малыш так отчаянно вопил, что Алиса разобрала только половину слов:

. . . .
Уж я-то деточку свою
Лелею, словно розу!
И я его баю-баю,
Как сидорову козу!

ПРИПЕВ
Уа-а! Уа-а! Уа-а!

— Держи! — крикнула Герцогиня Алисе и швырнула ей ребенка. — Можешь понянчиться с ним, если хочешь! Я должна переодеться к вечернему крокету у Королевы!

С этими словами она выбежала из кухни. Повариха запустила сковородой ей вдогонку, но немного промахнулась.

Алиса с трудом удержала малыша в руках. Он был какой-то странный. Руки и ноги у него торчали во все стороны, «прямо как у морской звезды», подумала Алиса.

Бедный крошка пыхтел, как паровоз, вырываясь от своей новой няньки. Он то складывался вдвое, то опять весь растопыривался; Алисе долго не удавалось взять его поудобнее.

Как только ей это, наконец, удалось (для чего пришлось завязать ребеночка узлом и крепко держать за правое ухо и левую пятку, чтобы он не мог развязаться), она вынесла его на свежий воздух.

— Придется взять малыша с собой, — подумала Алиса, — а то они его не сегодня-завтра укокошат! Оставить его тут — это просто преступление!

Последнюю фразу она сказала вслух, и ребенок хрюкнул в ответ (чихать он уже перестал).

— Не хрюкай, — сказала Алиса строго, — хрюкать неприлично, и никто тебя не поймет!

Малыш опять хрюкнул, и Алиса встревоженно заглянула ему в лицо.

Нос у него, правда, был что-то уж очень курносый, больше похожий на пятачок, чем на настоящий нос; да и глаза были что-то маловаты для нормального ребенка, и вообще Алисе не очень понравился его вид.

«А все-таки, может быть, он просто хныкал?» — подумала добрая девочка и опять заглянула ему в глаза, нет ли там слез.

Нет, слез не было и в помине.

— Смотри, мой дорогой, — строго сказала Алиса, — если ты решил вести себя по-свински, я с тобой не буду водиться! Заруби себе на носу.

Бедный малыш опять хныкнул (или хрюкнул, трудно было понять), и они двинулись дальше.

Алиса начала уже обдумывать, что она будет с ним делать, когда принесет его домой, как вдруг он снова хрюкнул, да так отчаянно, что она опять в испуге поглядела на него. И на этот раз уже не оставалось никаких сомнений: это был самый настоящий поросенок!

Разумеется, было бы совершенно нелепо тащить его дальше на руках; Алиса спустила малыша на землю и с облегчением увидела, что он преспокойно затрусил куда-то в лес.

«Ну что ж, ничего, — подумала она, — ведь из него мог выйти очень противный мальчишка. А так — получился симпатичный поросенок!»

И она стала вспоминать других знакомых детей, из которых могли бы выйти развеликолепные поросята, и уже говорила про себя: «Вот бы только узнать такое средство, чтобы превратить их...» — как вдруг она вздрогнула и остановилась.

В нескольких шагах от нее на ветке какого-то дерева сидел Чеширский Кот.

Кот тоже заметил Алису и только улыбнулся.

«На вид он незлой», — подумала Алиса.

И правда, вид у Кота был добродушный, но только уж очень длинные когти и зубов полон рот — все это внушало почтение.

— Из него мог выйти очень противный мальчишка.

— Чеширский Кискин, — заговорила Алиса несмело: она не знала, понравится ли ему такое обращение. Кот в ответ улыбнулся еще шире.

«Значит, не сердится», — подумала Алиса и продолжала:

— Скажите, пожалуйста, куда мне отсюда идти?

— Это во многом зависит от того, куда ты хочешь прийти, — ответил Кот.

— Да мне почти все равно, — начала Алиса.

— Тогда все равно, куда идти, — сказал Кот.

— ...лишь бы попасть куда-нибудь, — пояснила Алиса.

— Не беспокойся, **куда-нибудь** ты обязательно попадешь, — сказал Кот, — конечно, если не остановишься на полпути.

Алиса почувствовала, что спорить тут не приходится, и решила подойти к вопросу с другой стороны.

— Скажите, а кто тут кругом живет? — спросила она.

А вы знаете, кто такие Чеширские коты? Одни ученые говорят, что Чеширский кот — это сыр. В старину в Англии был сорт сыра в виде улыбающейся кошачьей головы. А другие говорят, что это леопард, который был нарисован в Англии на какой-то вывеске. По-моему, кот все-таки больше похож на леопарда, чем на сыр. Хотя я могу и ошибиться.

— В этой стороне, — Кот помахал в воздухе правой лапой, — живет некто Шляпа. А в этой стороне, — и он помахал в воздухе левой лапой, — живет Очумелый Заяц. Очумел в марте. Навести, кого хочешь. Оба ненормальные.

— Зачем это я пойду к ненормальным? — пролепетала Алиса. — Я их...

— Видишь ли, этого все равно не избежать, — сказал Кот, — ведь мы тут все ненормальные. Я ненормальный. Ты ненормальная.

— А почему вы знаете, что я ненормальная? — спросила Алиса.

— Потому что ты тут, — сказал Кот. — Иначе бы ты сюда не попала.

Хотя такой ответ не устраивал Алису, она не могла удержаться от дальнейших расспросов.

— А почему вы знаете, что вы ненормальный? — спросила она.

— Начнем с собаки, — сказал Кот. — Возьмем нормальную собаку, не бешеную. Согласна?

— Конечно! — сказала Алиса.

— Итак, — продолжал Кот, — нормальная собака рычит, когда сердится, и виляет хвостом, когда радуется. А я? Я ворчу, когда мне приятно, и виляю хвостом, когда злюсь.

— Разве вы ворчите? По-моему, это называется мурлыкать — сказала Алиса.

— Пусть называется как угодно, — сказал Кот. — Ты будешь на крокете у Королевы?

— Ой, я бы очень хотела, — сказала Алиса, — да только меня что-то еще не приглашали.

— Значит, до вечера, — сказал Кот и исчез.

Не сказать, чтобы Алиса так уж сильно этому удивилась: она уже привыкла ко всяким чудесам, — но все-таки она долго не могла отвести глаз от ветки, на которой только что сидел Кот.

Как вдруг он появился снова.

— Кстати, чуть не забыл спросить, — сказал он, — что же случилось с тем ребенком?

— Он стал поросенком, — ответила Алиса.

— Так я и думал, — сказал Кот и исчез.

Алиса подождала немного, втайне надеясь, что он снова появится, но Кота все не было, и она пошла в ту сторону, где, по словам Кота, жил Очумелый Заяц.

«Шляпы я и раньше видела, — думала она, — а Заяц, конечно, намного интереснее! А потом ведь сейчас май месяц, а не март — может, он уже поправился, стал нормальный...»

Тут она подняла глаза. Перед ней на ветке опять сидел Кот.

— Как ты сказала: «поросенком» или «карасенком»? — с живым интересом спросил он.

— Я сказала «поросенком», — отвечала Алиса, — и можно вас попросить не исчезать и не появляться все время так внезапно, а то у меня прямо голова кружится!

— Договорились, — сказал Кот, и на этот раз действительно стал исчезать по частям, не спеша: сначала пропал кончик хвоста, а потом, постепенно, все остальное; наконец, осталась только одна улыбка — сам Кот исчез, а она еще держалась в воздухе.

«Вот это да! — подумала Алиса. — Кот с улыбкой — и то редкость, но уж улыбка без кота — это просто чудо-юдо!»

Очень скоро показался невдалеке дом Очумелого Зайца. Трубы на нем были в виде заячьих ушей, а крыша покрыта заячьим мехом, так что Алиса сразу догадалась, что это тот самый дом.

Дом был такой большой, что она побоялась так подойти к нему — сперва она съела немножко гриба из ЭТОЙ руки и стала раза в два побольше. Да и то она сильно замедлила шаги.

«А вдруг он все-таки бешеный, — думала она, — пожалуй, лучше мне было **пойти к** Шляпе!»

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

К 75-ЛЕТИЮ В. П. КАТАЕВА

КАК Я УЧИЛСЯ в 5-й Одесской ГИМНАЗИИ

Валентин Петрович Катаев.

Все сидели и скучали. Разговор постепенно увядал. И вдруг кто-то задал вопрос, который словно бы подлил керосину в угасающий костер. Вопрос был такой:

— Если бы вам предложили разделить всех людей по какому-нибудь одному признаку, какой признак стал бы для вас решающим?

Сразу оказалось, что у каждого было на этот счет свое, особое мнение. Один сказал, что он всех людей разделил бы на смелых и трусливых. Другой — на умных и глупых. Третий — на тех, кто любит животных, и на тех, кто к ним равнодушен...

Самый оригинальный принцип разделения человечества предложил писатель Юрий Карлович Олеша.

— Всех людей, — сказал он, — я давно уже делю на тех, кто учился в 5-й Одесской классической гимназии, и на тех, кто в ней никогда не учился.

Это, конечно, была шутка. Но шутка довольно грустная. Сколько их всего осталось на земле — бывших учеников 5-й Одесской гимназии? Человек, может быть, шесть или семь, не больше!

Шутка говорила о старости, об одиночестве, о том, что среди «племени младого, незнакомого» он, Олеша, чувствует себя чуть ли не человеком другой эпохи.

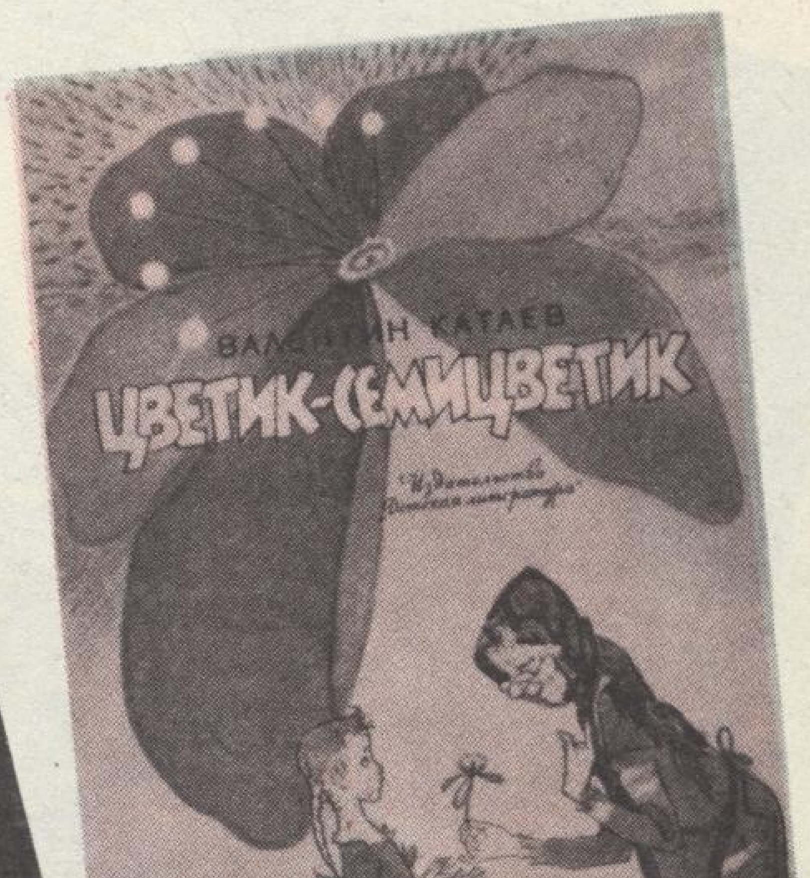
Но вот что удивительно! Едва только я представил себе, что мир в самом деле разделился по этому странному признаку на две неравные части, как мне сразу же стало ясно, что я окажусь в числе тех, кто некогда учился в 5-й Одесской гимназии.

Это было совершенно невероятно хотя бы потому, что я родился в советское время, когда никаких гимназий уже не существовало. И тем не менее я очень ясно, до мельчайших подробностей помню тот день, когда я выдержал вступительный экзамен и меня приняли в приготовительный класс. Помню, как мне покупали гимназическую фуражку с гербом. Герб состоял из двух скрещенных колючих веточек с вензелем Одесской 5-й гимназии между ними: «О.5.Г.». У фуражки этой был кожаный, блестящий лакированный козырек, а внутри у нее был тонкий стальной обруч, распирающий дно. Его можно было вынимать и вкладывать обратно. Кроме того, внутри фуражки имелась черная сатиновая подкладка с напечатанной золотом подписью: «Бр. Гуральник». Если эту подкладку немножко отодрать, за нее можно было прятать разные мелкие вещи — ни за что никто не найдет!

Странное дело! Эту фуражку, которую я не то что в руках не держал, но даже и видеть-то не мог, я помню гораздо лучше, чем все головные уборы, когда-либо побывавшие у меня в моей реальной жизни.

Может быть, все дело тут в том, что с ЭТОЙ фуражкой у меня связаны совсем особые воспоминания...

...Была поздняя осень 1905 года. Уже третий день в городе стреляли. Улица была оцеплена войсками и полицией. Там, в одном из домов этой оцепленной улицы, находился штаб боевиков. Они отстреливались. С каждым часом все теснее сжималось кольцо. У восставших уже кончались патроны. Во что бы то ни стало надо было пробраться туда, к ним, и передать им мешочки с патронами. В этих маленьких тяжелых мешочках таилась жизнь и свобода многих людей. Но во всем городе не

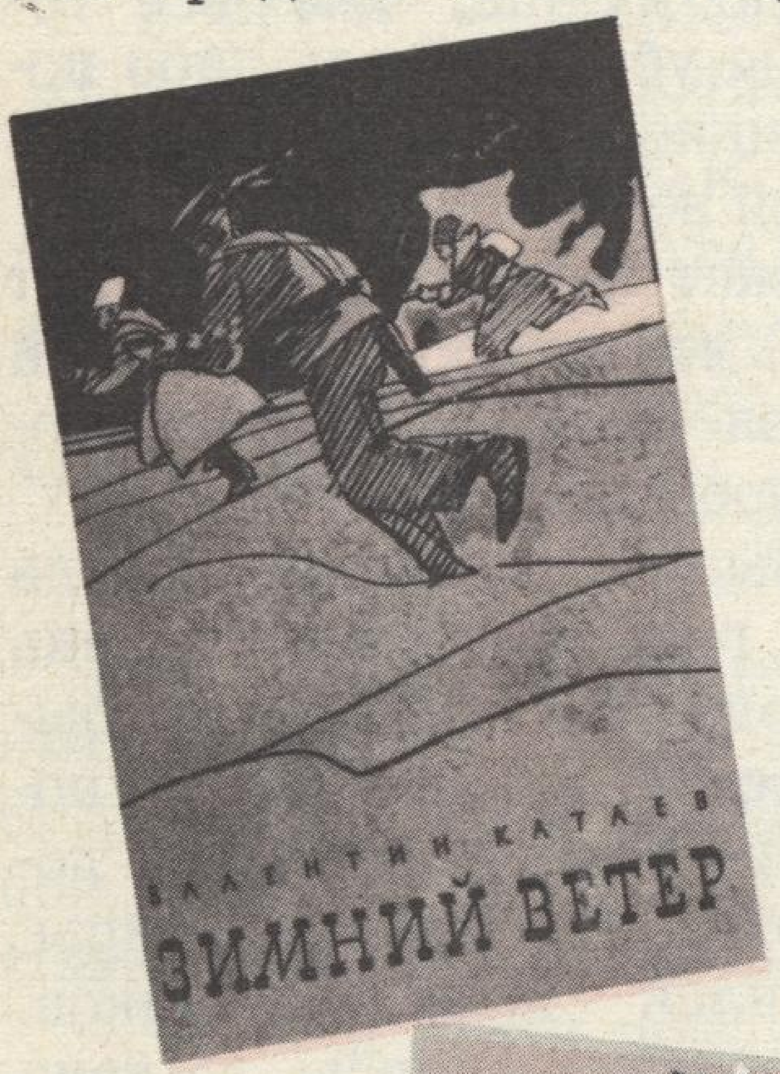


нашлось бы человека, который смог бы пробраться сквозь оцепление.

Маленький гимназист-приготовишка в длинной шинели, сшитой на вырост, с телячьим ранцем за плечами подошел к начальнику заставы и, размазывая слезы по замурзанным щекам, умоляюще заныл:

— Господин офицер, пожалуйста, пропустите, я живу тут недалеко, на Александровском проспекте, в большом сером доме, мама очень беспокоится: наверное, думает, что меня убили...

Офицер имел строжайший приказ никого не пропускать в подозрительный район. Но все дело решила гимназическая фуражка с серебряным гербом и вензелем «О.5.Г.». Она придавала мальчику такой простодушный и приличный вид. Разве мог офицер заподозрить, какой груз был спрятан в телячьем ранце, оттягивавшем плечи маленького гимназиста!..



Разумеется, не я был этим гимназистом. Все это случилось задолго до моего рождения — в городе, в котором я ни разу в жизни не бывал, даже проездом. Случилось не со мной, а с мальчиком, которого звали Петя Бачей — героем повести Валентина Катаева «Белеет парус одинокий». Просто однажды в детстве я прочел эту книгу, и вот с тех пор не могу отделаться от обманчивого впечатления, что все, что случилось с ее героем, было и в моей жизни.

До встречи с этой книгой я прочел много других. Я глотал приключенческие романы и повести, торопился, судорожно листал страницу за страницей, движимый только одним желанием: скорее узнать, что дальше, чем кончится, окажется герой победителем или побежденным! Дочитав до конца и убедившись, что с героем все в порядке, я отбрасывал книгу в сторону, чтобы никогда больше к ней не возвращаться. Впрочем, иногда я возвращался к ней. Но лишь потому, что по прошествии каких-нибудь нескольких месяцев я уже успевал напрочь позабыть, чем там все кончилось у ее героя.

С книгой Катаева все было совсем иначе. Едва успев дочитать ее до конца, я начал читать и перечитывать ее снова и снова. А потом я открыл для себя еще одну особенность этой книги: ее можно было раскрыть и начать читать на любой странице. Потому что удовольствие, получаемое от чтения, состояло тут совсем не в том, чтобы узнать, «чем кончится». Главное удовольствие состояло в чем-то другом — в том, чтобы еще раз окунуться в ту жизнь, которой жили ее герои, пожить вместе с ними этой их упоительной жизнью.

Позже я понял, что в этом-то как раз и состоит чудо настоящей литературы. Настоящий писатель какими-то, одному ему подвластными средствами заставляет тебя испытывать те чувства, которые испытывал он, заставляет тебя ощутить и пережить их как твои собственные. В результате обстоятельства и события, описанные в книге, входят в твое сознание как часть твоего собственного жизненного опыта, становятся как бы страничкой твоей биографии

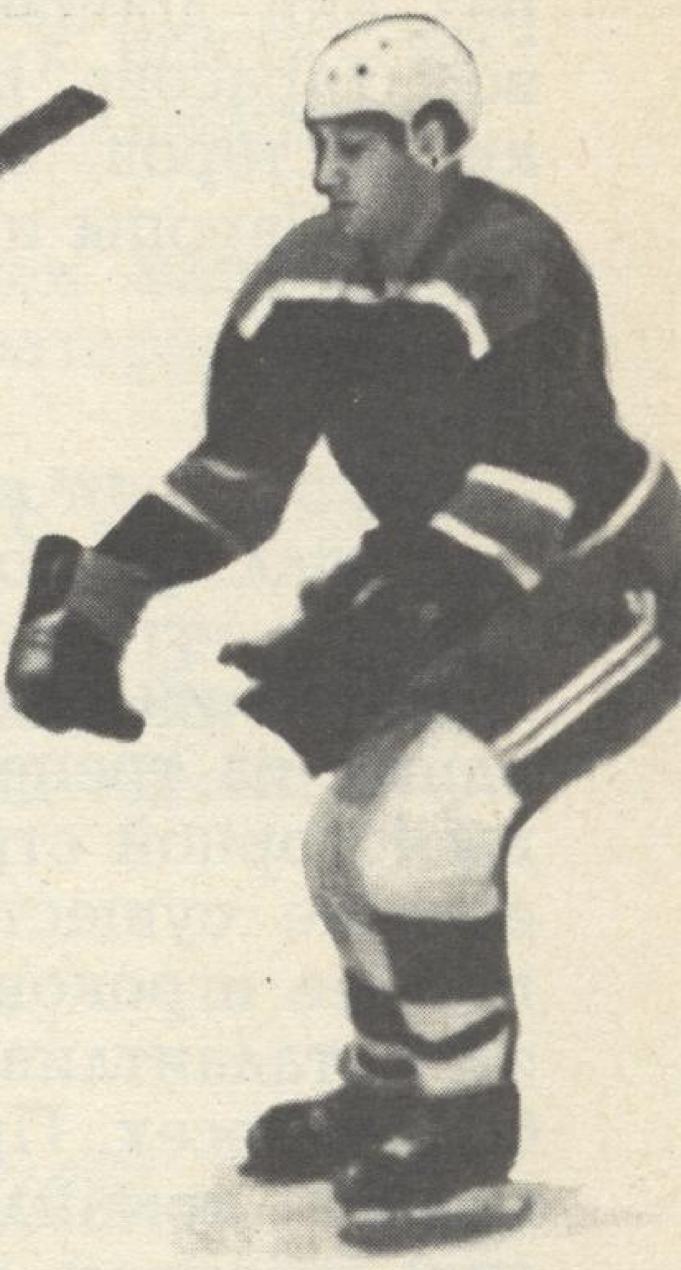
С. Я. Маршак однажды — уже в глубокой старости — с удивлением заметил:

— Почему-то детство, которое продолжается всего каких-нибудь полтора десятка лет, кажется половиной жизни.

Человеку трудно расставаться со своим детством. Вероятно, именно по этой причине Валентин Катаев не мог расстаться с героями своей повести «Белеет парус одинокий». Маленькие герои этой повести — Петя и Гаврик — продолжали жить в других его повестях: «Электрическая машина», «Хуторок в степи». И даже в самых последних произведениях Катаева то и дело снова появляется маленький гимназист в сшитой на вырост шинели, с телячьим ранцем за плечами, в фуражке с серебряным гербом и вензелем «О.5.Г.».

Валентину Петровичу Катаеву исполнилось 75 лет. Это довольно много. Но если бы он вздумал повторить сегодня старую шутку своего друга и сверстника Юрия Олеши, мы не почувствовали бы в ней горечи. Потому что все люди, читавшие книги Катаева, могли бы, ничуть не покривив душой, сказать, что они тоже принадлежат к той, вероятно, меньшей, но все-таки довольно многочисленной части человечества, которая вместе с ним училась в 5-й Одесской гимназии.

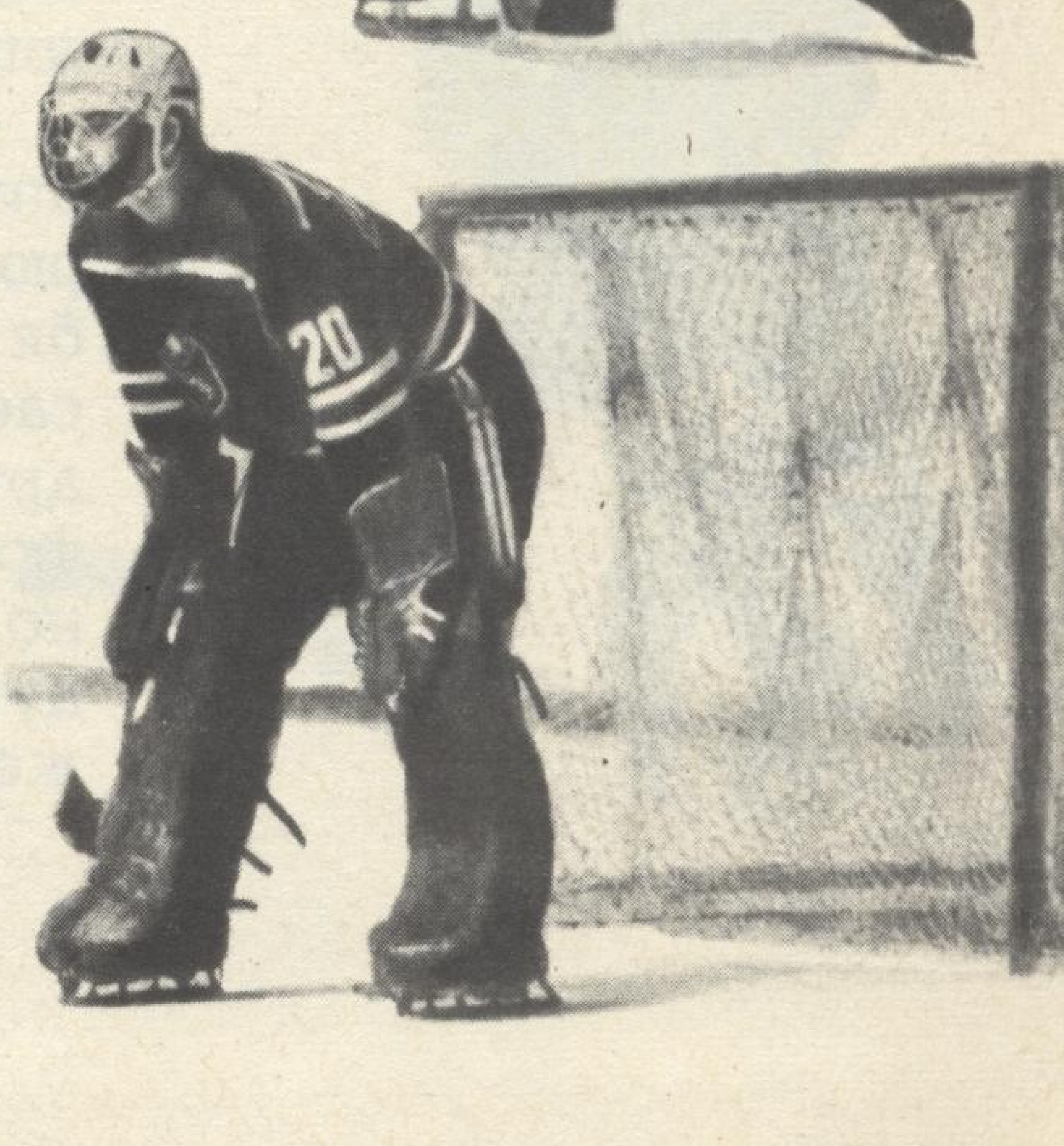
Б. САРНОВ



Олег СПАССКИЙ
Фото А. БОЧИНИНА

«Мистер Хоккей»

22 декабря 1946 года был сыгран первый матч первого чемпионата СССР по хоккею, и с того дня судьба Анатолия Владимировича Тарасова связана с этой самой динамичной игрой нашего времени.



В хоккее — вся его жизнь. Недаром журналисты называют его «Мистер Хоккей».

Шестнадцать раз становились чемпионами страны хоккеисты ЦСКА, и пятнадцать раз они добивались успеха под руководством Тарасова. В его команде выросли десятки мастеров, среди них немало чемпионов мира, Европы и Олимпийских игр.

Тарасов играет

Анатолий Владимирович был не только одним из тренеров сборной команды Москвы (сборной страны в то время, в 1948 году, еще не существовало), но и одним из лучших ее игроков. В первом чемпионате СССР этот талантливый форвард забросил шайб больше всех. Приезжавшие к нам тогда хоккеисты команды «ЛТЦ-Прага» (Чехословакия) говорили, что в сборной Москвы своим мастерством выделяются три спортсмена: Всеволод Бобров, Всеволод Блинков, Анатолий Тарасов.

Это был великолепный центр-форвард. Быстрый, техничный, сильный, умеющий предугадать, как будут развиваться события на ледяной площадке. Он точно знал, как сыграют в той или иной ситуации его партнеры: крайние нападающие Евгений Бабич и Всеволод Бобров. Любители хоккея до сих пор помнят остроумные, математически выверенные пасы Тарасова, решающие шайбы, заброшенные им в ворота соперников.

Тарасов тренирует

Кажется, ему известны все пути к победе. И все-таки он и сейчас напряженно ищет возможности усилить игру своей команды.

— Мало обыгрывать всех соперников,— говорит тренер,— нужно опережать самих себя. Сегодня играть лучше, чем вчера, а завтра быть сильнее, чем сегодня.

Как-то Тарасов разговорился со своим учеником, знаменитым нападающим:

— У тебя хороший бросок, не спорю. Но хвалить тебя не могу. Ты бросаешь так же, как и другие ведущие форварды. А нужно иначе... Как будут бросать, скажем, через три года. Не только сильно и точно, но и более скрытно, внезапно... Нельзя останавливаться на том, что уже получается...

Знаменитый тренер живет хоккеем, и он вправе требовать, чтобы и его питомцы постоянно думали о хоккее.

Анатолий Фирсов рассказывал о нескольких эпизодах, в которых ярко проявился характер Тарасова.

Однажды они собирали в лесу грибы. Фирсов наклонился, чтобы срезать гриб, и вдруг услышал:

— Стоп!.. Разве хоккеисты так собирают грибы?! Опустись на одно колено, как будто собираешься ловить шайбу... Вот-вот, теперь правильно... Не упускай возможности потренироваться...

Другой случай. Хоккеисты пошли в кино.

— Владик! А мяч?..—тревожно спрашивает Анатолий Владимирович.

Третьяк, молодой вратарь ЦСКА, раскрывает руку: в ладони — тугой теннисный мячик.

По мнению тренера, вратарь не должен расставаться с этим маленьким мячом и при каждом удобном случае мять, сжимать его, развивая силу и упругость пальцев.

Тарасов приглашает новичка

Однажды я спросил у Анатолия Владимировича, как он угадывает талант в парнишке, только-только вступившем в большой спорт, на что обращает внимание: на скорость молодого хоккеиста? На силу и точность броска, на техническую оснащенность?.. Или на умение видеть поле?.. Может быть, на тонкий неожиданный пас? На смелость, настойчивость?..

Мой собеседник неопределенно покачал головой:

— Все это так, все важно... Конечно, важно. Однако... Видя парня только в игре, я не рискну предсказать его будущее. А вот если парень потренируется в нашей команде, если я понаблюдаю за ним на учебно-тренировочных занятиях, тогда другое дело. Напряженная творческая тренировка дает хоккеисту и тренеру больше, чем самый трудный и ответственный матч. За два часа урока спортсмен узнает и освоит столько, сколько не дадут ему и три-четыре игры...

Тарасов советует

Днем рождения «Золотой шайбы» считается 8 декабря 1964 года, когда «Пионерка» объявила об открытии нового всесоюзного спортивного клуба. С того дня прошло семь

лет, и все эти годы «Золотую шайбу» возглавляет «пионерский президент» Анатолий Владимирович Тарасов.

Я хочу здесь привести только несколько советов президента:

...Техникой овладевают в скоростном катании. Не отчаивайтесь, если какой-нибудь прием не получается. Скорость создает трудности, но она и поможет их преодолеть, когда станет привычной для вас.

...Если ты завладел шайбой, держи корпус так, чтобы за твоей спиной было как можно меньше своих и чужих игроков, которых ты не видишь.

Научись мужественно выдерживать толчки, захваты соперников, в единоборстве старайся сам быть активным, взять инициативу в свои руки.

...Трудолюбие — верный путь к успеху. Стремительный бег, искусное маневрирование, быстрота реакции — все эти качества, необходимые хоккеисту, совершенствуются и оттачиваются во время напряженных тренировок.

Тарасов не любит хоккеистов, которые не устают в матче:

— Почему ты такой свежий? Почему у тебя остались силы после трудного матча?.. Значит, кто-то старался за тебя! Значит, хочешь спрятаться за спиной товарища!..

...Без товарищеской помощи к мастерству не придешь. Когда указывают на твои ошибки, не обижайся, старайся скорее исправить их, чтобы они не мешали игре команды.

...Как бы ты и твоя команда ни стремились к победе, никогда не проявляйте грубости, жестокости к противнику. Соблюдайте законы спортивной солидарности.

Тарасов был одним из лучших игроков сборной команды Москвы. Вы видите на снимке острый момент атаки. Тарасов — в центре. Он только что совершил бросок по воротам соперника и даже не устоял на коньках.

Тарасов отдыхает

Однажды мы проводили отпуск вместе в Крыму.

— Приходи завтра утром к шести часам,— сказал мне Анатолий Владимирович.

Я пришел в условленный час.

На теннисном корте уже шел напряженный матч. Тарасов играл с вратарем ЦСКА Николаем Толстиковым.

Через час оба мокрые от пота прямо с корта пошли на пляж. Там Тарасов предложил своему подопечному потаскать громадные камни вместо штанги для развития мышц спины. И сам поднял огромный камень.

Так начался день отдыха...

Тарасов мечтает

Он думает о завтрашнем дне хоккея. Думает о ребятах, которые рвутся в большой спорт. Беспокоится, чтобы не упустили, не прозевали талант.

Анатолий Владимирович считает, что надо работать и с совсем маленькими детьми, с пяти-шестилетними ребятишками.

— Я видел в Канаде хоккеистов трех-четырех лет. Там начинают рано. А почему бы и нам не попробовать?

Пяти-шестилетние вратари, защитники и нападающие будут с первых же шагов усваивать главные игровые принципы нашей команды и тренироваться так же, как и наши мастера, но нагрузки, конечно, будут с поправкой на возраст.

И, конечно, ребята будут учиться обслуживать себя: помогать заливать каток, готовить снаряжение для игры, убирать помещение. Все это должен уметь настоящий хоккеист.

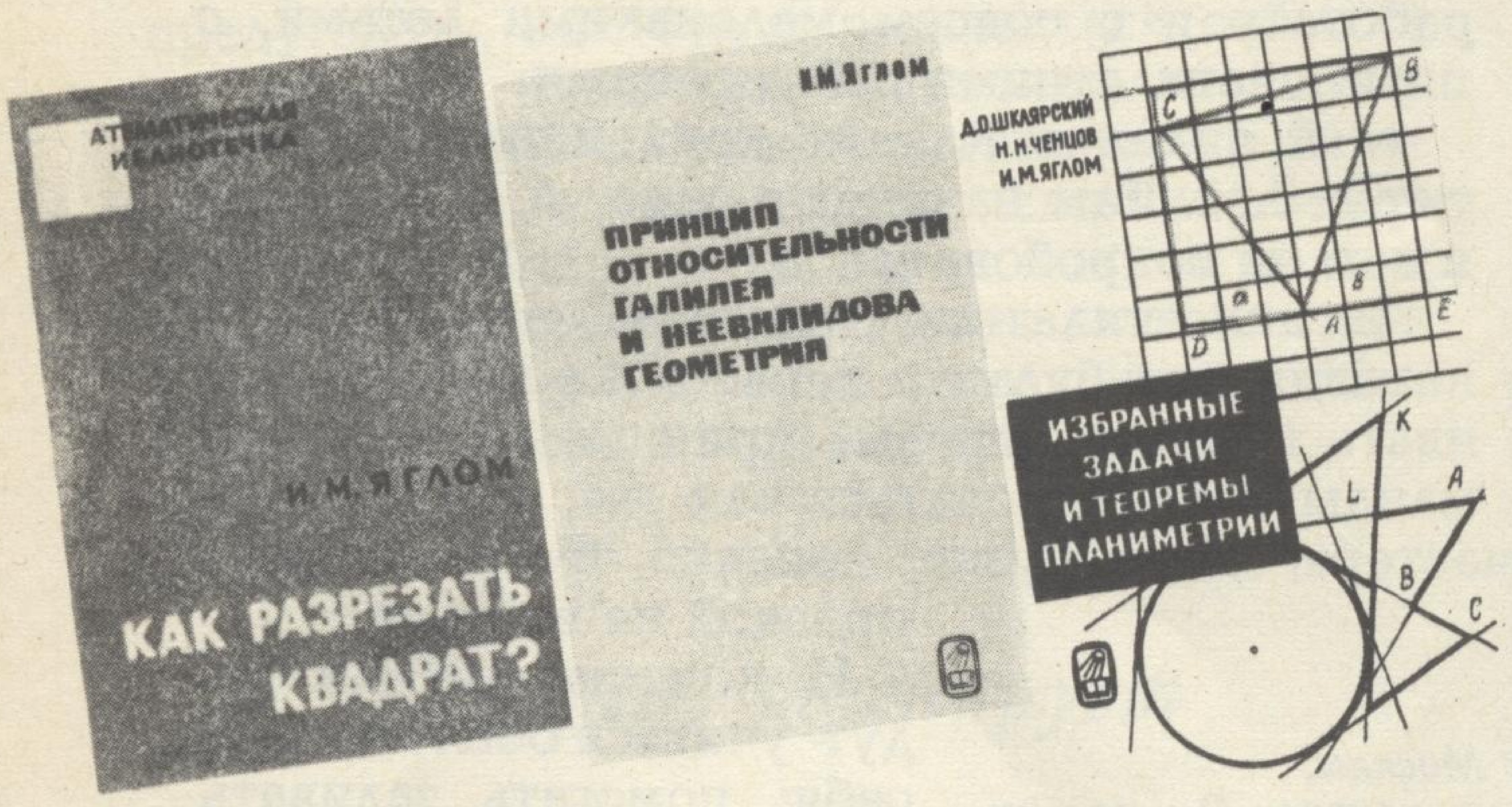
РЕШАЙТЕ ЗАДАЧИ!

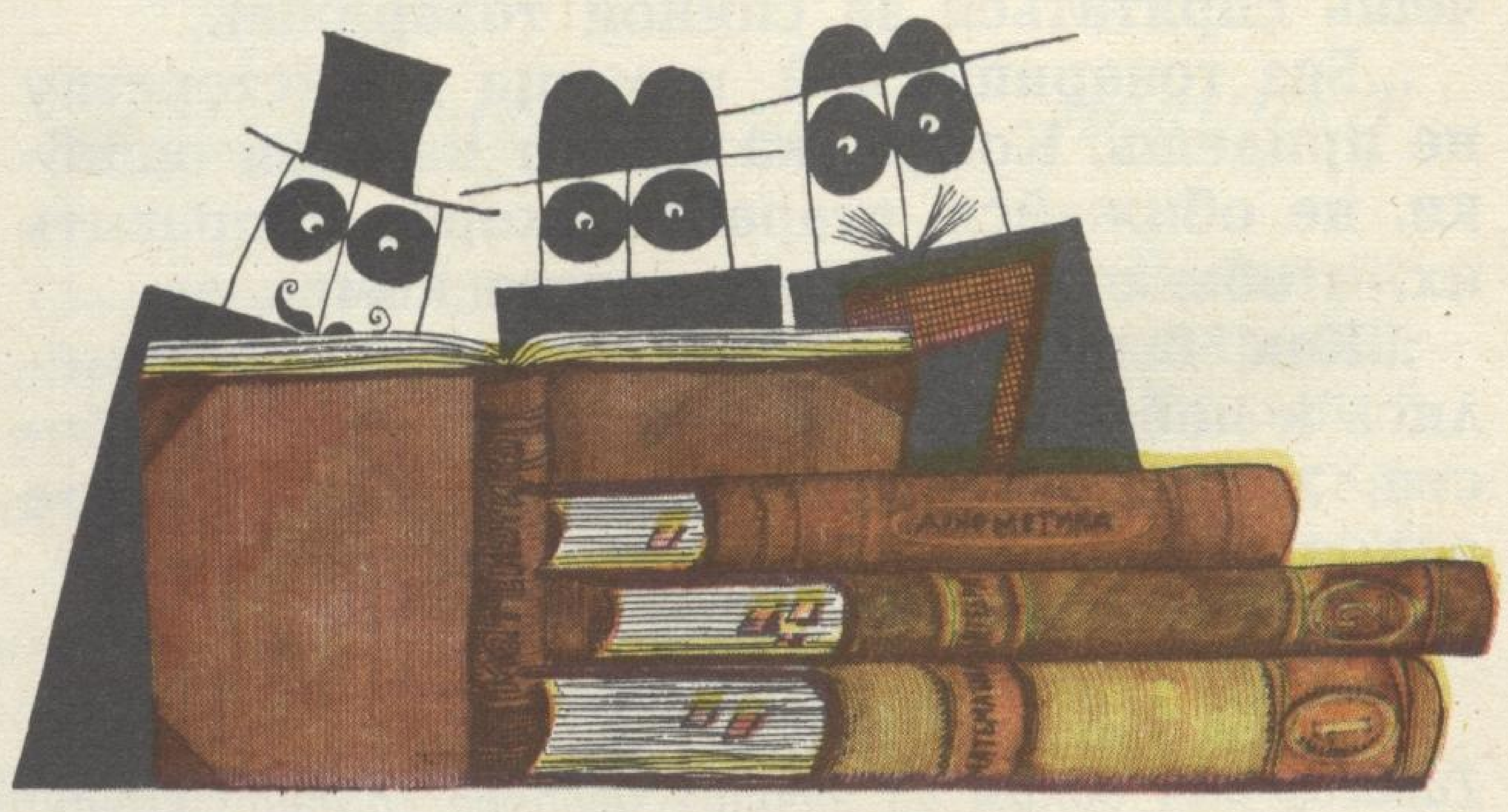
«Библиотека математического кружка» — так называется серия книг, известных всем любителям математики. Пока вышло двенадцать книг этой серии — и на обложке девяти из них стоит имя профессора Исаака Моисеевича Яглома. Наш корреспондент А. Орлов пришел к профессору Яглому, рассказал ему о Трех Неизвестных, о наших олимпиадах и попросил ответить на несколько вопросов.

— Некоторые школьники читают толстые книги по математике, изучают учебники для вузов. Стоит ли это делать?

Чтение книг требует большой зрелости. Я считаю, что гораздо больше дает решение задач. Вот почему почти все мои книги построены, как сборники задач, иногда с обширными комментариями. Школьнику, на мой взгляд, гораздо важнее приобрести навыки самостоятельной работы, чем готовые знания. А если ты решил прочитать книгу по математике, то и тогда все время решай задачи, проверяй, понимаешь ли, что читаешь.

Заниматься лучше не одному, а в компании. Всегда приятно, когда есть возможность поговорить, поспорить. Если ты решил интересную задачу, расскажи ее решение товарищу, может быть, он найдет у тебя ошибки. Не беги к учителю с каждым новым вопросом, попробуй сперва разобраться в нем сам.





— Сколько лет ребята учатся в школе, столько лет изучают они математику. Можно ли сравнить эту школьную математику с азбукой — не усвоишь ее, не поймешь всей остальной математики?

Каждому человеку, кем бы он впоследствии ни стал, необходимо изучить язык математики — универсальный язык всех наук. В него входят терминология, система записи, обозначения и т. д. Сама запись: «Теорема. Дано... Требуется доказать...» дисциплинирует мысль, и понять смысл этой записи важнее, чем узнать любую теорему.

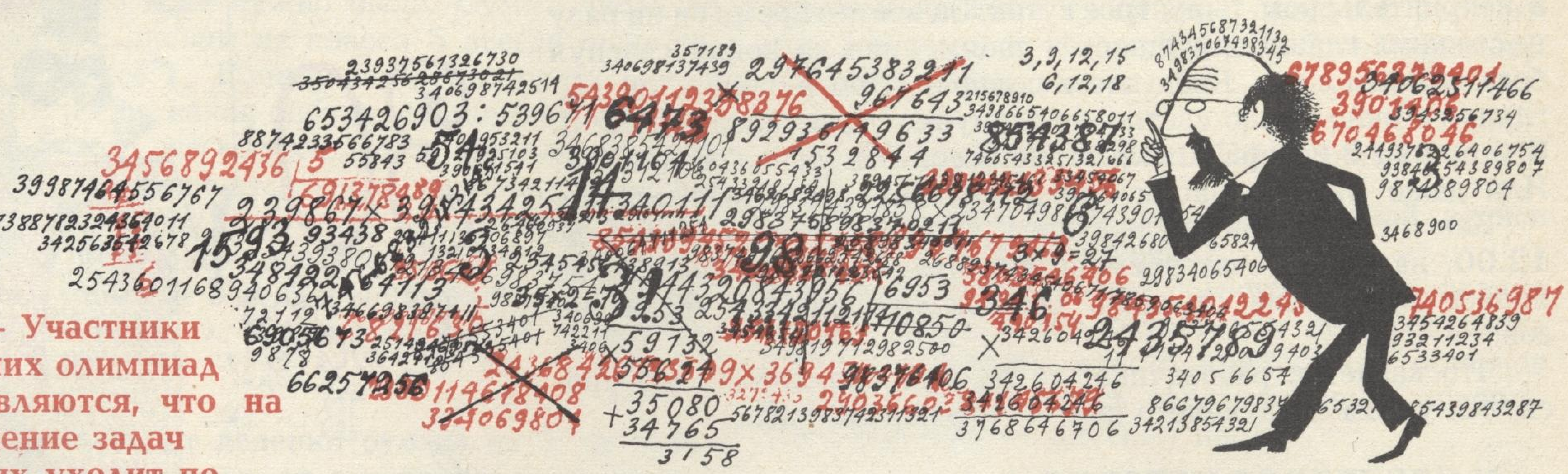
Это самое важное из того, что дает нам школьный курс. Причем здесь, как и в изучении иностранного языка, важно не упустить время: чем раньше познакомишься с новым языком (в данном случае языком математики), тем лучше. На мой взгляд, в 5—7-м классах вполне можно было бы рассказывать о простейших логических операциях и символах (вроде стрелки ⟶, обозначающей «следует») — ведь это важные элементы современного научного языка. Думаю, их можно изучить и самостоятельно. В старших классах, наоборот, проходят кое-что лишнее.

— В школе вводят новую программу по математике. Чем это вызвано?

За последнее время и в самой математике произошли огромные сдвиги и выросли ее связи с другими науками. А школьная математика этого не учитывала, она оставалась на прежнем уровне. Надо было приблизить уровень преподавания к требованиям жизни. В эпоху атомной энергии стало невозможно не говорить в школе об атомах. В эпоху кибернетики нельзя замалчивать понятие производной.

— Много ли нужно знать, кроме школьного курса, чтобы натолкнуться на нерешенные проблемы?

Совсем нет. Многие неисследованные области лежат совсем близко к школьной математике. Есть нерешенные проблемы в высшей арифметике (ее называют теорией чисел, и о ней рассказывается в этом номере журнала), в геометрии. Я собираюсь написать статью для «Пионера» о новой науке — комбинаторной геометрии. Она родилась всего лет пятнадцать назад, и истоки ее целиком лежат в области «школьной геометрии».



— Участники наших олимпиад удивляются, что на решение задач у них уходит по нескольку дней. Как вырабатывать умение работать? Что здесь главное? Выбрать задачу и за неделю, например, обязательно решить ее?

Лучше брать не одну, а больше задач, и на большее время, например, четыре задачи на месяц. Самое важное — не бросать задачу, если она не получается, продолжать возиться, пока не решишь. Не жалейте нескольких часов, дней или даже нескольких недель на одну задачу. И не бойтесь исписать многие страницы, решая одну задачу,— ученые математики иногда исписывают в поисках решения одной задачи десятки толстых тетрадей и тратят на решение задачи десятки лет.

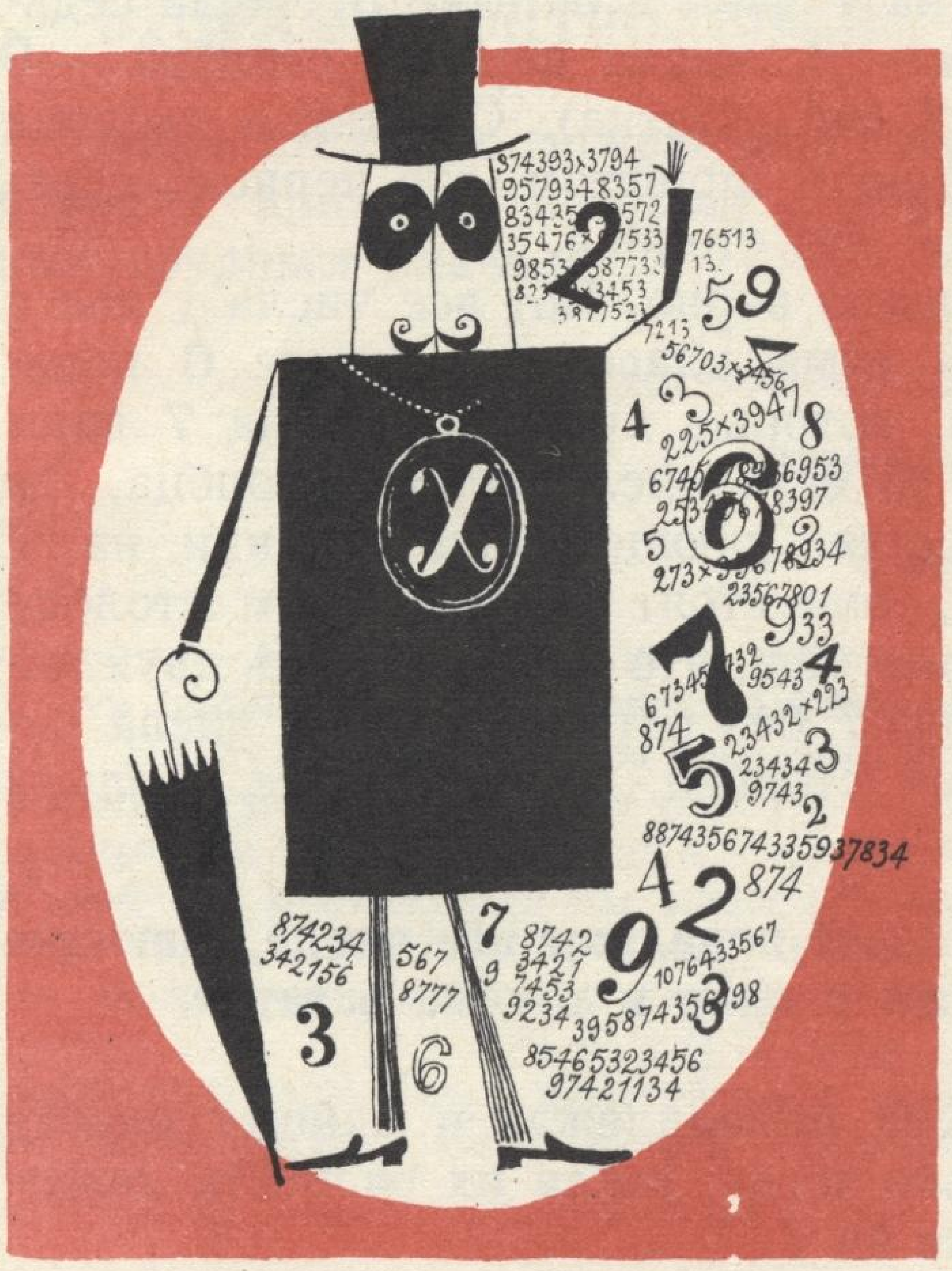
— А что вы посоветуете нашим «лягушатам»?

Тоже решать задачи. Для младших школьников есть хорошие книги Перельмана, Кордемского, полезны книги Левшина, «Мир чисел» Депмана.

— И последний вопрос: где взять хорошие задачи?

Книг с хорошими задачами много, но купить их не всегда можно. А вот журналы есть в любой библиотеке. Кроме «Пионера», советую обращаться к журналу для старшеклассников «Квант» и даже к «Математике в школе» (это журнал для учителей, но задачи там интересны и для ребят).

Знакомьтесь: высшая арифметика!



ИКС: Найдите-ка мне быстренько остаток от деления числа (7778х7779х7780х 7781х7782х7783) на 7!

ИГРЕК: Быстренько? Ну, знаете ли, здесь работы на два дня!

ИКС: Прекрасно! Тогда немного терпения, и я вас научу решать такие задачи в уме. Называются они вычислениями с остатками. Надо сказать, что без них не существовала бы такая серьезная математическая наука, как «высшая арифметика», да и в обычной жизни мы часто наталкиваемся на эти остатки...

ИКС рассказывает три истории

ВОТ ВАМ ПЕРВЫЙ ПРИМЕР. В коридоре висит счетчик. Взгляните на него — он показывает, предположим, **0729** киловатт-часов. А на самом деле, сколько энергии израсходовано с момента установки счетчика? **729** квтч? Или **10 729**? Или, может быть, **30 729**? По показателю счетчика этого не

определишь. Ведь после **9 999** на счетчике будет **0 000**, и счет начнется сначала. Счетчик так задуман, чтобы указывать не полный расход электроэнергии, а только остаток от деления израсходованного числа киловатт-часов на **10 000**.

ВСПОМИНАЕТСЯ МНЕ ПО ЭТОМУ СЛУЧАЮ И ДРУГОЙ РАССКАЗ. Наш разведчик, герой этого рассказа, провел в неприятельском тылу трое суток. За все это время он ни разу не сомкнул глаз. Вернувшись к своим, упал на койку и заснул богатырским сном. Было это в полночь. Проснувшись, он выглянул в окно. Было светло, но пасмурно. Часы показывали **8**. **8** утра или **8** вечера? Сколько же часов он проспал? **8** или **20**? Или даже **32**? По часам определить это было невозможно.

Как и счетчик в предыдущем примере, часы, дойдя до **12.00**, начинают счет времени сначала. Они и указывали не полное время сна, а лишь остаток от деления числа часов на **12**.

Что касается разведчика, то он выяснил потом, что проснулся утром следующего дня, — проспал **32** часа.

И ПОСЛЕДНЯЯ ИСТОРИЯ. Как вы знаете, я родился 30 января и в этом году свой день рождения отмечаю в воскресенье. Думаете, трудно определить, на какой день недели придется мой день рождения в следующем, **1973** году? Нет ничего легче. Если бы число дней в году делилось на 7, то я всегда бы отмечал свой день рождения в воскресенье. Но это не так. **1972** год — високосный, в нем **366** дней. Поделив **366** на **7**, получаем **52** полных недели и еще **2** дня в остатке. **30** января **1973** года — вторник. Как я это определил? А вот посмотрите.

НАЧНЁМ С СЕМЁРКИ 7

С этими словами Икс развернул перед нами вот такую таблицу:

0	1	2	3	4	5	6
7	8	9	10	11	12	13
14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27
28	29	30	31	32	33	34
35	36	37	38	39	40	41
42	43	44	45	46	47	48
49	50	51	52	53	54	55
56	57	58	59	60	61	62

таблица

— Ну-ка, определите, по какому принципу построена эта таблица? — спросил он.

— А что ж тут трудного? — ответил Игрек. — Все целые неотрицательные числа просто выписали подряд: в первой строке — первые семь, во второй — семь последующих и так далее — семерка за семеркой.

— А какие числа оказались в одном столбце?

— Тоже ясно, — сказал Игрек. — Соседние числа столбца отличаются на **7**, так что в третий слева столбец попали числа **9=2+7**, **16=9+7** и т. д. При делении на **7** все они дают в остатке **2**. Числа четвертого столбца при делении на **7** дают в остатке **3**, числа седьмого столбца — **6**, числа первого столбца — **0** (делятся на **7** без остатка). Остатки в таблице выделены жирным шрифтом, это первые, верхние числа каждого столбца.

— Совершенно верно. Вот все числа у нас и разбились на **семь классов**: в **класс 0** попали все числа, которые при делении на **7** дают в остатке **0**, то есть числа левого столбца, в **класс 1** — числа, дающие при делении на **7** в остатке **1**, они стоят в следующем столбце и т. д. Заметьте еще, что если разность двух чисел делится на **7** без остатка, то оба числа попадают в один столбец, в один класс. Делаем выводы:

1. В один класс попадают все числа, дающие при делении на 7 один и тот же остаток.

2. Два числа принадлежат к одному классу тогда, и только тогда, когда их разность делится без остатка на 7.

— А теперь я попрошу вас выбрать любое число класса 3 и прибавить к нему любое число класса 5. Где оказалась сумма? В классе 1, ведь верно, уважаемый Зет?

— Да, — ответил пораженный Зет. — Но как вы узнали? Я не говорил вам, какие я выбрал числа.

— А это и не нужно было. Сумма числа из класса 3 с числом из класса 5 всегда оказывается в классе 1. Почему так происходит? Очень просто. Если какое-нибудь слагаемое заменить числом того же класса, то и это слагаемое и вся сумма увеличатся или уменьшатся на несколько семерок, то есть останутся в том же классе. Мне было достаточно, не зная ваших чисел, сложить 3 и 5 и определить, что 8 попадает в класс 1. Проверьте это! А теперь делаем вывод:

3. Остаток от деления суммы на 7 не изменится, если одно из слагаемых (или каждое слагаемое) заменить другим числом того же класса.

ПЕРВАЯ КОНТРОЛЬНАЯ ЗАДАЧА

Попробуйте, не проводя обычных вычислений, с помощью таблицы найти остаток от деления на 7 следующей суммы:

$$8 + 79 + 780 + 7781 + 77782 + 777783.$$

— Рассмотрим теперь произведение нескольких, ну, скажем, трех чисел: А, В и С. Что произойдет, если в произведении АВС число А заменить другим числом того же класса: A_1? Так как A_1 отличается от А на число, кратное 7, то $A_1 = A + 7K$, значит, $A_1BC = (A + 7K)$, $BC = ABC + 7KBC$. Отсюда видно, что ABC и A_1BC принадлежат к одному классу (отличаются на число, кратное 7).

4. Остаток от деления произведения нескольких чисел на 7 не изменится, если один из сомножителей (или даже все сомножители) заменить числом того же класса.

ВТОРАЯ КОНТРОЛЬНАЯ ЗАДАЧА

Теперь вы смело можете вернуться к самому первому примеру, который показался вам таким трудным вначале.

То, о чем мы с вами говорили, можно было назвать «Арифметика остатков от деления на 7».

Все выводы останутся верными, если делитель 7 заменить любым другим натуральным делителем Д, большим единицы. Проверьте это! Конечно, в ваших рассуждениях вместо таблицы из семи столбцов придется рассмотреть таблицу, в которой Д столбцов (классов).

Теперь новые задачи.

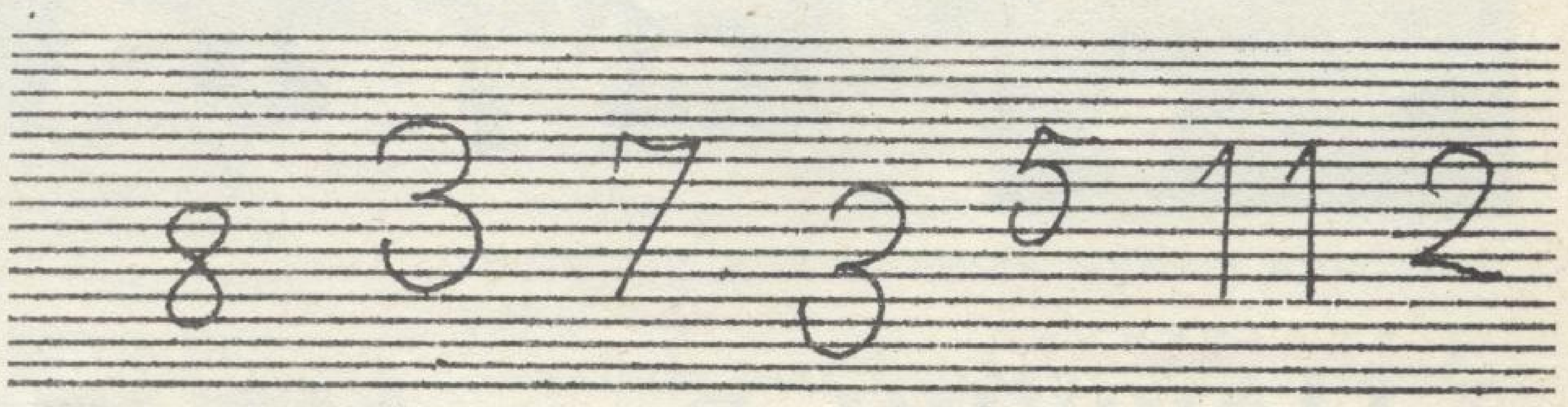
ТРЕТЬЯ КОНТРОЛЬНАЯ ЗАДАЧА

Какова последняя цифра десятичной записи числа 137 в сотой степени?

При решении полезно помнить, что последняя цифра числа — это остаток от деления числа на 10. Поэтому вместо арифметики остатков от деления на 7 здесь надо применить арифметику остатков от деления на 10.

ЧЕТВЕРТАЯ КОНТРОЛЬНАЯ ЗАДАЧА

1972 год начинается, как вы знаете, в субботу. Каким днем недели будет 1 января 2000 года?



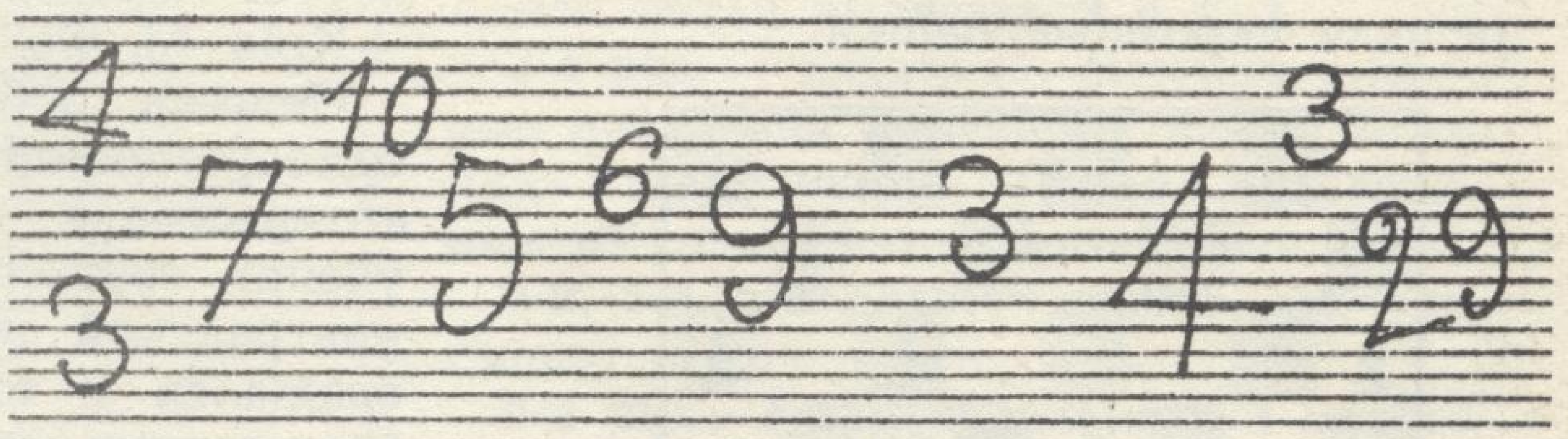
КОНКУРС ИКСА

1. Какой цифрой оканчивается

а) число 777^{777}?

б) Число 7 возвели в степень 7^7. Какова последняя цифра результата? От полученного числа отняли 4^{444}. Какова последняя цифра этого результата?

2. Найти остаток от деления числа 2^{1000} на 7.



НЕИЗВЕСТНЫЕ ОТКРЫВАЮТ СВОИ ТАЙНЫ

Решения контрольных задач

Первая. Остатки от деления слагаемых на 7 равны 1, 2, 3, 4, 5 и 6 (например, $777\,783 = 777\,777 + 6$).

Пользуясь выводом 3, получаем, что данная сумма при делении на 7 дает тот же остаток, что и число $1 + 2 + 3 + 4 + 5 + 6 = 21$, то есть делится на 7 без остатка.

Вторая. Пользуясь выводом 4, как и в предыдущей задаче, приходим к числу $1 \times 2 \times 3 \times 4 \times 5 \times 6 = 720$, которое при делении на 7 дает в остатке 6.

Третья. В арифметике остатков от деления на 10 число и его последняя цифра находятся в одном классе, поэтому при решении задачи надо следить лишь за последней цифрой произведений. Получим последовательно цифры 7, 9, 3, 1, 7, 9, 3, 1...

Периодически повторяется последовательность из четырех цифр: 7, 9, 3, 1. Ответ: 1.

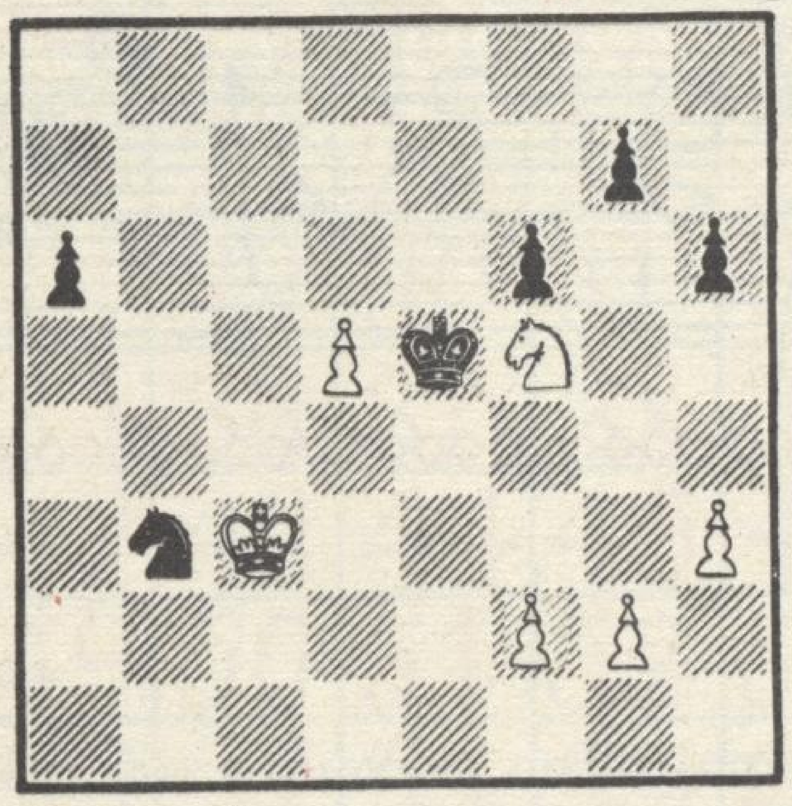
Четвертая. Невисокосный год — 52 недели и 1 день в остатке, високосный — 2 в остатке. Период из четырех лет даст $2 + 1 + 1 + 1 = 5$ дней в остатке. С 1 января 1972 года по 1 января 2000 года пройдет 28 лет (7 раз по 4 года), и остатки составят $5 \times 7 = 35$ дней, или 5 полных недель. Значит, 1 января 2000 года — суббота.

Видите, сколько болельщиков собралось вокруг Игоря Ковача, который бесстрашно сражался с мастером.

Пешкин в Ленинграде

Когда Пешкин узнал, что на шахматном первенстве Советского Союза играют пятнадцать гроссмейстеров и семь мастеров, он немедленно полетел в Ленинград.

И он не пожалел об этом. Много красивых партий увидел Пешкин. Особенно привлекали его те из них, в которых исход борьбы решали скромные пешки.



Вот, например, позиция, возникшая в партии гроссмейстеров Платонова и Крогиуса. Сейчас ход белых. Они могут взять конем пешку g7, но тогда черные уведут своего коня на а5, и выигрыш белых будет весьма сомнительным.

Платонов правильно оценил грозную силу своей пешки d5. Партия продолжалась так:

35. Кр:b3! Кр:f5 36. Крс4 а5 37. g4+Кре5 38. Крс5 а4 39. Кр:d6, и черные признали себя побежденными.

Почему? Ведь пешки одновременно прорывались в ферзи. Да, но после 39... а3 40. d7а2 41. d8 а1Ф новорожденный ферзь белых матует черного короля—42. Фе8+ +Крf4 43. Фе3 мат.

Пешкин побывал и на сеансе одновременной игры. Здесь его заинтересовала встреча, в которой ученик третьего класса 527-й ленинградской школы Игорь Ковач сражался с взрослым мастером. Болельщики окружили противников плотным кольцом, и Пешкину пришлось наблюдать матч издалека. И только когда Игорь добился победы, Пешкин встретился с ним. Они сидели и разбирали различные варианты.

К ним подошел незнакомец с длиннющими усами и при шпаге.

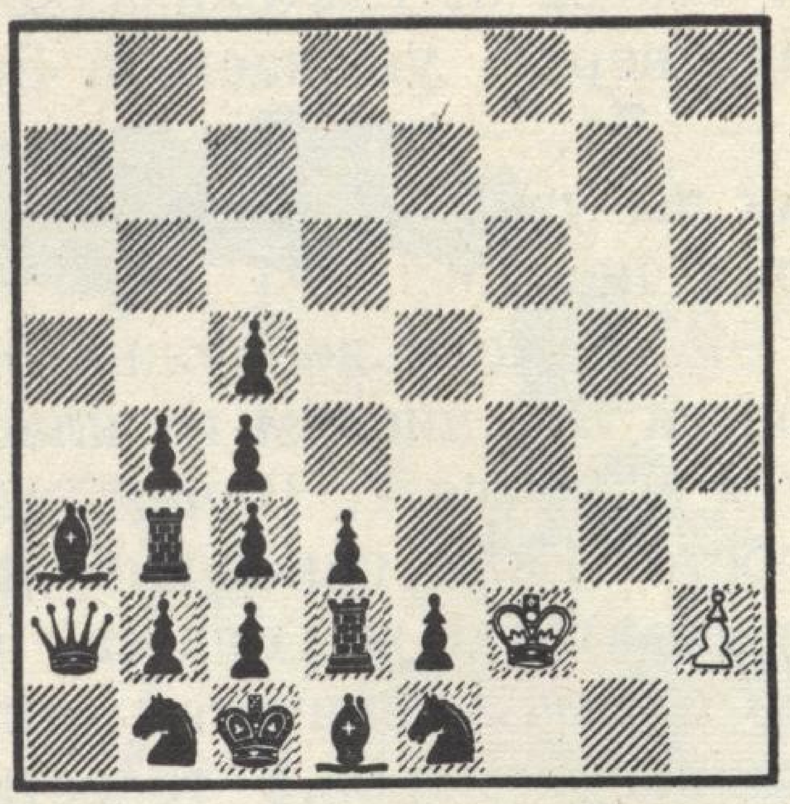
— Какую ерунду вы говорите,— набросился он вдруг на Пешкина.

Пешкин рассердился:

— Да как вы смеете...

— А вот смею! Потому что умею! И сейчас проверю, умеете ли вы?— Усатый протянул Пешкину две пешки.— Выбирайте!

Пешкину досталась белая пешка. И началось сражение. Через пятьдесят ходов получилась такая позиция.



— Сдавайся, Пешкин!—воскликнул Усатый.—Теперь давай знакомиться: меня зовут шахмат-адмирал Ферзьбери из журнала «Костер»...

— Так это ты, славный Ферзьбери!— обрадовался Пешкин.— Я сам собирался навестить тебя. Уверен, что мы с тобой подружимся. Но сдаваться я не собираюсь. Сейчас я покажу тебе, чего стоит одна-единственная пешка...

Пешкин взял королем коня: 1. Кр:е1, а когда черные сыграли... Фа1, белая пешка двинулась вперед.

Пешкин довел пешку до восьмой линии, превратил ее в ферзя, но, как ни старался, мат дать не мог. Пришлось согласиться на ничью.

Во второй партии белыми играл Ферзьбери, и — надо же!— снова возникла такая же позиция.

— Я тебя, Пешкин, все равно перехитрю,— засмеялся Ферзьбери. Он тоже взял королем коня е1, довел пешку до восьмой линии, сыграв 2. h4, превратил свою пешку в коня.

Потом он долго прыгал на этом коне по всей шахматной доске, но мата не получилось. Ничья.

— Ты достойный противник!— сказал Ферзьбери.

И предводители великих шахматных армий «Пионера» и «Костра» крепко пожали друг другу руки.

Тут молчавший все время Игорь тихо произнес:

— Уважаемые Пешкин и Ферзьбери, а ведь вы оба неправильно играли.

И Игорь показал, как белые могли выиграть. Им нужно было... Впрочем, ребята, вы, наверное, сами догадаетесь, что нужно было для победы белых. Напишите нам. Пешкин и Ферзьбери будут ждать!

Грамоты друзьям

Пешкину очень понравилось, как проходят соревнования и ве-

дутся занятия в школьных секциях ребятами из Октябрьского района в Ленинграде.

За большие успехи, за активную работу в школьных шахматных кружках Пешкин наградил «Грамотами ферзя и ладьи» **Леню Ермолаева** (253-я школа), **Светлану Фрумкину** (252-я школа), **Славу Соколова** (256-я школа), **Сашу Фалька** (233-я школа), **Феликса Воронова, Наташу Левченко, Мишу Хайкина** из 241-й школы и других своих верных друзей.

Пешкин вручил грамоту и пятикласснику **Феликсу Воронову**, Феликс — отличник. У него третий разряд по шахматам, и он обучает шахматной игре новичков в своем классе.

Пешкин побывал и на занятиях самых маленьких шахматистов — четвертого разряда — в Октябрьском Доме пионеров (вы их видите на верхнем снимке), и ему очень понравилось, как серьезно ребята занимались.

Пешкин берет интервью

Экс-чемпион мира Михаил Таль живет в Риге. Чемпионом мира он стал в 1960 году, когда победил М. Ботвинника. Пешкин, конечно, отправился в гости к прославленному гроссмейстеру.

— Скажите, гроссмейстер, как вы научились играть в шахматы?— спросил Пешкин.

— В шесть лет я уже знал шахматные правила — отец познакомил меня с ними. По-настоящему увлекся шахматами, когда мне было десять лет. Началось с обиды. Как-то двоюродный брат дал мне «детский мат» и стал надо мной смеяться. Зло меня взяло. На себя, конечно. Надо же, в четыре хода проиграл... Вот эта «блестящая» партия. 1. e4e5 2. Cc4-Cc5 3. Ф f3Кc6 4. Ф:f7 мат.

И я решил во что бы то ни стало отыграться. Нашел какую-то книжку про шахматы, стал ее штудировать.

У меня было еще одно увлечение. Я любил участвовать в школьных спектаклях. И вот однажды я пошел во Дворец пионеров — решил записаться в драмкружок. И вдруг вижу объявление: приглашаются ребята в шахматную секцию. И я записался в нее вместо драмкружка. И с тех пор стал постигать секреты шахматного искусства.

— А в школе, где вы учились,— спросил Пешкин,—много было шахматистов?

— Много,— ответил Таль.— И хорошо играли ребята. В классе я был чемпионом, а в школе мне никак не удавалось занять первое место.

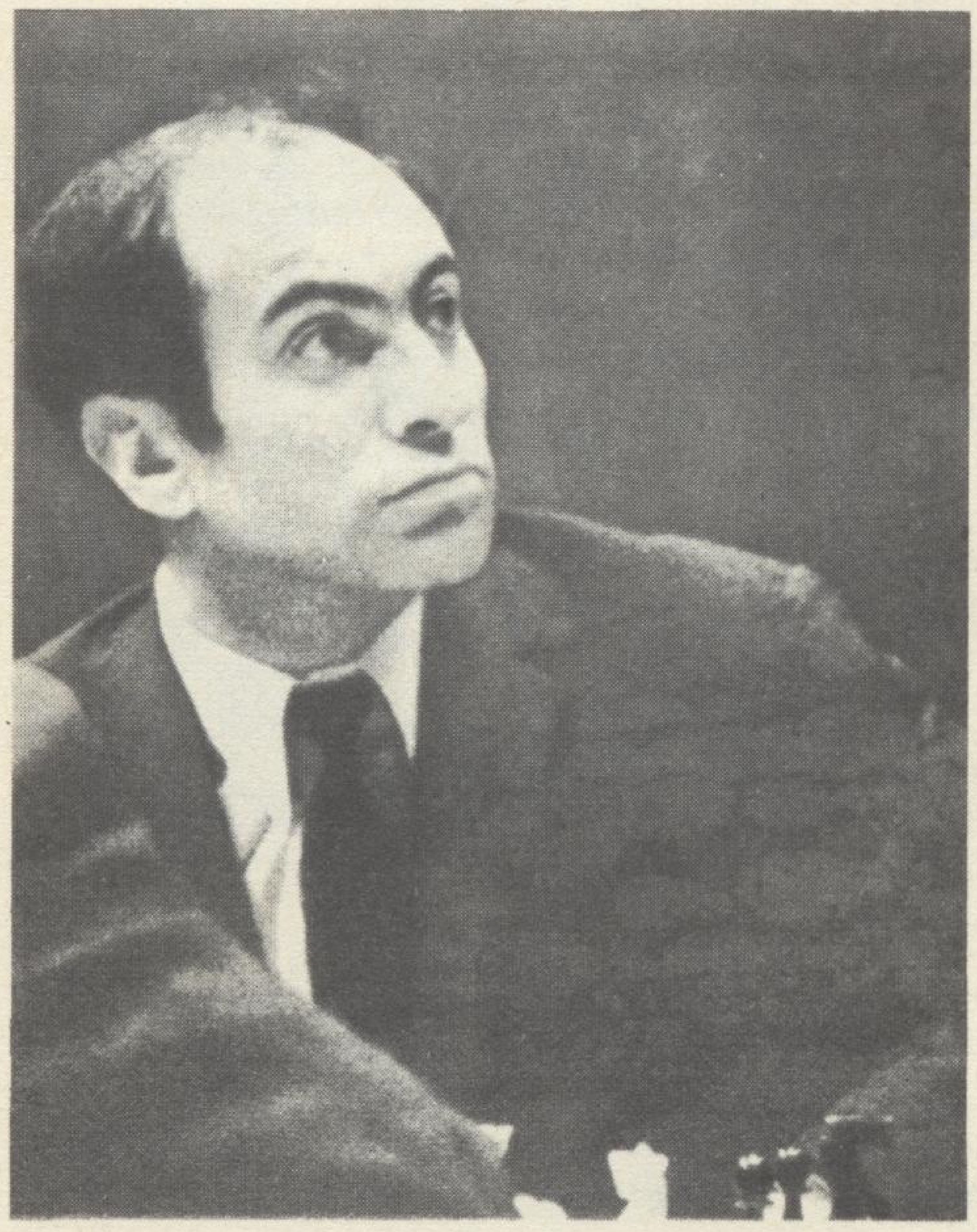
Много позднее я стал даже чемпионом мира, а вот чемпионом своей школы в Риге я никогда не был...

— Что вы посоветуете читателям журнала «Пионер», которые любят шахматы?

— Хотелось бы, чтобы шахматы не мешали ребятам хорошо учиться, чтобы они учились распоряжаться своим днем и у них оставалось время для шахмат.

Сильному шахматисту надо много играть. Играть вдумчиво, стараться понять смысл шахматных поединков.

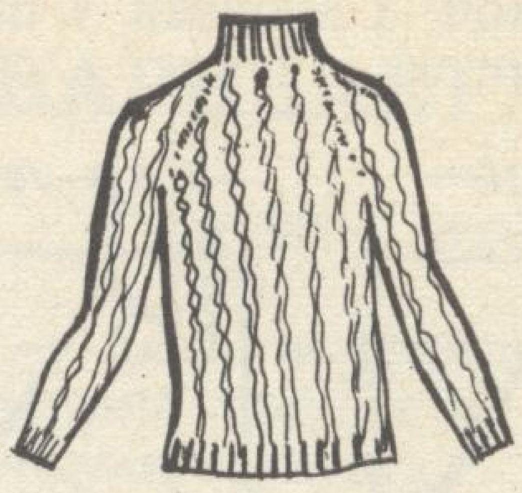
Не бойтесь сильных противников. По личному опыту знаю: проигрывать неприятно. Но и в шахматах «за битого двух небитых дают». Старайтесь понять, в чем причина вашего поражения, где вы допустили ошибку. Поймете, больше никогда не повторите ее.



И никогда не ищите для себя оправданий: «голова болела», «зевнул»... Это недостойно настоящего спортсмена.

Я уверен: «В стране шаха — владыки черных и белых полей» растут будущие гроссмейстеры и мастера.

Академия Домашних Волшебников



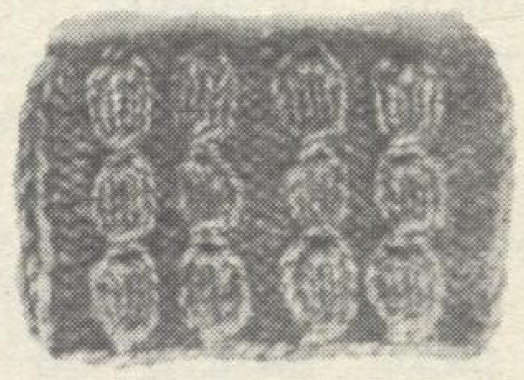
— Я хочу себе связать пестренький свитер и все для этого купила сама,— сказала Лека,— спицы третьего номера, четыре мотка средней гладкой шерсти и один моток тонкой коричневой, пятнадцатисантиметровую молнию. Калинка сказала, что на этот свитер мне надо примерно пятьсот граммов или примерно полтора километра шерсти.

— Скажет такое! — развеселился Алеша.— Свитер — и вдруг полтора километра.

— Ничего не знаешь, а смеешься. Видишь, на этикетке желтой шерсти написано: «100 граммов — 350 метров», значит, в четырех мотках 1 400 метров, а на этикетке коричневой: «100 граммов — 1 600 метров». Я соединила одну желтую нитку и одну коричневую, и получилось шесть пестреньких клубков.

— Да-а,— сказал Алеша,— оказывается, и для вязания нужна арифметика!

— Еще как! Только и считай петли. Вязать я буду узором «ягодка».



Вначале свяжу образец. Набираю 21 петлю.

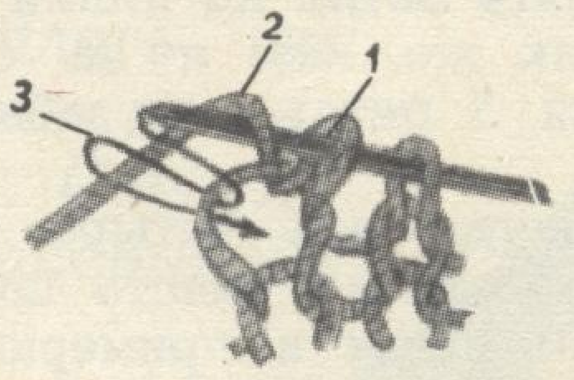
1-й ряд — 3 изнаночных петли, из одной петли вывязать 3 и т. д.

2-й ряд — вязать по рисунку (лицевые петли над лицевыми, изнаночные над изнаночными). Петли, вывязанные из одной петли, вязать изнанкой.

3-й, 4-й, 5-й ряды — вязать по рисунку.

6-й ряд—3 лицевых петли, 3 вместе изнаночной петлей и т. д.

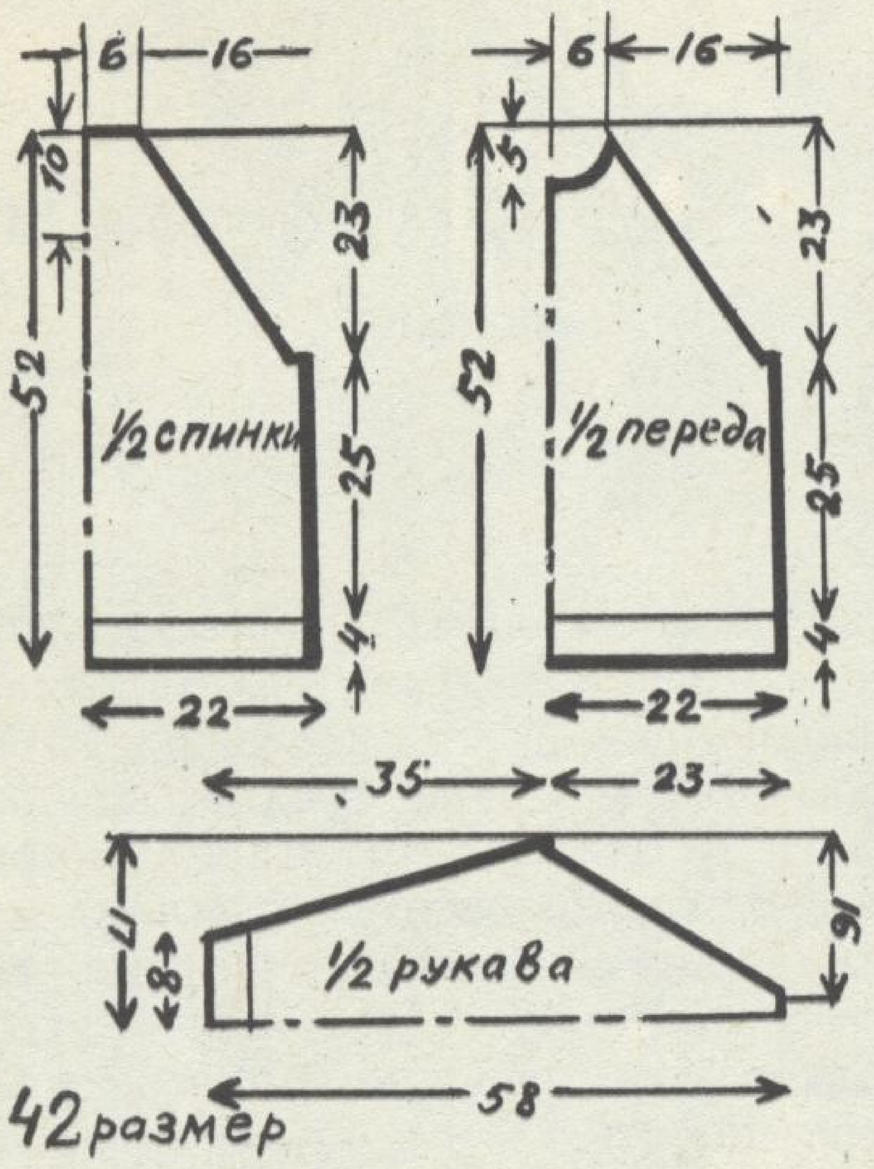
7-й ряд — рисунок повторить с 1-го ряда.



Вот как вывязывают из одной три петли.

Вывязав первую петлю лицевой петлей из петли предыдущего ряда — со спицы ее не снимаю, а делаю накид, который будет второй петлей. Потом вывязываю новую петлю (третью по счету) из этой же петли предыдущего ряда, которую затем сбрасываю с левой спицы.

Низ свитера, манжеты, воротник вяжу резинкой: 1 лицевая, 1 изнаночная.



Видишь выкройку: спинка, перед и рукав-реглан (все по половинке). Без выкройки вязать нельзя, получится чепуха, а так посмотришь — и все видишь, сколько петель набирать, где спускать их.

Начинаю вязать спинку. На выкройке по низу половинки спинки — 22 см.

Плотность вязки—2 петли в сантиметре: значит, на спицах набираю 88 петель. Резинку сделаю широкую: 4, нет, лучше 5 сантиметров. А потом перейду на узор «ягодкой», буду вязать 25 см до подмышек, не сбрасывая петель, а потом начну убавлять петли по линии реглана в лицевых рядах. В начале лицевого ряда после крайней петли надо провязывать каждый раз 3 изнаночных петли, далее 2 вместе лицевой петлей. В конце ряда: 2 вместе лицевой петлей, 3 изнаночных петли и одну крайнюю. Изнаночные ряды вязать по рисунку. Немного повяжу и проверю по выкройке. Правильно ли.

На высоте 42 см разделю вязание на 2 части и буду вязать каждую часть отдельно (для застежки). Оставшиеся петли по горловине закрою сразу все.

Свяжу спинку, буду вязать перед. Петли по линии реглана надо сбавлять так же, как при вязании спинки.

Теперь приступаю к рукавам.

Резинка такая же, 5 сантиметров, затем перейду на рисунок, до линии реглана, буду прибавлять в каждом 7-м ряду по одной петле с двух сторон. Убавлять петли по линии реглана надо так же, как и на спинке. Оставшиеся 5 петель не забыть закрыть.

Теперь, когда все четыре детали связаны, сошью их вместе широким наметочным швом и примерю. Если не надо ничего перевязывать, то сошью швом за иголку. Потом надо будет вшить «молнию», обвязать крючком края разреза застежки одним рядом столбиков без накида и отгладить через слегка влажную тряпку, не вытягивая. Потом свитер пусть остынет от глажки и денек полежит. В субботу мы все пойдем на каток, и я надену новый свитер.

Репортаж с заседания ведет Вадим ЛЕВИН

— В чем дело? Почему не начинаем? — раздавались удивленные и даже возмущенные голоса. — Бабушка Белобока, открывай заседание!

Сорока-президент задумчиво посмотрела на кричащих членов Клуба и наконец произнесла:

Ветер, ветер, ты чудак,
Что ты дуешь просто так?

— Бабушка, ты что это выдумала? — встревожились сороки.

— Это не я выдумала. Это поэт выдумал. А я забыла, какие там еще две строчки. Уже почти месяц мучаюсь, не могу вспомнить...

— Надо было спросить у автора, — посоветовала Всезнайка.

— Ты права, внученька. Только имя автора я вспоминала два месяца, да так и не вспомнила. Стара я стала, память подводит.

Сороки вздохнули и задумались.

— Придумала! — крикнула вдруг Эврика. — Дадим задание нашим читателям:

РЕБЯТА! ВСПОМНИТЕ, ЧЕМ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ЭТО ЧЕТВЕРОСТИШИЕ И КТО ЕГО АВТОР, ИЛИ ДОПИШИТЕ САМИ ЕЩЕ ДВЕ СТРОЧКИ, ЧТОБЫ ПОЛУЧИЛИСЬ ВЕСЕЛЫЕ СТИХИ

— Прекрасная мысль! — обрадовалась бабушка Белобока. — Пусть это будет первым домашним заданием в этом году.

— Да-да! Рита будет довольна, — поддержала Соберика-Разберика.

— Какая Рита?

— Рита Чистякова из деревни Губино, Вологодской области. Она прислала нам такое письмо: «Когда почтальон приносит «Пионер», я вначале открываю страницу, где написано «Клуб «Сорок сорок». Я очень радуюсь, если на этой странице вижу стихотворение, которое нужно дописать».

— Что ж, это приятно,— сказала Белобока, — очень приятно, что у нашего Клуба есть добрые друзья. Разрешите, я прочту вам

ШУТЛИВЫЕ СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ ВЕСЕЛЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ

«Здравствуй, КЛУБ «СОРОК СОРОК»! Привет от второгодника журнала ПИОНЕР! (Я второй год выписываю ваш журнал)».

С. Поляков

Андреевка, Тамбовской области.

* * *

«Дома меня часто называют сорокой и говорят, что если собрать несколько таких девочек, как я, то мы бы создали второй Клуб «Сорок сорок».

Оля Островская

Москва.

* * *

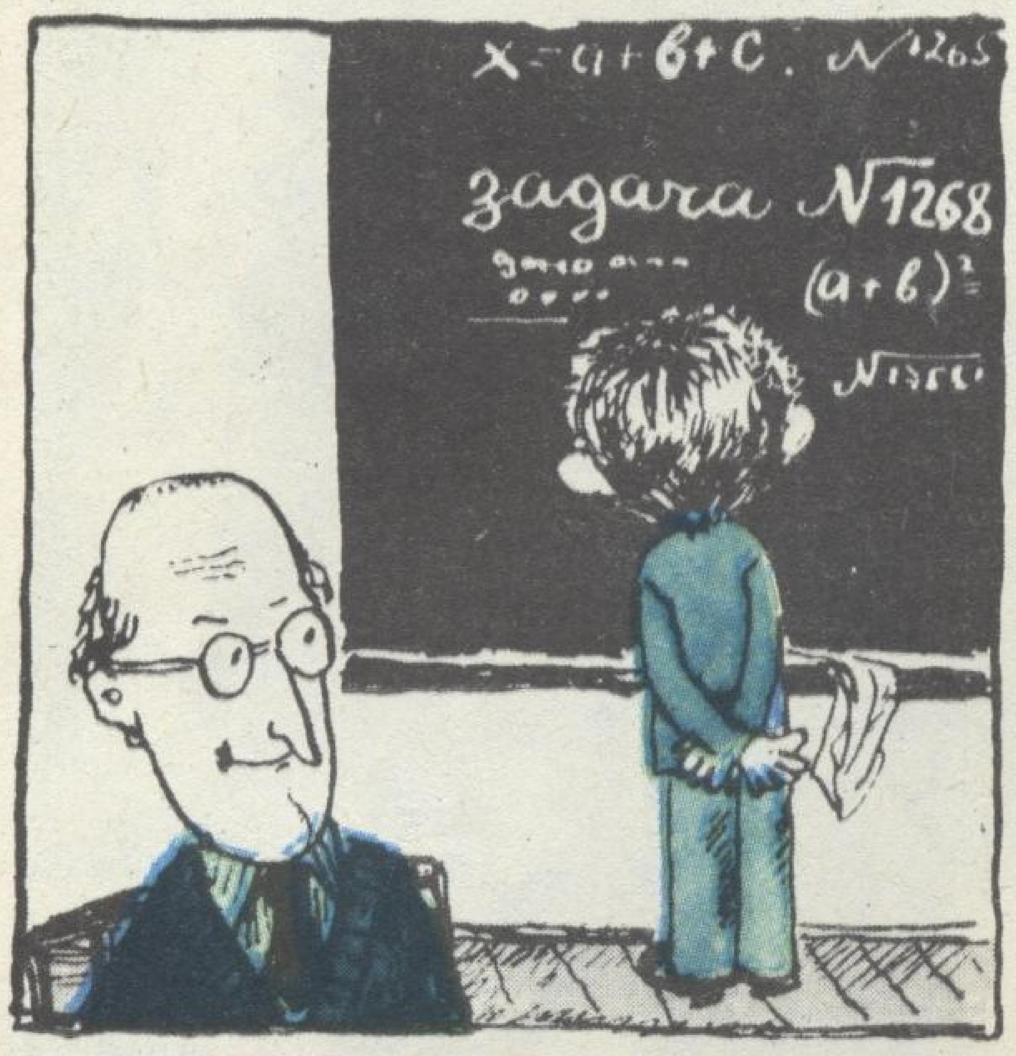
«Если она СТРЕКОЗА, то он СТРЕКОЗЕЛ? Если на ногах НОГТИ, то на руках РУКТИ?»

Оля Ежова

Подольск.

— Какие смешные слова! Можно, я возьму их в свой **БЕСТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ?** — спросила Непонимайка.

— Конечно! — разрешила Белобока и добавила: — Кстати, специально для тебя прислали новые слова Саша Субботин из поселка Билитбай, Свердловской области, Миша Ена из Харькова и некто Л. П. из Алдана. А сорока Художница уже сделала к ним рисунки:



Озадачили

Обескуражили

Персик

РЕБЯТА! ПРИСЫЛАЙТЕ НОВЫЕ СЛОВА В БЕСТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ НЕПОНИМАЙКИ!

— Заседание продолжается!

КТО ЭТО РАЗГОВАРИВАЕТ?

— Вот в том-то и дело, что я не знаю, кто разговаривает,—откликнулась Соберика-Разберика. — Это смешные разговоры из моей коллекции. Разговаривают герои каких-то книг. Но у меня не записано, кто именно. **МОЖЕТ БЫТЬ, ЧИТАТЕЛИ УЗНАЮТ, ЧЬИ ЭТО РАЗГОВОРЫ И ИЗ КАКИХ КНИГ?**

Разговор первый

— Позовите к телефону вашу собаку, — сказал я в телефонную трубку.

— Кто ее спрашивает?

— Ее просит Джек из угрозыска! — сказал я грубым голосом, и подмигнул Трезору, и тихо прошептал: — Голос, Трезор!

«Гафф!» — сказал Трезор.

— А по какому делу?

— По уголовному,— сказал я.

— А кто ее просит?

— Я же сказал: Джек из угрозыска!

— Он ищейка?

— Он ищей.

Разговор второй

— Дали нам сигары, украсили цветами, вывели на эстраду, раздернули занавес...

Ну, я вижу, нужно петь. А что петь?.. А публика в зале волнуется, негодует — того и гляди, начнется скандал. Ну, я закрыл глаза, думаю: «Эх, будь что будет...» Ударил по струнам и басом:

Сидела птичка на лугу...

А что дальше петь, и не знаю. Хорошо, Фукс выручил — подтянул дискантом:

Подкралась к ней корова...

А тут уж мы оба, хором:

Ухватила за ногу.
Птичка, будь здорова!..

И, представьте, бурные аплодисменты сорвали.

Потом вышел на эстраду конферансье.

— Вот, — говорит, — эта старинная туземная песня, слова которой говорят о забытом способе охоты на птиц, как нельзя лучше отражает смысл гавайской музыки...

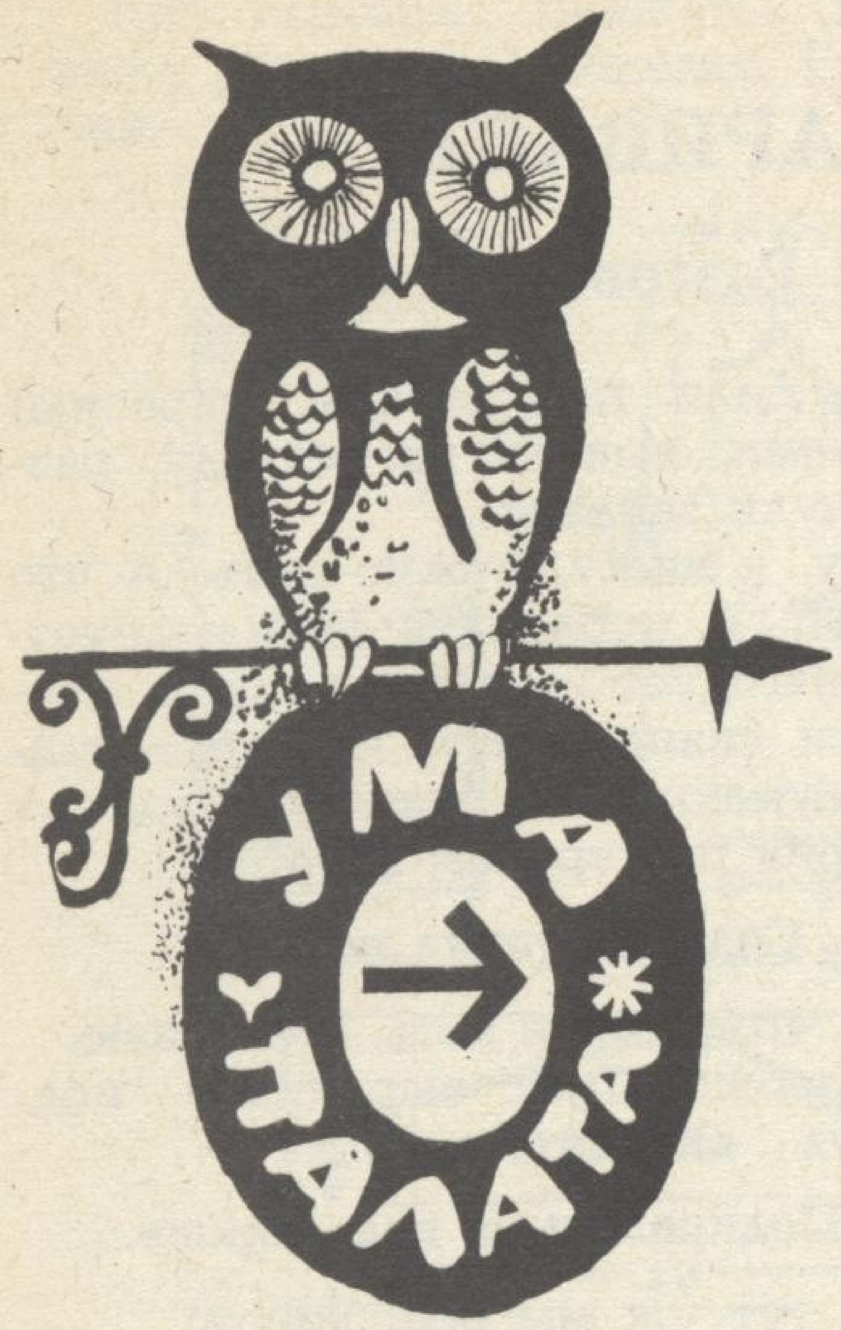
ПОСЛЕДНИЕ ЗАДАНИЯ:
ВО-ПЕРВЫХ,
НАПИШИТЕ
СОБЕРИКЕ-РАЗБЕРИКЕ,
КТО ЭТО РАЗГОВАРИВАЕТ
И В КАКИХ КНИГАХ,
ВО-ВТОРЫХ,
ПРИСЫЛАЙТЕ ВЕСЕЛЫЕ
РАЗГОВОРЫ ИЗ КНИГ,
КОТОРЫЕ ВЫ ЧИТАЕТЕ,
В КОЛЛЕКЦИЮ
СОБЕРИКЕ-РАЗБЕРИКЕ,
ТОЛЬКО НЕ ЗАБЫВАЙТЕ
НАПИСАТЬ НАЗВАНИЕ КНИГИ
И ЕЕ АВТОРА.

Спасибо всем, кто отвечал на августовское задание прошлого года. Вот как восстановил стихотворение автор—Владимир Орлов:

Плачет маленький питон —
Сам себя запутал он:
Сам себя переползал
И себя узлом связал.
Кто теперь ему поможет?
Он себя найти не может.

— ЗАСЕДАНИЕ ЗАКРЫВАЕТСЯ!
ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ, РЕБЯТА!

Многие ребята просят прислать им портреты всех сорока сорок. Мы постараемся выполнить их просьбу. Сегодня вы можете познакомиться с Соберикой-Разберикой.



Дракон Зуб-Зуб

Девятиглавые драконы
Едят на завтрак макароны.

А восьмиглавые едят
Один ванильный шоколад.

Тот, кто на завтрак ест мучное,
В пещере прячется от зноя.

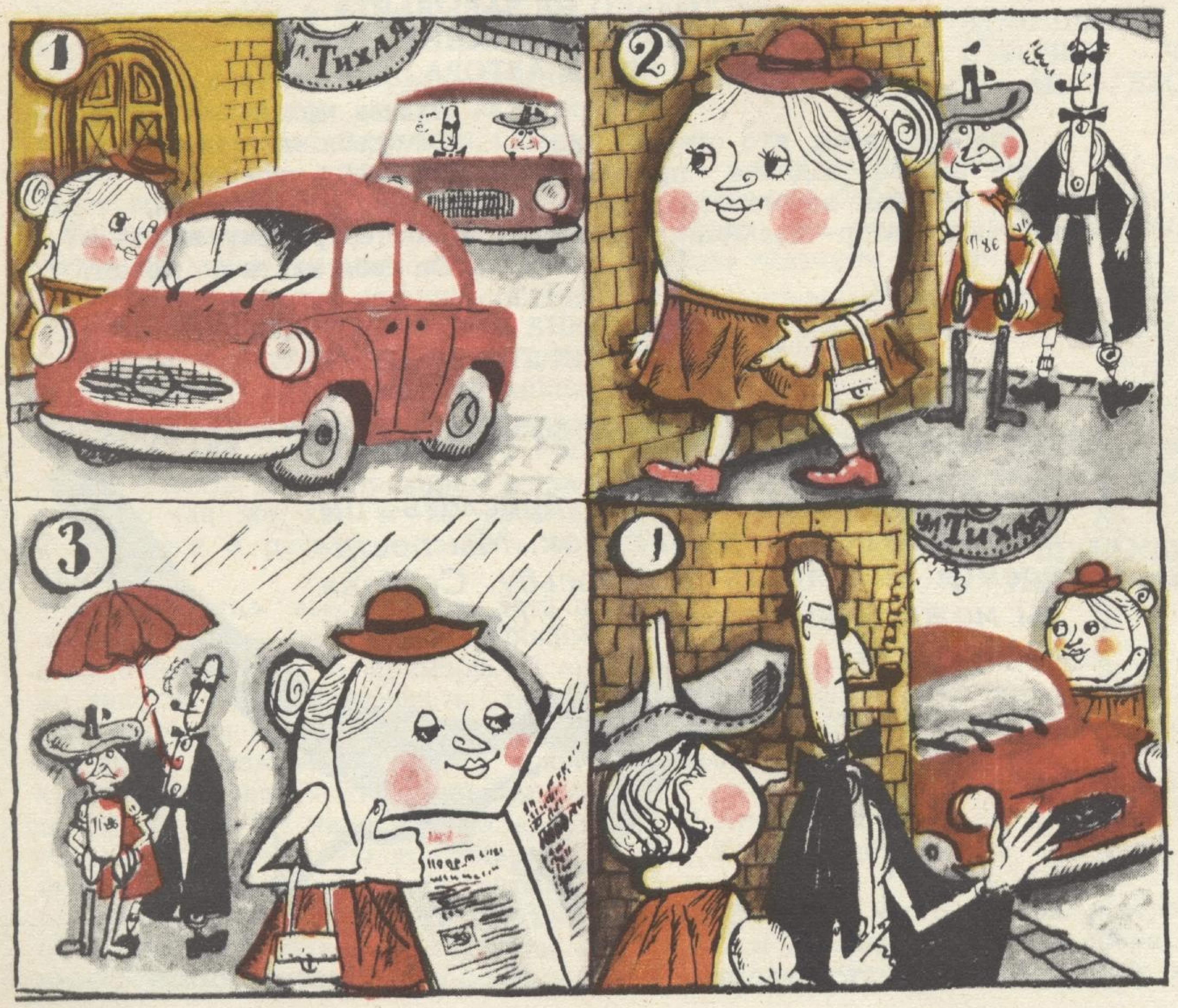
А тот, кто утром сласти ест,
Боится темных, мрачных мест.

Дракон Зуб-Зуб в подземном зале
Играет польку на рояле.

Все знают, что дракон Зуб-Зуб
И музыкален и неглуп.

А сколько у него голов?
Надеюсь, ваш ответ готов!

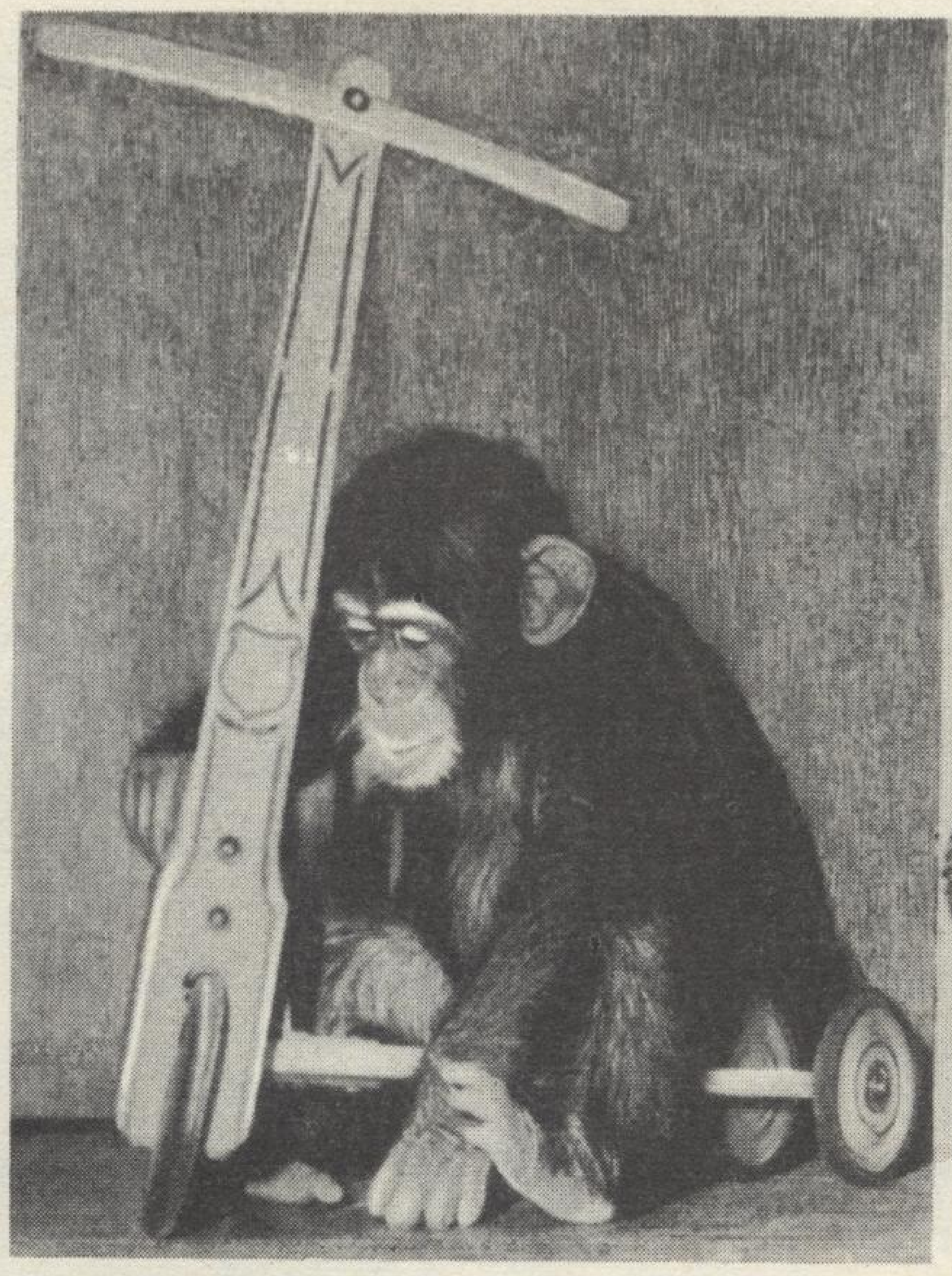
Ответственный дежурный Никита РАЗГОВОРОВ



Записки капитана Перо-86

1. Карандаши и резинки попросили, чтобы я и мой друг Циркуль последили за круглой резинкой, которая собирается передать кому-то секретные чертежи.
2. Мы поехали следом за ней по городу.
Круглая резинка вышла из машины, но мы не выпускали ее из виду.
3. Пошел дождь. Круглая резинка, не обращая никакого внимания на дождь, стояла и читала газету.
4. Когда мы снова вернулись к машине, я догадался, что круглая резинка ухитрилась выполнить свое задание.
Как ей это удалось?

Странный случай



Подскажите мне, ребята,
Где завод у самоката?

Я с утра на нем сижу,
Так и эдак завожу.

Но не едет самокат
Ни вперед и ни назад!

Позвоню кому-нибудь,
Как на нем пуститься в путь?

Ночлег в кроссворде

ИГРЫ ДЕДА-БУКВОЕДА

ОДНАЖДЫ БАРС, ОСА, КОЗА.
ОСЕЛ И КОТ,
ВОЛ, СЛОН, ЛЯГУШКА И СОВА
ЗАЛЕЗЛИ НОЧЕВАТЬ В
КРОССВОРД.
РАССТАВЬТЕ ПО МЕСТАМ В
КРОССВОРДЕ ВСЕ СЛОВА!

ВАШ Д. Б.

Ответы на задачи из № 12

ИХТИОЗАВРЫ НЕ КУСАЮТСЯ!

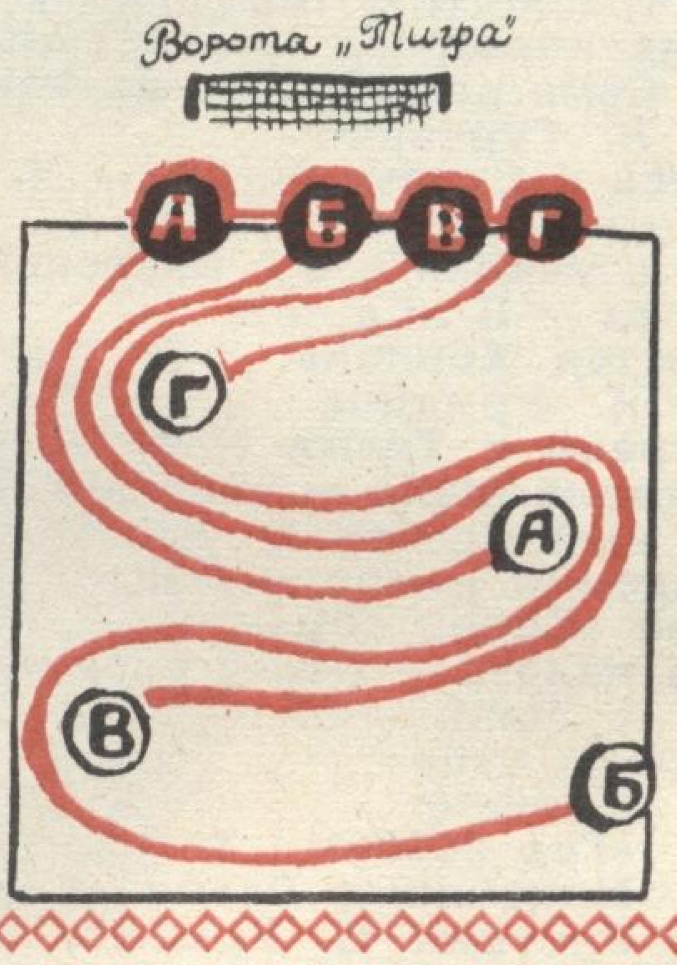
В рамке нарисован нос второго ихтиозавра.

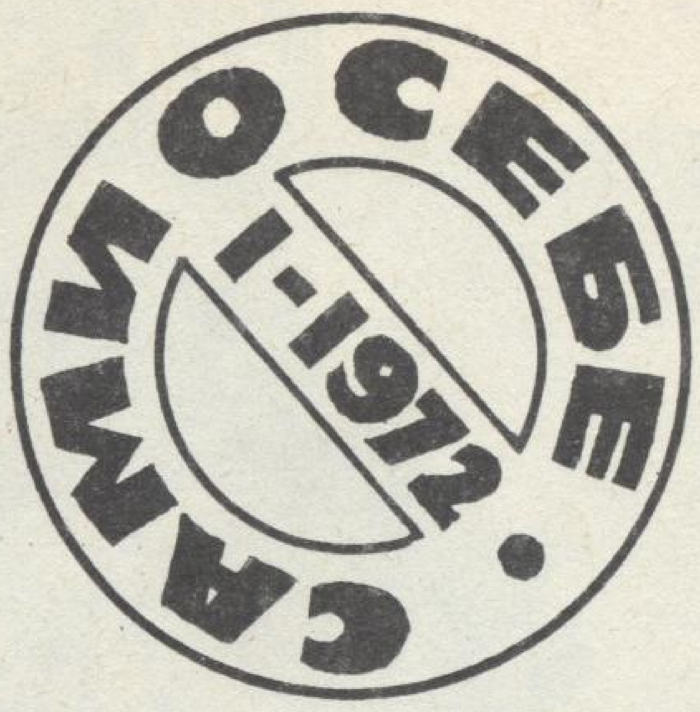
АВТОМОБИЛЬ ДЕДА-БУКВОЕДА

состоит из фары, дверцы, мотора, покрышки, тормоза, капота, карбюратора, подшипника, руля и сиденья.

ПЕРВАЯ ШАЙБА «БАРСА»

Такой путь проделал каждый игрок во время матча.





ОНИ МНЕ ТОЖЕ НУЖНЫ

Когда я узнал, что меня назначили вожатым к октябрятам, то не очень обрадовался. Уроков на дом задают много, времени свободного мало, и потом просто не знал, о чем с ними разговаривать. Это было два года назад.

Несколько раз я приходил к ним. Ребята охотно играли со мной, слушали «Незнайку на Луне». А потом я заметил, что они радуются моему приходу и обижаются, когда меня долго нет. Мне тоже понравилось проводить с ними сборы, помогать решать задачки по арифметике. Я был рад, что так хорошо выполняю поручение; я считал свою работу с октябрятами общественной нагрузкой. Одни делают стенгазету, другие организуют спортивные соревнования, а я хожу к октябрятам.

Наступило лето, и мы не виделись целых три месяца. У меня много друзей, я читал книжки и ходил купаться, а потом понял, что скучаю без октябрят. Я и раньше знал: им нужно, чтобы я приходил, но, что мне они тоже нужны, понял только этим летом.

И еще понял, что, даже если теперь меня освободят от этого поручения, все равно не перестану к ним ходить.

Коля ПРОШЛЯКОВ,
7-й «Б» класс, школа № 32,
пос. Родники, Московской обл.

СОДЕРЖАНИЕ

Ключ к номеру.— Рисунки А. Вовиковой 1
Большой общий совет.— Рисунки А. Борисова 2
Штурман Коноплев.— Рассказ В. Крапивина. Рисунки Е. Медведева 4
Костер дружбы
У нас везде друзья. — Н. Елистратова. Рисунки Г. Метченко и Б. Гуревича 14
«Чтобы рассказать всему миру...» — В. Калугин 18
Глаза детей. Снег.— Стихи Б. Слуцкого 21
50 пионерских лет
Крайний слева твой друг Генка...— Л. Лилина 22
Папин пароход.— Рассказ С. Львова. Рисунки А. Борисова . . 24
Электровоз на «бархатном» пути. — Рисунки Е. Шабельника . 32
Фабрика маршрутов.— В. Мудров. Рисунки Т. Ларионовой, Е. Шабельника 33
Земля в колосьях.— Ю. Черниченко. Фото В. Постникова . . . 36
«Кораблик».— Рисунок П. Панченко 40
У Кривой сосны. — Рассказ Ю. Коваля. Рисунки П. Багина . . 42
Замок. Котенок.— Стихи В. Бараускаса. Вольный перевод с литовского С. Козлова. Рисунки И. Урманче 47
Международный пионерский клуб «Товарищ»
Семь рассказов о двухтысячном годе.— Л. Симонова. Рисунки Б. Гуревича 48
Алиса в Стране Чудес.— Л. Кэрролл. Пересказал Б. Заходер. Рисунки В. Чижикова 52
Как я учился в 5-й Одесской гимназии.— К 75-летию В. П. Катаева.— Б. Сарнов 65
«Мистер Хоккей». — О. Спасский. Фото А. Бочинина. Рисунки И. Урманче 67
Встречи с Тремя Неизвестными.— Рисунки Б. Кыштымова . . 70
В стране шаха — владыки черных и белых полей.— Международный мастер М. Юдович. Фото В. Постникова . . . 74
Академия домашних волшебников 75
Клуб «Сорок сорок».— В. Левин. Рисунки А. Вовиковой . . 76
Ума палата.— Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки А. Вовиковой 78
Сами о себе 80
На обложке:
«Год 2000-й». По рассказам пионеров нарисовал Б. Гуревич.
Мальчиши. Песня. Музыка В. Боганова. Слова А. Ивахнова. Рисунки И. Урманче

Главный редактор С. А. ФУРИН

Редакционная коллегия:

О. И. Грекова, В. К. Железников, Н. В. Ильина, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь), **Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев** (заместитель главного редактора), **С. В. Михалков, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева, С. Ю. Сахарова** (художник), **Э. С. Соколова.**

Адрес для писем: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.
Рукописи не возвращаются.

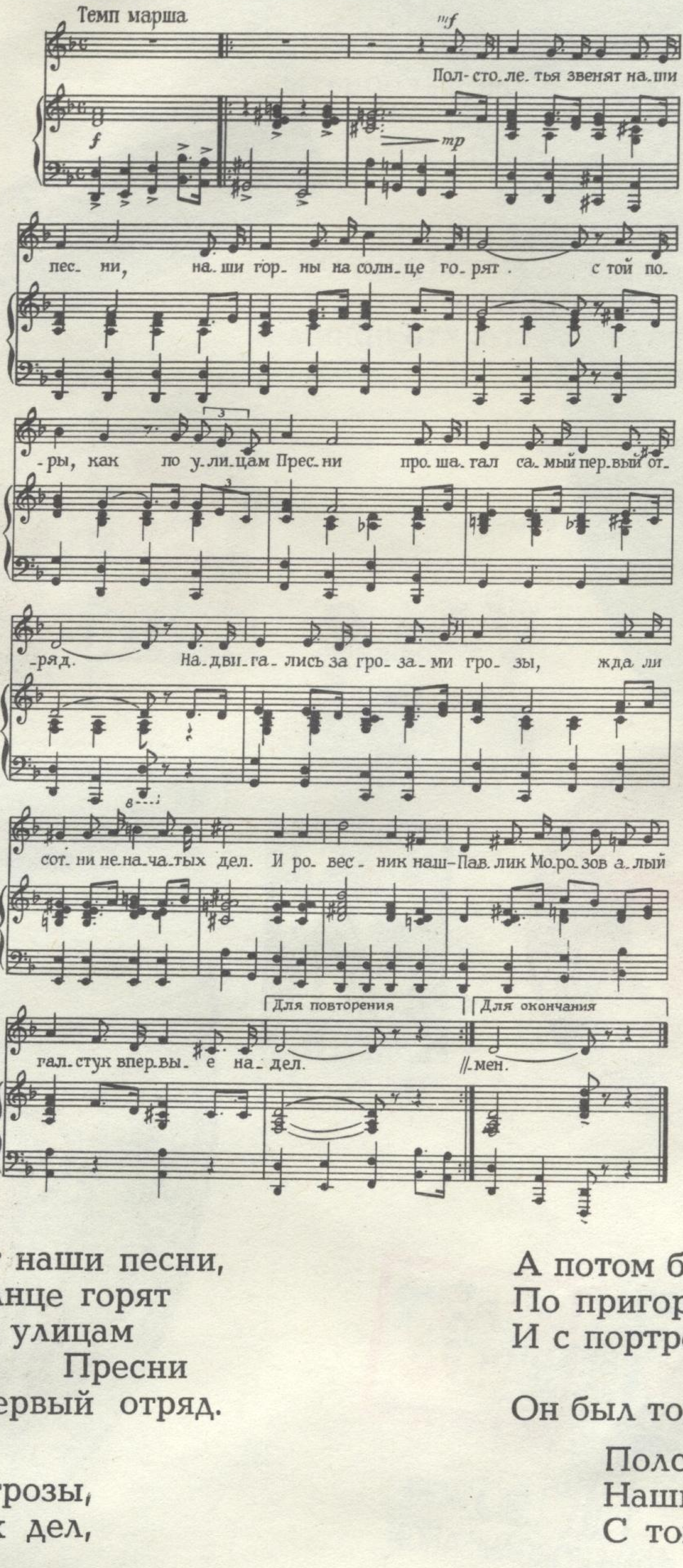
Макет **К. М. Высоцкой.**

Технический редактор
В. В. Вантрусов.

Сдано в набор 30/XI 1971 г. А 01006. Подписано к печати 9/XII 1971 г. Формат бумаги 84×60¹/₈. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 8. Заказ № 2170.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

МАЛЬЧИШИ



Музыка В. Боганова

Слова А. Ивахнова

Полстолетья звенят наши песни,
Наши горны на солнце горят
С той поры, как по улицам
Пресни
Прошагал самый первый отряд.

Надвигались за грозами грозы,
Ждали сотни неначатых дел,
И ровесник наш Павлик
Морозов
Алый галстук впервые надел.

Поднимались пилоты все выше,
Обживались Сибирь и Урал,
И мальчишей сменяли мальчиши,
И Тимур свой отряд собирал.

А потом было утро в разгаре,
По пригоркам журчали ручьи,
И с портретов смеялся
Гагарин,
Он был тоже из нашей семьи...

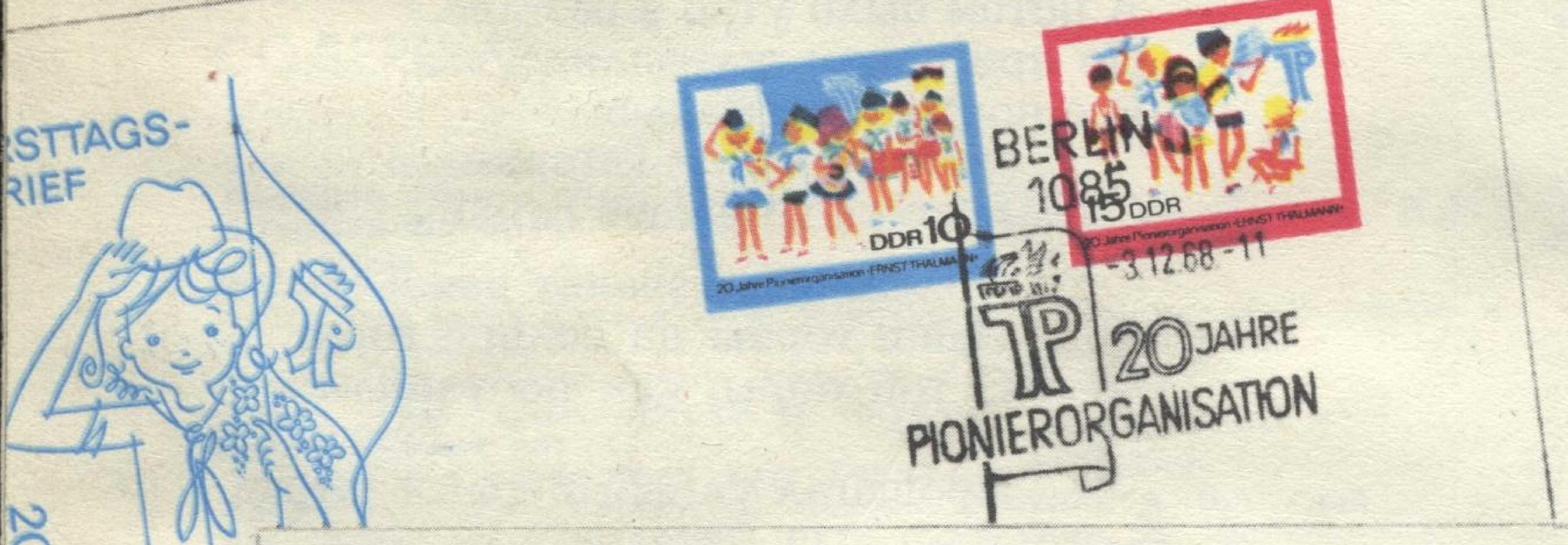
Полстолетья звенят наши песни,
Наши горны на солнце горят
С той поры, как по улицам
Пресни
Прошагал самый первый отряд.

Нам, ребята, остались
в наследство
Красный галстук тех славных
времен,
Пионерское светлое детство
И кумач пионерских знамен.

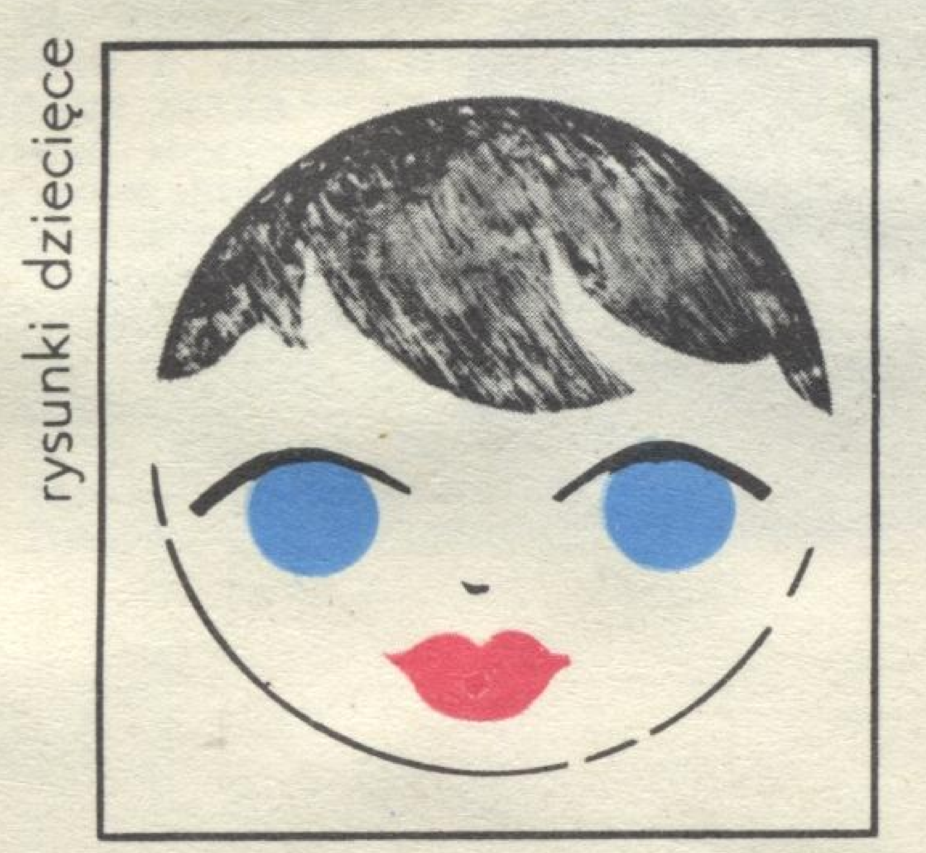
Цена 25 коп.
Индекс 70694

К нам в журнал часто приезжают зарубежные гости — взрослые и пионеры. На память об этих встречах в небольшом музее «Пионера» остаются самые разные пионерские сувениры: значки, шевроны, марки и конверты, медали и разноцветные галстуки.

Эта пионерская коллекция с каждым годом растет. Приедет журналист «Пионера» из зарубежной командировки — и в музее появляются новые экспонаты. Мы решили познакомить вас, ребята, с нашей коллекцией. Попробуйте узнать, о чем рассказывают наши марки, значки, медали, пионерские атрибуты, каким детским организациям они принадлежат. Для того, кто пришлет самый полный ответ, мы приготовили наш редакционный сюрприз — набор редких значков детских демократических организаций мира.



Ждем от вас ответов. На конверте не забудьте написать наш условный пароль — «КОЛЛЕКЦИЯ».
В журнале мы открываем страничку для коллекционеров «МОЯ КОЛЛЕКЦИЯ».



О каких коллекциях ты хочешь узнать? С какими коллекционерами ты хочешь встретиться в «Пионере»? Напиши!

Pierwszy dzień obiegu FDC — PPF „Ruch"